

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования

Научный журнал

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

Том 13 № 2
2026 г.

ISSN 2409-1073
eISSN 3033-5442

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research

Scientific Journal

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription number of LLC Agency "Book-Service":
80114

Vol. 13 No. 2
2026

ISSN 2409-1073
eISSN 3033-5442

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник ГПНТБ России (Москва)

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор, профессор НИУ МИЭТ (Москва)

Председатель редколлегии

Анискин Ю. П., доктор экономических наук, профессор, профессор НИУ МИЭТ (Москва)

Сопредседатель редколлегии

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Члены редколлегии

Агапов В. С., доктор психологических наук, профессор, профессор Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя (Москва)

Алексеев С. В., доктор педагогических наук, профессор, профессор СПБАППО (С.-Петербург)

Алексеева И. Ю., доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИФ РАН (Москва)

Большаков С. Н., доктор экономических наук, доктор политических наук, профессор, профессор РГСУ (Москва)

Бондарева Я. В., доктор философских наук, профессор, завкафедрой ГУП (Москва)

Брижак О. В., доктор экономических наук, доцент, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Гладилина И. П., доктор педагогических наук, профессор, профессор МГУУ Правительства Москвы (Москва)

Гладков И. С., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Российской академии наук (Москва)

Гуськова Н. Д., доктор экономических наук, профессор, профессор МГУ им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Данильченко А. В., доктор экономических наук, профессор, декан БНТУ (г. Минск, Беларусь)

Евдокимова М. Г., доктор педагогических наук, доцент, директор Института ЛПО НИУ МИЭТ (Москва)

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, директор научной школы РЭУ им. Г. В. Плеханова (Москва)

Захлебный А. Н., доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Ин-т содержания и методов обучения РАО (Москва)

Иванова Г. П., доктор педагогических наук, профессор, профессор ГУП (Москва)

Ильин В. В., доктор философских наук, профессор, профессор КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана (г. Калуга)

Инфанте Давиде, Dr. Sci. (Polit. Econ.), адъюнкт-профессор Университета Калабрии (г. Ренде, Италия)

Кальней В. А., доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой РМАТ (г. Химки)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Лобастов Г. В., доктор философских наук, профессор, председатель Российского философского общества «Диалектика и культура» (Москва)

Лойко А. И., доктор философских наук, профессор, завкафедрой БНТУ (г. Минск, Беларусь)

Мамедов Н. М., доктор философских наук, профессор, профессор РАНХиГС (Москва)

Михалкин Н. В., доктор философских наук, профессор, завкафедрой МГППУ (Москва)

Муза Д. Е., доктор философских наук, профессор, действительный член Крымской Академии наук, завкафедрой ДонГУ (г. Донецк, ДНР, Россия)

Равочкин Н. Н., доктор философских наук, доцент, профессор КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева; профессор КузГАУ им. В. Н. Полецов (г. Кемерово)

Румба О. Г., доктор педагогических наук, профессор, профессор СВФУ им. М. К. Аммосова (г. Якутск)

Салимова Т. А., доктор экономических наук, профессор, профессор МГУ им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Степанов С. А., доктор педагогических наук, профессор, научный руководитель МНЭПУ (Москва)

Таранова И. В., доктор экономических наук, профессор, профессор ГУЗ (Москва)

Труфанова Е. О., доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИФ РАН (Москва)

Фахрутдинова А. В., доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой ИМО КФУ (г. Казань)

Якушенко К. В., доктор экономических наук, доцент, проректор БНТУ (г. Минск, Беларусь)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**
Научный редактор — **Т. В. Растимешина**
Выпускающий редактор — **Ю. В. Лункина**
Компьютерная верстка — **Д. А. Носачев**

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**
Редакторы — **Е. В. Малинкина, А. В. Лобанова**
Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Сайт: <http://esgi-journal.ru>

Подписано в печать 20.06.2026. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 22,3 усл. печ. л., 13,1 уч.-изд. л. Заказ № 12.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editorial Board

Editor-in-Chief

T. V. Rastimeshina, Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Principal Researcher, RNPLS&T (Moscow)

Deputy Editor-in-Chief

A. I. Pirogov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor, MIET (Moscow)

Chair of Editorial Board

Yu. P. Aniskin, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, MIET (Moscow)

Co-Chair of Editorial Board

A. N. Chumakov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor at the Chair of Geopolitics of Faculty of Global Studies, MSU (Moscow)

Editorial Board Members

V. S. Agapov, Dr. Sci. (Psy.), Prof., Professor, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow)

S. V. Alekseev, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, SPbAPPE (Saint Petersburg)

I. Yu. Alekseeva, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy (Moscow)

S. N. Bolshakov, Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Polit.), Prof., Professor, RSSU (Moscow)

Ya. V. Bondareva, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Chair, SUE (Moscow)

O. V. Brizhak, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Professor, Financial University (Moscow)

I. P. Gladilina, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, MCUM under Moscow Government (Moscow)

I. S. Gladkov, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Scientific Officer, RAS (Moscow)

N. D. Guskova, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, MRSU (Saransk)

A. V. Danilchenko, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Dean of the Faculty, BNTU (Minsk, Belarus)

M. G. Evdokimova, Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Director of the Institute of LPE, MIET (Moscow)

V. G. Egorov, Dr. Sci. (Hist.), Dr. Sci. (Econ.), Prof., Director of Scientific School, PRUE (Moscow)

A. N. Zakhlebnyi, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Academician of Russian Academy of Education, Head of the Laboratory, RAE (Moscow)

G. P. Ivanova, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, SUE (Moscow)

V. V. Ilyin, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor, Kaluga Branch of BMSTU (Kaluga)

Davide Infante, Dr. Sci. (Polit. Econ.), Adjunct Professor, Univ. of Calabria (Rende, Italy)

V. A. Kalney, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Head of the Chair, RIAT (Khimki)

S. N. Levin, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Scientific Officer, Financial University (Moscow)

G. V. Lobastov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chairman of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Moscow)

A. I. Loiko, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department, BNTU (Minsk, Belarus)

N. M. Mamedov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor, RANEPa (Moscow)

N. V. Mikhalkin, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department, MSUPE (Moscow)

D. E. Muza, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Full Member of the Crimean Academy of Sciences, Head of the Chair, DonNU (Donetsk)

N. N. Ravochkin, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor, KuzSTU n. a. T. F. Gorbachev; Professor, Kuzbass SAU n. a. V. N. Poletskov (Kemerovo)

O. G. Rumba, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal Univ. (Yakutsk)

T. A. Salimova, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, MRSU (Saransk)

S. A. Stepanov, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Head of Scientific School, IIUEPS (Moscow)

I. V. Taranova, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Professor, SULUP (Moscow)

E. O. Trufanova, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy (Moscow)

A. V. Fahrutdinova, Dr. Sci. (Ped.), Prof., Head of the Department, Kazan Federal Univ. (Kazan)

K. V. Yakushenko, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Vice-Principal for Research, BNTU (Minsk, Belarus)

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital typesetting — **D. A. Nosachev**

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editors — **E. V. Malinkina, A. V. Lobanova**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Тел.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-journal.ru>

Signed to print 20.06.2026. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 22.3. Published sheets: 13.1. Order No. 12.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

Добрынина М. В., Юдицкая С. Е., Огурешина А. О., Артеменко А. А. Интегративные модели управления молодежным волонтерством и добровольчеством студентов.....	6
Качуренко Д. С., Першин Е. В., Васильева О. В., Шикалов М. С. Бизнес-модели в условиях сетевой экономики: применение методов сетевого планирования в управлении проектами.....	19
Першин Е. В., Качуренко Д. С., Потапов А. В. Планирование стоимости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.....	30
Сахневич С. В. Трансформация профессии переводчика: от двуязычного коммуникатора к менеджеру мультизадачных процессов.....	38
Черногорский С. А. Предикторы демонстративного потребления: пространственное развитие магазинов роскоши (на примере регионов России).....	51

Философия: мир в человеке и человек в мире

Бондарева Я. В., Головкина Д. Н. Дилемма антропоцентризма и техноцентризма как аксиологический конфликт современности.....	64
Мамедова А. Н., Бондарева Я. В. Антропологические и этические измерения цифрового лидерства.....	76
Никишин С. В. Ильенковские чтения — 2025 «Диалектическая логика Э. В. Ильенкова в педагогике»: обзор международной научной конференции.....	87
Петров А. П. Соприкосновение: встреча с абсолютным (рецензия на книгу Г. В. Лобастова «Ильенков. Внутри и вокруг»).....	103
Привалова И. Ю. Феномен войны сквозь призму метафизики.....	118
Равочкин Н. Н., Красиков В. И. Технологии «мягкой силы» в реалиях цифровизации: социально-философский анализ.....	128
Растимешина Т. В. Музей как институциональный медиатор популяризации книги и библиотек: цифровые модели взаимодействия в социокультурном пространстве.....	140

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

Жаринова Н. Н., Федоренко И. В. Модернизация диагностики знаний студентов: анализ эффективности современных форматов тестирования.....	152
--	-----

Молодой ученый

Бондарев В. Л., Леонов А. В. Идея справедливой войны в философии русского зарубежья первой половины XX в. (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. В. Карташёв).....	162
Тарабрина А. С. Теоретико-методологические основы исследования инвалидности как социального явления (российский опыт).....	171

Информация

Памяти Нины Константиновны Моисеевой (1938–2026).....	182
IX Российский философский конгресс «Философия в контексте современных вызовов».....	184
Памятные и знаменательные даты.....	186
Книжные новинки.....	189
К сведению авторов.....	191

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

Dobrynina M. V., Yudickaya S. E., Ogureshina A. O., Artemenko A. A. Integrative models of youth volunteerism and student voluntary work management	6
Kachurenko D. S., Pershin E. V., Vasilyeva O. V., Shikalov M. S. Business models in a network economy: Application of network planning methods in project management	19
Pershin E. V., Kachurenko D. S., Potapov A. V. Cost planning of scientific research and design development activities	30
Sakhnevich S. V. Translation profession transformation: From a bilingual communicator to a multitasking process manager	38
Chernogorskiy S. A. Predictors of conspicuous consumption: Spatial development of luxury stores (evidence from Russian regions)	51

Philosophy: Universe in Human and Human in Universe

Bondareva Ya. V., Golovkina D. N. The dilemma of anthropocentrism and technocentrism as an axiological conflict of modernity	64
Mamedova A. N., Bondareva Ya. V. Anthropological and ethical dimensions of digital leadership	76
Nikishin S. V. Readings from Ilyenkov — 2025 “E. V. Ilyenkov’s Dialectical Logic in Pedagogy”: Review of the international scientific conference	87
Petrov A. P. Touching: meeting with absolute (review on a book “Ilyenkov. Inside and Around” by G. V. Lobastov)	103
Privalova I. Yu. The phenomenon of war through the lens of metaphysics	118
Ravochkin N. N., Krasikov V. I. Soft power technologies in the digitalization realities: A socio-philosophical analysis	128
Rastimeshina T. V. Museum as an institutional mediator of book and library popularization: Digital models of interaction in the sociocultural space	140

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

Zharinova N. N., Fedorenko I. V. Modernization of diagnostics of student knowledge: Analysis of the modern testing formats effectiveness	152
---	-----

Young Scientist

Bondarev V. L., Leonov A. V. Idea of just war in the Russian diaspora philosophy in the first half of the 20 th century (I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. V. Kartashev)	162
Tarabrina A. S. Theoretical and methodological basis for researching disability as a social phenomenon (Russian experience)	171

Information

In Memoriam: Nina Konstantinovna Moiseeva (1938–2026)	182
9 th Russian Philosophical Congress “Philosophy in the Scope of Contemporary Challenges”	184
Memorable and remarkable dates	186
New books	189
For the Authors	191

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 2. Art. ID m04s01a10.

Economic and Social Research. 2026. Vol. 13. No. 2. Art. ID m04s01a10.

Научная статья

УДК 334.02 + 316.43 + 37.035

DOI: <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s01a10.jmbulj>

EDN: <https://elibrary.ru/JMBULJ>

Интегративные модели управления молодежным волонтерством и добровольчеством студентов

М. В. Добрынина¹, С. Е. Юдицкая² ✉, А. О. Огурешина³, А. А. Артеменко⁴

^{1, 2, 3, 4} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

✉ yudickayasss@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена разрывом между высокой декларируемой ценностью бескорыстного служения людям и низкой практической вовлеченностью молодежи в такую деятельность, особенно заметным после кризисов; высокая ценность и социальная значимость волонтерства делает актуальными мобилизацию этой ценности и нереализованного потенциала и их канализирование в реальное служение. Цель исследования — эмпирически обосновать эффективность стратегий организации волонтерского движения и управления им, сочетающих опору на ценностно-смысловую мотивацию с развитием институциональных механизмов вовлечения в волонтерскую деятельность, социальной партиципации студенческой молодежи, выявить точки роста в управлении этими практиками. Новизна заключается в комплексном вторичном анализе опросов 2019–2025 гг. (ВЦИОМ, ФОМ) и обосновании эффективности интегративной модели, опирающейся на теоретическую базу ценностно ориентированного менеджмента и теорию социального капитала. Основные выводы: исследование подтвердило, что существует и не полностью реализован потенциал вовлеченности молодежи в конвенциональные волонтерские движения и практики. Продемонстрирована эффективность интегративной модели управления волонтерским движением, которая опирается на построение институциональных рамок для вовлечения молодежи, обладающей позитивными установками и ценностно-смысловой мотивацией.

Ключевые слова: ценностный потенциал волонтерства, добровольчество студентов, волонтерство студенческой молодежи, социальная партиципация, мотивация волонтерской деятельности, интегративная управленческая модель, социальный капитал молодежи

© Добрынина М. В., Юдицкая С. Е., Огурешина А. О., Артеменко А. А.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Добрынина М. В., Юдицкая С. Е., Огурешина А. О., Артеменко А. А. «Интегративные модели управления молодежным волонтерством и добровольчеством студентов». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m04s01a10.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s01a10.jmbulj> EDN: JMBULJ.

Original article

Integrative models of youth volunteerism and student voluntary work management

M. V. Dobrynina¹, S. E. Yudickaya²✉, A. O. Ogureshina³, A. A. Artemenko⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

✉ yudickayasss@yandex.ru

Abstract. The *relevance* of the study is due to the gap between the high declared value of selfless service to people and low practical involvement of youth in this kind of activity, especially noticeable after crises; the high value and social significance of volunteerism makes it urgent to mobilize this value and unrealized potential and channel them into real service. The *purpose* of the study is to empirically substantiate the effectiveness of strategies for organizing and managing the volunteer movement, combining reliance on value-based motivation with the development of institutional mechanisms for involving students in volunteerism and social participation, and to identify growth points in managing these practices. The *novelty* lies in a comprehensive secondary analysis of the 2019–2025 surveys (WCIOM, FOM), substantiating the effectiveness of an integrative model supported by the theoretical grounds of value-based management and the social capital theory. *Main conclusions:* the study has confirmed that the potential of youth involvement in conventional volunteer movements and practices exists and has not been fully realized. The integrative model of volunteer movement management based on building an institutional framework for the involvement of young people with positive attitudes and axiological motivation has shown its effectiveness.

Keywords: volunteerism value potential, students voluntary work, youth volunteerism, social participation, volunteer activity motivation, integrative management model, social capital of youth

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Dobrynina M. V., Yudickaya S. E., Ogureshina A. O., Artemenko A. A. “Integrative Models of Youth Volunteerism and Student Voluntary Work Management”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m04s01a10. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s01a10.jmbulj>

Введение

В современной России реализуется инновационный образовательный проект федерального масштаба — «Обучение служением»¹, который ориентирован на вовлечение студентов и молодых людей в добровольческую и волонтерскую деятельность, социальное предпринимательство, с одной стороны, и обучение социальному проектированию, с другой. Согласно паспорту проекта, он преследует три основные цели: в области волонтерства — «добровольная помощь другим, социальное благо, поддержка сообщества, помощь нуждающимся»¹; в области проектной деятельности — «развитие профессиональных и личностных компетенций, практическое применение знаний для решения практических задач»¹; в области развития навыков — «развитие <...> гражданской ответственности, применение знаний для решения социальных проблем, развитие навыков и знаний участников через активное участие в социальных проектах, а также решение конкретных социальных проблем»¹. Волонтерство и добровольчество находятся в фокусе внимания органов государственного управления: в частности, в 2025 г. была принята и утверждена Концепция содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в РФ до 2030 г.²

Вместе с тем наше исследование, базирующееся на вторичном анализе социологических данных, показывает, что наблюдается парадоксальный разрыв между высокой — декларируемой на уровне риторики представителей управленческих аппаратов всех уровней — ценностью служения как бескорыстной деятельности и фактической вовле-

ченностью граждан в волонтерские и добровольческие практики. Так, согласно данным социологических опросов, 71 % россиян считают идею безвозмездной помощи людям близкой и ценностно значимой (ВЦИОМ)³, однако только 39 % принимали участие в волонтерских практиках (ФОМ)⁴. Таким образом, в социологической оптике можно обнаружить низкий уровень конверсии ценностного (декларируемого) потенциала служения и волонтерства в устойчивые практики участия в волонтерских проектах и событиях.

Наличие проблемы, которая заключается в разрыве между высокой декларируемой ценностью служения Отечеству и действительной вовлеченностью населения в практики служения, обуславливает актуальность нашего исследования. Этот разрыв особенно заметен в периоды социальных кризисов (наводнение в Дагестане, разлив нефтепродуктов в Черном море, пандемия COVID-19, СВО): в эти периоды возрастает общественное внимание к волонтерству и добровольчеству, поскольку волонтеры могут играть значимую или даже ключевую роль в консолидации общественных усилий. Однако по окончании кризиса общественное внимание к волонтерству вновь ослабевает. Таким образом, существует и пока не разрешена управленческая проблема неполного использования (недостаточной социальной капитализации) стремления людей к участию в различных формах волонтерства: позитивные установки граждан не конвертируются в долгосрочные социальные практики. Это обуславливает необходимость поиска и реализации управленческих инноваций для мобилизации потенциала готовности к служению.

¹ «Учитесь добру вместе с нами». *Добрино*: [сайт экосистемы Добро]. 28.04.2026. <<https://edu.dobro.ru/upload/uf/4d4/kgtsn4xlshd8xourt08yh2doinn4jfxd.pdf>>.

² «Об утверждении Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в РФ до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 4064-р». *ГАРАНТ.РУ*: инф.-правовой портал. 28.04.2026. <<https://base.garant.ru/413370502/>>.

³ «Служение как ценность». 19.02.2025. *ВЦИОМ*. 27.04.2026. <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sluzhenie-kak-cennost>>.

⁴ «Масштабы и потенциал волонтерства». 04.12.2019. *Фонд Общественное Мнение*. 27.04.2026. <<https://fom.ru/Tsennosti/14303>>.

Цель настоящей работы — эмпирически обосновать необходимость внедрения инновационных, основанных на сочетании ценностно-смысловой мотивации с институциональными механизмами сопровождения, управленческих стратегий развития волонтерства и добровольчества как инструментов социальной партиципации студенческой молодежи. Рассмотрены следующие исследовательские проблемы: какие точки роста и узкие места возникают в сфере управления волонтерством и общественным служением студентов в России? Какие управленческие стратегии наиболее эффективно конвертируют позитивное отношение к волонтерству в устойчивую партиципацию молодежи в добровольческих практиках?

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе вторичного анализа российских опросов 2019–2025 гг. обнаружены точки роста управления практиками добровольчества и волонтерства и обоснована эффективность интегративной управленческой модели. Предлагаемая модель эмпирически обосновывает эффективность институциональных стратегий социальной партиципации молодежи.

Материалы и методы

Дизайн исследования базируется на вторичном анализе данных, полученных в ходе опросов общественного мнения. Эмпирическая база исследования:

- аналитический обзор ВЦИОМ «Служение как ценность»³ (февраль 2025 г., исследование проводилось посредством всероссийского телефонного опроса);
- аналитический обзор ВЦИОМ «Волонтерство и добровольчество как ресурс социального развития»⁵ (декабрь 2025 г., по заказу Академии развития гражданского общества «Добрино» и Добро.рф);

- исследование ФОМ «Масштабы и потенциал волонтерства»⁴ (2019 г., исследование проводилось посредством всероссийского телефонного опроса);
- дайджест «Общественное служение» (2025 г.): кейсы институциональных практик.

Обзор литературы

Волонтерство и добровольчество — не новые для России феномены социальной жизни, поэтому результаты исследований этих явлений (преимущественно в ключе социологии и политологии) публикуются в виде статей и монографий. Так, авторы монографий «Добровольчество и волонтерство в России: традиции и тенденции» (Гарашко и др., 2021) и «Добровольчество и волонтерство в России: история и современность» (Петрова и др., 2018) рассматривают исторические корни и современное состояние волонтерства. Истории волонтерского движения также посвящена статья А. Войко «История волонтерства в России: от ритуалов помощи до субботников»⁶.

Ряд коллективных монографий и сборников научных статей освещают психолого-педагогический, воспитательный потенциал волонтерства (Васильковская и др., 2021; Сычева и др., 2024). Педагогическим аспектам волонтерства посвящен и ряд научных статей (Кашина, 2024; Кисляков, Шмелева, Говин, 2019; Сычева, Сучкова, 2025; Юшков, 2023 и др.). Интересен, на наш взгляд, сборник трудов международной студенческой научно-практической конференции «Добровольчество в современном мире: нравственный идеал нашего времени» (Беленцов, отв. ред., 2016), поскольку в нем опубликованы статьи самих студентов-волонтеров.

Социологические, политические и правовые аспекты волонтерства также

³ «Волонтерство и добровольчество как ресурс социального развития». 08.12.2025. ВЦИОМ. 27.04.2026. <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-i-dobrovolchestvo-kak-resurs-socialnogo-razvitiya>>.

⁶ Войко А. «История волонтерства в России: от ритуалов помощи до субботников». *Культура.рф: [нормал]*. ФКУ «Цифровая культура». 30.03.2026. <<https://www.culture.ru/materials/257248/istoriya-volonterstva-v-rossii-ot-ritualov-pomochi-do-sabbotnikov>>.

привлекают внимание ученых (Аксенова, 2020; Беляева, 2020; Васильева, Чумаков, Чумакова, 2024; Петухов, 2019; Рожкова, Васильева, 2014), наряду с мотивационными аспектами волонтерской деятельности, психологией волонтерства (Руслякова, Разумова, Шпаковская, 2019; Старшинова, 2019).

Вместе с тем экономические, в частности управленческие, аспекты волонтерства изучены, на наш взгляд, в меньшей степени, что составляет важный аспект актуальности нашей работы.

Теоретическая основа исследования

Мы полагаем, что современные стратегические подходы к социальному управлению не могут не учитывать концепций управления на основе ценностей: ценностно ориентированного менеджмента (Питерс, Уотерман, 2005; Майджер, 2005; Друкер, 2007; Долан, Гарсия, 2008; Пригожин, 2010; Бланшар, О'Коннор, 2014; Collins, Porras, 1998; Weber, 2014), социального капитала (Бек, 2000; Бодрийяр, 2000; Бауман, 2008; Бурдье, 1994, 2002; Патнэм, 1996) и теории сетевого участия (Arnstein, 1969; Hurlbert, Gupta, 2024). Мы исходим из следующих теоретических посылок, преимущественно базирующихся на этих теориях:

- 1) социальная группа (студенты одного курса) или организация (университет) могут рассматриваться как единение людей вокруг одной или нескольких ключевых ценностей, набора ценностей, и внутренняя структура этих групп, внутригрупповая культура, стратегии группового поведения, коммуникации внутри и вне группы построены на базе единой организующей группы ценностей;
- 2) решения людей на уровне индивидуального поведения и даже управленческие решения (в том числе в бизнесе) далеко не всегда исключительно рациональ-

ны и ориентированы на максимизацию прибыли при экономии на издержках — принятие решений нередко происходит с ценностных позиций, не в логике «что выгоднее» или даже «что безопаснее», но в соответствии с ценностными ориентирами индивида и группы;

- 3) ориентация на единые ценности усиливает доверие и согласованность действий внутри группы, равно как и групповые действия по отношению к внешним контрагентам;
- 4) под социальным капиталом мы понимаем способность сообществ к коллективным действиям для достижения общих целей, опирающуюся на три институциональных уровня: социальные сети — совокупность связей между индивидами; доверие (к традиционным институтам, а также межличностное доверие) как норма социального взаимодействия; социальные отношения, способствующие сотрудничеству и вовлеченности граждан в общественную деятельность;
- 5) ключевым инструментом генерации и аккумуляции социального капитала выступают самоорганизующиеся добровольные ассоциации — от религиозных до спортивных сообществ, — которые способствуют установлению доверия и норм взаимности.

Результаты

Согласно эмпирическим данным последних лет, ценность и значимость волонтерства и добровольчества среди граждан России устойчиво высоки (табл. 1).

Согласно данным ВЦИОМ, важными факторами и мотивами волонтерского участия являются ценностные ориентиры: сопереживание, толерантность, доброта. Другие мотивы имеют не такой существенный вес (табл. 2).

Таблица 1. Отношение граждан России к служению и волонтерству

Table 1. Russian citizens' attitude towards service and volunteerism

Ответы респондентов	Молодежь (14—24; 18—30 лет), %	Все возрастные группы, %	Источник данных
Идея служения близка	~71	71	ВЦИОМ, февраль 2025 г.
Положительное отношение к волонтерству	80—84	87	ВЦИОМ, декабрь 2025 г.
Желание быть волонтером	29—30	32	ВЦИОМ, декабрь 2025 г.

Таблица 2. Основные мотивы волонтерского участия

Table 2. Underlying reasons of voluntary participation

Мотив	%
<i>Внутренние ценности и личные мотивы, сумма ответов</i>	79
Желание помогать / безразличие / равнодушие	30
Доброта / доброе сердце / желание сделать доброе дело	15
Душевная потребность / зов души / по доброте душевной	11
Жалость / сочувствие / сопереживание / сострадание / отзывчивость	9
Совесть / бескорыстие / надо помогать другим	7
Забота / альтруизм / любовь / человеколюбие / милосердие / по зову сердца	7
<i>Самореализация и психологические выгоды, сумма ответов</i>	20
Из личных побуждений / нравится / получают удовольствие	9
<i>Гражданская и идеологическая мотивация, сумма ответов</i>	20
Патриотизм / любовь к Родине	8
Хотят сделать мир / жизнь лучше	3
Поддержка государства / поддержка СВО, наших ребят	3
Активная гражданская позиция	2

Источник: аналитический обзор ВЦИОМ «Волонтерство и добровольчество как ресурс социального развития»⁵.

Сравнение данных, представленных в табл. 3 и 4, показывает, что среди форм деятельного участия в волонтерстве и добровольчестве экологическое волонтерство и помощь животным постепенно уступают приоритетные позиции помощи людям: участникам СВО, пожилым, бездомным. Доля россиян, получивших опыт волонтерства за 2024 г., составила 36 % (+9 п. п. к 2023 г.).

Кроме того, опросы ВЦИОМ показали, что в 2025 г. в практиках волонтерства приняли участие на 9 % больше опрошенных по сравнению с 2023 г. (36 и 27 % от всех опрошенных соответственно).

Таким образом, вторичный анализ данных, полученных в ходе опросов ВЦИОМ (2025 г.) и ФОМ (2019 г.) и их сравнение с данными «Всемирного исследования ценностей» (WVS Wave 7, 2017–2022 гг.)⁷ позволяет обнаружить несколько тенденций.

⁷ “World Values Survey Wave 7”. *WVS Database*. 2017–2022. Web. 20.03.2026. <<https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEVSjoint2017.jsp>>.

Таблица 3. Формы волонтерства

Table 3. Framing of volunteerism

Форма	Возраст опрошенных		
	18–30 лет	46–60 лет	Все возрастные категории
Экология	59	71	66
Благоустройство	36	54	46
Помощь животным	45	45	41
Профессиональная помощь	40	31	31
Патриотизм / память	21	32	26

Источник: исследование ФОМ «Масштабы и потенциал волонтерства»⁴.

Таблица 4. Виды волонтерской деятельности

Table 4. Volunteering activity types

Вид деятельности	Возрастные категории					
	Все	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Помогать участникам СВО	36	27	31	39	42	33
Участвовать в субботниках, благоустройстве дворов, улиц, парков	32	19	36	36	37	26
Помогать людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым, бездомным	27	33	30	28	27	23
Помогать бездомным животным	27	43	30	27	24	21
Участвовать в организации и проведении патриотических мероприятий, благоустройстве памятников, мест захоронения героев	12	16	9	14	14	10

Источник: аналитические обзоры ВЦИОМ 2025 г.^{3, 5}

Среди молодежи (14–30 лет) *ценность и значимость волонтерства и добровольчества высока* и можно обнаружить устойчивый рост значимости служения среди этой категории граждан. Так, идея бескорыстного служения близка 71 %; «болеющими за общее дело» называют себя 61 %, позитивное отношение к волонтерству высказывают 80–84 % граждан в возрасте 14–24 лет.

Вовлеченность в волонтерские практики *существенно расходится с потенциальной готовностью* к участию в волонтерской деятельности, однако эта вовлеченность растет.

Значительная часть молодежи уверена, что *привлекательность волонтерства опирается на ценностно-смысловые мотивы*.

Анализ данных о России, опубликованных на официальном сайте «Всемирного исследования ценностей», позволяет утверждать: волонтерство как способ самореализации и самовыражения проявляет себя слабее, чем в постиндустриальных странах (Швеция, Германия), но сильнее, чем в традиционных обществах.

Доминирование ценностных мотивов в росте привлекательности волонтерства

для молодежи, с точки зрения теории управления на основе ценностей, обуславливает потенциальную эффективность и устойчивость к внешним рискам тех проектов и программ, которые, с одной стороны, опираются на групповые ценности молодых людей и укрепляют эти ценности, с другой стороны, вовлекают молодых людей в институционализированные социальные практики, дополнительно мотивируя осязаемым ростом социального капитала вовлекаемого индивида и малых групп. Иными словами, эффективность и привлекательность волонтерства могут быть конвертированы в расширение участия за счет того, что молодые люди при относительно небольших затратах усилий могут значительно прирастить свой эмоциональный и ценностный капитал. «Экономия» ресурсов обеспечивается тем, что все программы и проекты уже организованы вузами, они встроены в учебный и воспитательный процесс образовательного учреждения, закреплены в его институциональном дизайне и обеспечивают студентам исключительно конвенциональные формы участия, своего рода конвенциональные институционализированные рамки.

На наш взгляд, наиболее эффективные волонтерские программы, которые развиваются в вузах РФ, опираются именно на этот подход.

Лидером в развитии волонтерского движения может быть признан Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Практики служения и различные социальные проекты глубоко интегрированы в образовательный и воспитательный процесс. Системную институционализацию обеспечивает Центр лидерства и волонтерства, коопти-

рующий потенциальных лидеров волонтерских и добровольческих проектов и движений. Так, наиболее эффективным проектом Высшей школы экономики стала Школа волонтера НИУ ВШЭ («Перезагрузка»): В юбилейная сессия, прошедшая в ноябре 2025 г. в учебном центре «Вороново», собрала более 100 участников из разных регионов России. В НИУ ВШЭ реализован факультатив «Организация волонтерской деятельности и взаимодействия с НКО». Тематические проекты центра общественного развития «Добро.Центр» в НИУ ВШЭ — «Донорская ячейка» (организуются лекции, акции сдачи крови) и «Лапа помощи» (помощь животным). Благодаря системному интегрированному подходу в программы добровольчества и волонтерства уже вовлечено более 300 тыс. студентов из разных филиалов НИУ ВШЭ в РФ; грантами от НИУ ВШЭ в 2025–2026 гг. планируется охватить более 500 волонтеров, групп и программ.

Другие вузы РФ также активно развивают волонтерские проекты, вовлекая в них всё больше молодых людей. Об этом свидетельствуют результаты Всероссийского конкурса на лучший волонтерский центр на базе вузов. В частности, Российский университет дружбы народов продемонстрировал лучшие практики по оказанию помощи иностранным студентам. В 2020 г. Рязанский государственный университет им. С. Есенина занял первое место в номинации «Интеграция добровольческого движения в образование»⁸. В этом вузе наиболее активно развиваются такие направления, как помощь городской администрации в благоустройстве, экология, помощь детям и семьям в трудных жизненных обстоятельствах. В специальной номинации «Лучший

⁸ С 2010 г., как отмечается на сайте РГУ им. С. Есенина (<https://rounb.ru/news/rjazanskij-gosudarstvennyj-universitet-imeni-sa-esenina-zanjat-pervoe-mesto-vo-vserossijskom-konkurse-na-luchshij-volonterskij-tsentr>), в вузе действует Центр развития добровольчества, который проводит акции помощи людям, организациям, муниципальным образованиям региона. В университете работают 23 волонтерских отряда. В 2019 г., во исполнение поручений Президента РФ В. В. Путина, РГУ вошел в число 20 пилотных вузов России по внедрению программы дисциплины «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО» в основные профессиональные образовательные программы.

волонтерский центр образовательной организации высшего образования» в 2020 г. стал победителем добровольческий центр «Ты нужен людям!» Национального исследовательского университета ИТМО, заслужившего признание Минобрнауки РФ. Центр «Ты нужен людям!» объединяет ряд добровольческих клубов и движений: экологическое волонтерство, помощь животным, активно развивает относительно новое направление — цифровое волонтерство.

В 2025 г. по итогам Всероссийского конкурса Уральскому федеральному университету (УрФУ) присуждено первое место в номинации «Лучшая практика организации волонтеров»: УрФУ представил результаты более 100 мероприятий помощи и поддержки пожилым, детям, инвалидам, участникам СВО. Кроме того, на базе УрФУ продолжает активно развиваться традиционно важное для Уральского региона экологическое волонтерство.

Наше исследование носило пилотный характер и не ставило целью исследовать все эффективные управленческие практики. Однако можно заметить, что приведенные примеры подтверждают выдвинутую гипотезу. При применении интегративных моделей управления волонтерские движения хорошо вписываются в институциональный дизайн жизни вуза и обучающихся в нем, поэтому становятся фактически безбарьерным каналом вовлечения студентов и преподавателей в практики служения.

Заключение

Итак, результаты исследования подтверждают существенный разрыв между ценностью и значимостью волонтерства и вовлечением молодых людей в соответствующие практики. Молодые люди выражают желание и готовность участвовать в движениях и клубах, связанных со служением и помощью людям, животным, природе, но не проявляют собственной инициативы по поиску каналов вовлечения. Поэтому если вузы

встраивают волонтерские организации в институциональный дизайн жизни студентов и сотрудников вузов, молодые люди с большой охотой принимают участие как в разовых добровольческих акциях, так и в постоянной работе клубов и движений. Интегративная модель позволяет не только вовлечь студентов в конвенциональное волонтерство и добровольчество, но и увлечь, удерживать молодых людей в новых социальных группах, поскольку молодые люди обретают не только опыт служения, но и внутригрупповую поддержку, могут расширить свои социальные связи, сети социальной поддержки, умножая свой социальный капитал. Важным управленческим эффектом вовлечения студентов в добровольческие объединения является кооптация новых лидеров, воспитание лидерских качеств молодых людей.

На наш взгляд, дискуссионными и нуждающимися в проверке остаются следующие исследовательские вопросы и проблемы:

В какой степени ценности служения еще составляют ресурс для добровольчества и волонтерства; возможно ли снижение потенциала этого ресурса?

В какой степени разрывы в институциональном дизайне, фрагментарность и разобщенность программ и управленческих практик, слабость межтраекторных интеграций препятствуют самореализации молодых людей в практиках служения?

По результатам исследования определены направления роста интегративных моделей управления волонтерством: переход к долгосрочным программам поддержки служения со стороны администраций всех уровней; развитие институционального дизайна через сетевое взаимодействие волонтерских клубов с некоммерческими организациями, бизнес-структурами и местными сообществами; маршрутизация программ для лидеров и активистов движений; интеграция служения в построение карьерных траекторий (HR-мотивацию).

Список литературы и источников / References

- Аксенова О. В. «Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто?». *Вестник Института социологии* 11.2 (2020): 37–53. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.640>. EDN: RNECVF.
- Aksenova O. “The Subject of Social Action in Russia’s Current Development: Actor, Agent, Nobody?”. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology* 11.2 (2020): 37–53. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.640>
- Бауман З. *Текущая современность*. М.: Питер, 2008. 238 с.
- Bauman Zygmunt. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2000. 240 p.
- Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*: пер. с нем. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
- Beck Ulrich. *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Berlin: Suhrkamp, 1986. 391 S. (In German).
- Беленцов С. И., отв. ред. *Добровольчество в современном мире: нравственный идеал нашего времени: сб. науч. статей I Междунар. студ. науч.-практ. конф.* (Курск, 26–28 окт. 2016 г.). Курск: Университетская книга, 2016. 540 с. EDN: WGTAKH.
- Belentsov S. I., publ. ed. *Voluntary Work in the Contemporary World: Moral Ideal of Our Times: sb. nauch. statey I Mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* (Kursk, 26–28 okt. 2016 g.). Kursk: Universitetskaya kniga, 2016. 540 p. (In Russian).
- Беляева Л. А. «Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации». *Вопросы философии* 10 (2020): 17–27. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27>. EDN: JRTZFP.
- Belyaeva L. A. “Russian Youth in Times of Change: Structural Changes and New Challenges to Political Socialization”. *Voprosy Filosofii* 10 (2020): 17–27. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27>
- Бланшар К., О’Коннор М. *Ценностное управление*. Минск: Попурри, 2014. 112 с.
- Blanchard K., O’Connor M. *Managing by Values: How to Put Your Values into Action for Extraordinary Results*. Oakland, CA: Berrett-Koehler Publ., 1992. 160 p.
- Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*: [сб. эссе]. М.: Добросвет, 2000. 257 с.
- Baudrillard Jean. *La transparence du mal: Essai sur phénomènes extremes*. Paris: Galilée, 1990. 208 p. (In French).
- Бурдьё П. *Начала*: [сб.]. М.: Socio-Logos, 1994. 287 с.
- Bourdieu Pierre. *Choses dites*. Paris: Ed. de Minuit, 1987. 228 p. (In French). Le sens commun.
- Бурдьё П. «Формы капитала». Пер. М. С. Добряковой. *Экономическая социология* 3.5 (2002): 60–74. EDN: OYUVRD.
- Bourdieu Pierre. “The Forms of Capital”. Transl. R. Nice. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. 241–258.
- Васильева И. В., Чумаков М. В., Чумакова Д. М. «Ценности личности в представлениях о волонтерской деятельности у студентов университетов». *Образование и наука* 26.2 (2024): 140–165. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-2-140-165>. EDN: UEAVGF.
- Vasileva I. V., Chumakov M. V., Chumakova D. M. “Personal Values in the Perceptions of Volunteer Activities among University Students”. *Obrazovaniye i nauka = The Education and Science Journal* 26.2 (2024): 140–165. (In Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-2-140-165>
- Васильковская М. И., Воронина Е. А., Зайцева Т. В. и др. *Педагогика волонтерства: феноменология и социально-культурная практика*: монография. Под науч. ред. В. Д. Пономарева и др. Кемерово: КемГИК, 2021. 183 с. EDN: SSEIKM.
- Vasil’kovskaya M. I., Voronina E. A., Zaytseva T. V. et al. *Pedagogy of Volunteerism: Phenomenology and Social and Cultural Practice*: monograph. Acad. ed. by V. D. Ponomarev et al. Kemerovo: KemGUC, 2021. 183 p. (In Russian).
- Гарашко А. Ю., Петрова Т. Э. (авт., ред.), Черкасова Т. В. и др. *Добровольчество и волонтерство в России: традиции и тенденции*: монография. М.: Русайнс, 2021. 108 с.

- Garashko A. Yu., Petrova T. E. (auth., ed.), Cherkasova T. V. et al. *Voluntary Work and Volunteerism in Russia: Traditions and Trends*: monograph. Moscow: Rusains, 2021. 108 p. (In Russian).
- Долан С., Гарсия С. *Управление на основе ценностей: корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке*. М.: Претекст, 2008. 313 с.
- Dolan S., Garcia S., Richley B. *Managing by Values: A Corporate Guide to Living, Being Alive, and Making Living in the 21st Century*. London: Palgrave Macmillan, 2006. 263 p.
- Друкер П. Ф. *Задачи менеджмента в XXI веке*. М.: Изд. дом «Вильямс», 2007. 276 с.
- Drucker P. F. *Management Challenges for the 21st Century*. New York: HarperCollins Publ., 2001. 224 p. Harper Business.
- Кашина А. А. «Волонтерство как механизм формирования патриотического сознания: социально-политический анализ». *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки* 3 (2024): 259–264. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-259-264>. EDN: KIGXTV.
- Kashina A. A. “Volunteering as a Mechanism for the Formation of Patriotic Consciousness: Socio-Political Analysis”. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes* 3 (2024): 259–264. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-259-264>
- Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Говин О. «Современное волонтерство в воспитании просоциального поведения личности». *Образование и наука* 21.6 (2019): 122–145. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-6-122-145>. EDN: GJYYMC.
- Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Gowin O. “Contemporary Volunteering in the Formation of Prosocial Behaviour of a Person”. *Obrazovaniye i nauka = The Education and Science Journal* 21.6 (2019): 122–145. (In Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-6-122-145>
- Майджер К. *Ценностно-ориентированное управление: революционный подход к достижению успехов в бизнесе и личному процветанию*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 145 с. Бизнес-бестселлер.
- Majer K. *Values-Based Leadership: A Revolutionary Approach to Business Success and Personal Prosperity*. San Francisco, CA: MajerCommunications, 2004. 128 p.
- Патнэм Р. *Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с. Б-ка Моск. школы полит. исследований.
- Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton Up, 1994. 258 p.
- Петрова Т. Э. (авт., ред.), Гарашко А. Ю., Черкасова Т. В., Шаламова Л. Ф. и др. *Добровольчество и волонтерство в России: история и современность*: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 85 с. Научная мысль.
- Petrova T. E. (auth., ed.), Garashko A. Yu., Cherkasova T. V., Shalamova L. F. et al. *Voluntary Work and Volunteerism in Russia: History and Contemporaneity*: monograph. Moscow: INFRA-M, 2018. 85 p. (In Russian). Nauchnaya mysl'.
- Петухов В. В. «Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик». *Социологические исследования* 12 (2019): 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>. EDN: YNNEVJ.
- Petukhov V. “Civic Participation: Interaction of Social and Political Practices”. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 12 (2019): 3–14. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>
- Питерс Т. Дж., Уотерман-мл. Р. Х. *В поисках совершенства: уроки самых успешных компаний Америки*: пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2005. 558 с. Библиотека Strategica.
- Peters T. J., Waterman R. H. *In Search of Excellence: Lessons from America's Best-run Companies*. New York: Harper & Row, 1982. 360 p.
- Пригожин А. И. *Цели и ценности: новые методы работы с будущим*. М.: Дело, 2010. 431 с. Глубокое управленческое консультирование.
- Prigozhin A. I. *Goals and Values: New Methods of Work with the Future*. Moscow: Delo, 2010. 431 p. (In Russian). Glubokoye upravlencheskoye konsul'tirovaniye.

- Рожкова Л. В., Васильева Н. Д. «Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 3 (121) (2014): 123–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.08>. EDN: SIGFUH.
- Rozhkova L. V., Vasil'eva N. D. "Citizenship and Patriotism as a Base for Social Consolidation of the Russian Society". *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* 3 (121) (2014): 123–129. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.08>
- Руслякова Е. Е., Разумова Е. М., Шпаковская Е. Ю. «Социально-психологические аспекты волонтерской деятельности студентов-психологов». *Перспективы науки и образования* 1 (37) (2019): 301–315. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.22>. EDN: YXRKLB.
- Ruslyakova E. E., Razumova E. M., Shpakovskaya E. Yu. "Social and Psychological Aspects of Volunteer Activity of Psychology Students". *Perspektivy nauki i obrazovaniya* = *Perspectives of Science and Education* 1 (37) (2019): 301–315. (In Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.22>
- Старшинова А. В. «Противоречия мотивации учащейся молодежи к деятельности в волонтерских организациях». *Образование и наука* 21.10 (2019): 143–166. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-143-166>. EDN: BYLXZC.
- Starshinova A. V. "Contradictions of Students' Motivation for Participation in the Activities of Voluntary Organisations". *Obrazovaniye i nauka* = *The Education and Science Journal* 21.10 (2019): 143–166. (In Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-143-166>
- Сычева А. В., Сучкова А. А. «Добровольчество (волонтерство) как фактор гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях современных вызовов российского общества». *Известия Тульского государственного университета сер. Науки о Земле* 1 (2025): 888–901. EDN: WZENPH.
- Sycheva A. V., Suchkova A. A. "Volunteering as a Factor Civic and Patriotic Education of Youth in the Context of Modern Challenges of Russian Society". *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta ser. Nauki o Zemle* = *Izvestiya Tula State University ser. Sciences of Earth* 1 (2025): 888–901. (In Russian).
- Сычева А. В., Сучкова А. А., Балябкин Д. М., Жерихов В. А. *Гражданско-патриотическое добровольчество (волонтерство) как фактор воспитания молодежи в условиях вызовов современного общества*: монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2024. 189 с. EDN: RQSKEH.
- Sycheva A. V., Suchkova A. A., Balyabkin D. M., Zherikhov V. A. *Civic and National Voluntary Work (Volunteering) as Factor of Youth Education under Conditions of Modern Society Challenges*: monograph. Tula: Tula State Up, 2024. 189 p. (In Russian).
- Чипурная П. В., Кузнецова Е. А. «Особенности ценностно-смысловой сферы добровольцев поисково-спасательных отрядов». *Вестник Санкт-Петербургского университета сер. Психология* 11.1 (2021): 103–117. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.107>. EDN: QXVGXI.
- Chipurnaya P. V., Kuznetsova E. A. "Features of the Value-Semantic Sphere of Search and Rescue Volunteers". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta ser. Psikhologiya* = *Vestnik of Saint Petersburg University ser. Psychology* 11.1 (2021): 103–117. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.107>
- Юшков И. П. «Роль волонтерского движения в сфере гражданско-патриотического воспитания: опыт Нижегородской области». *Известия Иркутского государственного университета сер. Политология. Религиоведение* 46 (2023): 19–28. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.19>. EDN: RCPNVN.
- Yushkov I. P. "The Role of the Volunteer Movement in the Field of Civic and Patriotic Education: The Experience of the Nizhny Novgorod Region". *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta ser. Politologiya. Religiovedenie* = *Bulletin of Irkutsk State University ser. Political Science and Religion Studies* 46 (2023): 19–28. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.46.19>
- Arnstein Sherry R. "A Ladder of Citizen Participation". *Journal of the American Institute of Planners* 35.4 (1969): 216–224. <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>.

Collins J. C., Porras J. I. *Built to Last: Successful Habits of Visionary Companies*. Westminster, MD: Random House Business Books, 1998. 352 p. Century Business.

Hurlbert M., Gupta J. “The Split Ladder of Participation: A Literature Review and Dynamic Path Forward”. *Environmental Science & Policy* 157 (2024): 103773. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2024.103773>

Weber M. *The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. Transl. T. Parsons. Forew. by R. H. Tawney. Brooklyn, NY: Angelico Press, 2014. 198 p.

Информация об авторах

Добрынина Мария Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по внешним коммуникациям Московского института электроники и математики им. А. Н. Тихонова Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, Москва, Таллинская ул., д. 34), marin709@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-2717-6148.

Юдицкая Светлана Евгеньевна — начальник отдела внешних коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, Москва, Таллинская ул., д. 34), yudickayasss@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0466-1696.

Огурешина Анастасия Олеговна — менеджер отдела внешних коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, Москва, Таллинская ул., д. 34), nastia.ogureshina@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-1176-2689.

Артеменко Александр Андреевич — менеджер отдела внешних коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, Москва, Таллинская ул., д. 34), sn4zzzz@mail.ru, ORCID: 0009-0000-2328-6919.

Авторский вклад

Добрынина М. В. — научное руководство; редактирование и доработка текста.

Юдицкая С. Е. — администрирование и модерирование исследовательского проекта; изучение концепций; развитие методологии.

Огурешина А. О. — изучение концепций; курирование данных; сбор и анализ данных; подготовка начального варианта текста.

Артеменко А. А. — обзор литературы; сбор и анализ данных.

Information about the authors

Maria V. Dobrynina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Deputy Director for External Communications of the Tikhonov Moscow Institute of Electronics and Mathematics, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow, Tallinskaya st., 34), marin709@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-2717-6148.

Svetlana E. Yudickaya — Head of the External Communications Department, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow, Tallinskaya st., 34), yudickayasss@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0466-1696.

Anastasia O. Ogureshina — Manager of the External Communications Department, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow, Tallinskaya st., 34), nastia.ogureshina@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-1176-2689.

Aleksandr A. Artemenko — Manager of the External Communications Department, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow, Tallinskaya st., 34), sn4zzzz@mail.ru, ORCID: 0009-0000-2328-6919.

Author Contributions

M. V. Dobrynina — scientific supervision; writing — review & editing.

S. E. Yudickaya — research project administration and moderation; concepts studying; methodology development.

A. O. Ogureshina — conceptualization; data curation; data collection and analysis; writing — original draft.

A. A. Artemenko — literature review; data collection and analysis.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026, одобрена после рецензирования 04.05.2026.

The article was submitted 21.04.2026, approved after reviewing 04.05.2026.

Бизнес-модели в условиях сетевой экономики: применение методов сетевого планирования в управлении проектами

Д. С. Качуренко¹, Е. В. Першин², О. В. Васильева³✉, М. С. Шикалов⁴

^{1, 2, 3, 4} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

✉ olenka.vasileva.1983@internet.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что традиционные методы планирования часто оказываются недостаточно эффективными при управлении комплексами взаимосвязанных операций, что требует применения более совершенных инструментов, способных обеспечить наглядность, обоснованность и гибкость управленческих решений. Авторы анализируют подходы к сетевому моделированию СРМ, PERT и их модификации и обобщают практические методики детализации, укрупнения и сшивания сетей. *Методы исследования:* анализ теоретических и практических аспектов построения и применения сетевых моделей, систематизация основных понятий, правил построения, методов расчета и оптимизация параметров сетевых графиков. *Новизна исследования:* предложенная систематизация дополняет существующие представления об организации сложных проектов и дает базу для более обоснованного применения сетевых методов в практике управления. *Результаты исследования:* представлена техника работы с сетевыми графиками. Приведен пример сетевого планирования в условиях неопределенности. Показаны принципы оптимизации сетевых графиков. Особое внимание уделено технике детализации и укрупнения работ, позволяющей адаптировать сетевые модели к разным уровням управления, а также вероятностной оценке продолжительности работ с использованием метода PERT. *Теоретическая значимость* исследования состоит в предложенной систематизации методов и понятий сетевого планирования, дополняющей существующие представления об организации сложных проектов. *Практическая значимость* определяется возможностью применения представленных правил, формул и методов при планировании и контроле научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также в других сферах проектной деятельности, что способствует обоснованности планов и эффективности управления.

Ключевые слова: сетевое планирование, управление проектами, оптимизация временных ресурсов, сетевой график, условия неопределенности, метод критического пути, СРМ, метод оценки и пересмотра программ, PERT, детализация работ, адаптация сетевой модели, вероятностная оценка

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Качуренко Д. С., Першин Е. В., Васильева О. В., Шикалов М. С. «Бизнес-модели в условиях сетевой экономики: применение методов сетевого планирования в управлении проектами». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m02s01a15. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m02s01a15.qjgxiw> EDN: QJGXIW.

Original article

Business models in a network economy: Application of network planning methods in project management

D. S. Kachurenko¹, E. V. Pershin², O. V. Vasilyeva³✉, M. S. Shikalov⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

✉ olenka.vasileva.1983@internet.ru

Abstract. The research *relevance* is due to the fact that traditional planning methods often prove to be insufficiently effective in managing complex interrelated operations, which requires the use of more advanced tools that can provide visibility, validity and flexibility of management decisions. The authors analyze approaches to network modeling of CPM, PERT and their modifications and summarize practical techniques for networks detailing, enlarging and stitching. *Research methods:* analysis of theoretical and practical aspects of network models construction and application, systematization of basic concepts, rules of construction, calculation methods and optimization of network graph parameters. The research *novelty:* the proposed systematization complements the existing ideas about the complex projects organization and provides a basis for a more substantiated application of network methods in management practice. *Research results:* the technique of working with network graphs is presented. An example of network planning in conditions of uncertainty is given. The principles of network graph optimization have been demonstrated. Special attention is paid to the technique of detailing and enlarging work, which allows adapting network models to different levels of management, as well as probabilistic assessment of the work duration using the PERT method. The research *theoretical significance* lies in the proposed systematization of network planning methods and concepts, complementing existing ideas about the organization of complex projects. The *practical significance* is determined by the possibility to apply the presented rules, formulas and methods in the planning and control of research and development work, as well as in other areas of project activity, that contributes to the soundness of plans and the effectiveness of management.

Keywords: network planning, project management, time resources optimization, network schedule, uncertainty conditions, critical path method, CPM, program evaluation and revision technique, PERT, work detail, network model adaptation, probabilistic assessment

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Kachurenko D. S., Pershin E. V., Vasilyeva O. V., Shikalov M. S. “Business Models in a Network Economy: Application of Network Planning Methods in Project Management”.

Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m02s01a15. (In Russian).

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m02s01a15.qjgxiw>

Введение

Осуществление организации научных исследований и конструкторских разработок и контроля над ними представляет значительную сложность и нередко сопровождается определенными противоречиями. Повышение уровня сложности проектов, рас-

ширение масштабов работ, желание ускорить выполнение заданий и уменьшить расходы диктуют необходимость внедрения передовых методов календарного планирования. В условиях усложнения современных проектов, увеличения масштабов работ и необходимости сокращения сроков

© Качуренко Д. С., Першин Е. В., Васильева О. В., Шикалов М. С.

и затрат особое значение приобретают методы сетевого планирования и управления, позволяющие наглядно представить взаимосвязи операций и оптимизировать использование ресурсов. Среди проверенных подходов выделяется технология сетевого планирования и управления. Технология впервые внедрена в Соединенных Штатах Америки в конце 1950-х гг. и первоначально названа методом критического пути (Critical Path Method, далее СРМ). Практически одновременно с СРМ разработана система PERT (Program Evaluation and Review Technique), ориентированная на проекты с высокой степенью неопределенности в части продолжительности работ (Бурыкин, 2026). Система PERT применяется преимущественно в научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках, где отсутствует ретроспективная информация о сроках выполнения аналогичных задач, вместе с тем метод СРМ эффективен при реализации повторяющихся проектов, таких как строительство, где доступны данные о затратах времени и ресурсов (Плескунов, 2024). Впоследствии были разработаны модификации данной технологии, среди которых известны методы PEANNET, COMET, RAMPS и другие, суть которых состоит в создании информационной динамической модели, позволяющей наглядно представить взаимосвязанные процессы и операции, необходимые для завершения проекта (Карпович, 2025). Основным инструментом данного метода выступает сетевой график, позволяющий организовать комплекс работ разного типа в единую систему.

Анализ научной литературы свидетельствует о многолетнем и разностороннем интересе исследователей к проблематике сетевого планирования. Теоретические основы построения сетевых графиков, правила их формирования и типичные ошибки при конструировании изложены в учебных пособиях (Анискин, 2019; Филатов, Мишаков,

Данильчук, 2020). Детализация, укрупнение и сшивание сетевых графиков позволяют адаптировать модели для различных уровней управления (Боева, Пахомова, 2019). Методы расчета параметров сетевых моделей — аналитический, табличный, графический, секторный — детально представлены в учебнике (Плескунов, 2024), где также рассматриваются подходы к оптимизации временных и ресурсных характеристик проектов. Прорабатываются вероятностные аспекты сетевого планирования, включая оценку продолжительности работ в условиях неопределенности и расчет характеристик стохастических графиков с использованием метода Монте-Карло (Иванов, 2014). Анализируются современные тенденции развития теории управления инновациями и роль сетевых методов в повышении эффективности проектной деятельности (Карпович, 2025). Рассматриваются практические аспекты применения сетевых моделей, а также вопросы их интеграции с современными программными средствами (Алексеев, 2021; Филатов, Мишаков, Данильчук, 2020; Бурыкин, 2026).

Несмотря на значительное количество публикаций, многие аспекты остаются недостаточно систематизированными: отсутствует комплексное изложение правил построения сетевых графиков, методов их расчета и подходов к оптимизации, — такое, которое было бы адаптировано к практическому применению в проектной деятельности различной направленности. Фрагментарность описаний затрудняет выбор адекватных методов и их эффективное использование при планировании и контроле сложных проектов.

Теоретические основы и этапы сетевого планирования

Сетевое планирование базируется на сетевом графике, который представляет собой удобный инструмент графического отображения комплекса взаимозависимых

операций и процедур. Модели сетевого графика различаются по числу учитываемых переменных: существуют однопараметрические и многопараметрические варианты. Дополнительно различают детерминированные схемы, где все параметры фиксированы заранее, и стохастические модели, предусматривающие возможные вариации отдельных показателей (Иванов, 2014). Визуально сетевой график представлен в виде ориентированного графа, вершины которого обозначены кружками (номер события), а связи между вершинами показаны стрелками (работы). Логические связи (фиктивные работы) отображены пунктирными линиями, это — зависимость последующих работ от предыдущих.

Работы подразделяются на действительные (требующие временных и ресурсных затрат) и фиктивные (не потребляющие ресурсов, но имеющие временную продолжительность). Конечные точки сетей называются начальными и конечными событиями соответственно. Промежуточные события фиксируют выполнение отдельных частей проекта. Последовательность выполненных работ образует путь на сетевом графике. Полным называют путь, ведущий от начальной точки к финальной. Критический путь определяет максимальный временной интервал выполнения проекта, или критический срок выполнения частей проекта: любое превышение этого срока приводит к задержке всего проекта. Остальные пути обладают запасом времени, называемым резервом пути.

Процесс сетевого планирования включает следующие этапы:

- 1) определение перечня работ, необходимых для выполнения задачи;
- 2) установление взаимозависимости и порядка выполнения работ;
- 3) составление сетевого графика;
- 4) оценка продолжительности каждого этапа;

- 5) оптимизация параметров графика в целях минимизации длительности и выравнивания потребностей в ресурсах (Карпович, 2025).

Правила построения сетевых графиков

Основные правила построения сетевых графиков содержат запрет на наличие тупиковых событий (за исключением итогового), хвостовых событий (без предшествующих работ), замкнутых циклов и прочих нарушений структуры. Каждое событие получает уникальный порядковый номер (наименьший стартовый и наибольший по завершении) (Анискин, 2019). Фиктивные работы вводятся для соблюдения технологических зависимостей. Например, если задание Г возможно начать лишь после завершения заданий А и Б, а задание В — только после выполнения задания А, то используется фиктивное представление логических связей (см. пункт на рис. 1б) (Филатов, Мишаков, Данильчук, 2020).

Применение сетевого планирования способствует повышению эффективности управления проектами, сокращению сроков их реализации и оптимизации расходования ресурсов.

Техника работы с сетевыми графиками

Детализация работ. Если каждая последующая операция начинается лишь после абсолютного окончания предыдущей, то процесс отображается единой связью, независимо от уровня сложности (Алексеев, 2021). Но когда новая задача стартует еще до стопроцентного завершения предыдущей, ее необходимо разделить на отдельные этапы. Например, запуск операции Б обусловлен различными этапами выполнения задания А. Следовательно, задание А должно быть разделено посредством добавления промежуточных этапов и условных операций (рис. 2). Важно помнить, что недопустимо включать дополнительные процессы, не предусмотренные исходной технологической схемой.

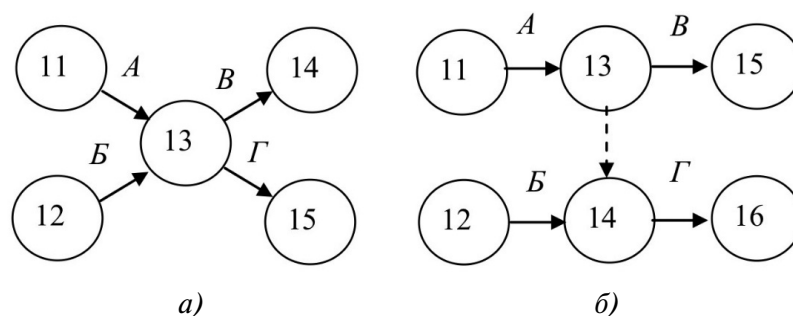

Рис. 1. Примеры построения сетевого графика: а – фрагмент неправильного сетевого графика; б – фрагмент правильного сетевого графика

Fig. 1. Network diagram development examples: a – fragment of incorrect network diagram, b – fragment of correct network diagram

Источник: составлено авторами на основе данных из (Филатов, Мишаков, Данильчук, 2020).

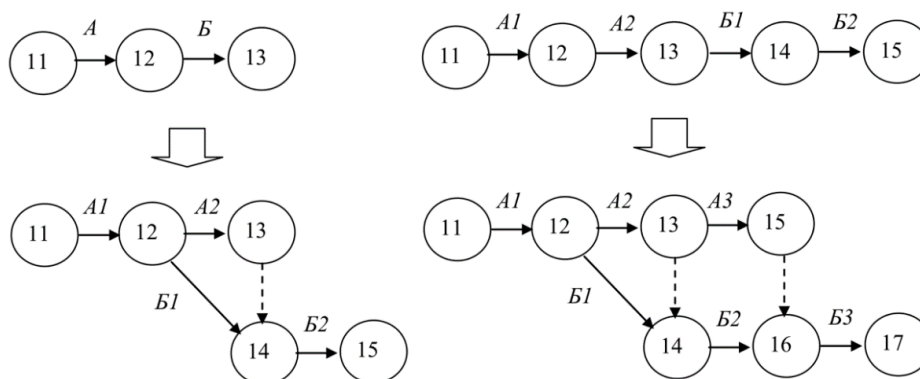

Рис. 2. Схема детализации работ в сетевом графике

Fig. 2. Detail view of works in a network diagram

Источник: составлено авторами.

Отображение передачи зависимостей без влияния на другие работы («сшивание» сетевых графиков). Если мероприятие включает в себя выполнение множества задач, однако важно учесть воздействие лишь одной конкретной задачи, то фиксируется ее условное завершение (УЗ) (Алексеев, 2021). Когда от мероприятия исходят разные последующие задания, но необходимо воздействовать исключительно на одно из них, вводится понятие условного начала (УН) данной задачи. Например, согласно условиям задачи, задание Б разрешается начинать исключительно после завершения задания А, как показано на рис. 3.

Укрупнение работ. Исходя из одной и той же первичной информации создаются сете-

вые модели разного масштаба для руководителей разных уровней и непосредственных исполнителей с разной глубиной проработки деталей. Так, иногда возникает необходимость объединить операции (для высших звеньев управления), а в иных ситуациях требуется дополнительная детализация (для низших управленческих уровней). Примером такой детализации служит схема на рис. 2.

Процесс объединения подразумевает замену ряда взаимосвязанных действий единой операцией, если указанные действия имеют общее начало и завершение, а также реализуются одним исполнителем (Филатов, Мишаков, Данильчук, 2020). Это позволяет планировать выполнение каждой подгруппы

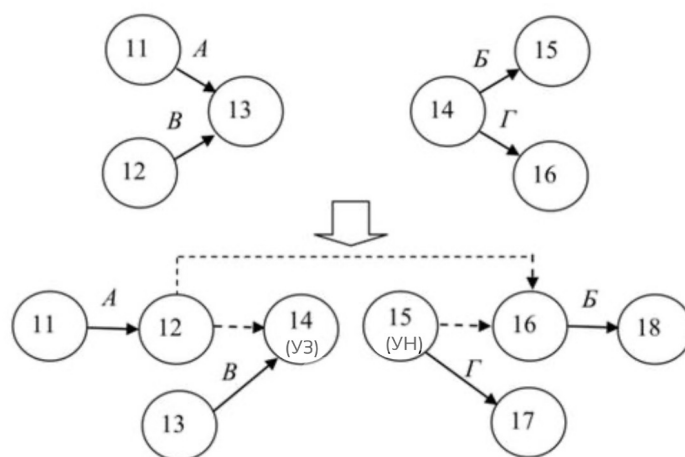

Рис. 3. Схема сшивания сетевых графиков

Fig. 3. Scheme of network graphs stitching

Источник: составлено авторами.

автономно, относительно общего проекта. Однако важно сохранить неизменными параметры стартовых и финишных событий данной подгруппы, исключить введение новых этапов, не менять формулировку уже существующих элементов схемы. Рисунок 4 демонстрирует возможные формы агрегирования сетевой структуры (рис. 4б; 4в) применительно к базовой схеме (рис. 4а).

Вариант агрегации, представленный на рис. 4в, корректен лишь при условии выполнения всех перечисленных операций (работы 2–3, 3–6, 6–9 и 2–5, 5–8, 8–9) единым подразделением, поскольку в таком случае влияние промежуточных шагов друг на друга становится несущественным. Если же эти этапы распределены между разными организациями, объединение следует проводить согласно варианту на рис. 4.

Упорядочение сетевых графиков. После составления сетевого графика важно убедиться в правильности его структуры; устранить лишние условные операции и узлы; минимизировать количество пересечений линий, чтобы улучшить наглядность схемы.

Методы расчета параметров сетевого графика

Определение характеристик сетевой модели включает вычисление ряда показателей, среди которых:

- наиболее ранние даты старта и завершения операций;
- предельно допустимые сроки начала и окончания выполнения задач;
- сроки критического маршрута и данные его протяженности;
- резервы ненагруженных маршрутов;
- резервы операций вне критической линии;
- ранние сроки наступления ключевых моментов проекта;
- даты контрольных точек (возможные даты наступления события контроля, наиболее поздние);
- резервы временных рамок промежуточных этапов (Бурыкин, 2026; Плескунов, 2024).

Для расчетов используются несколько методов (Бударов, Горчакова, Шикалов, 2025):

- аналитическое моделирование;
- табличный метод;
- секторный подход;
- графическое представление;
- автоматизированный расчет с использованием вычислительной техники (MS Project и аналоги).

Как отмечает М. А. Плескунов (Плескунов, 2024), табличный метод наиболее

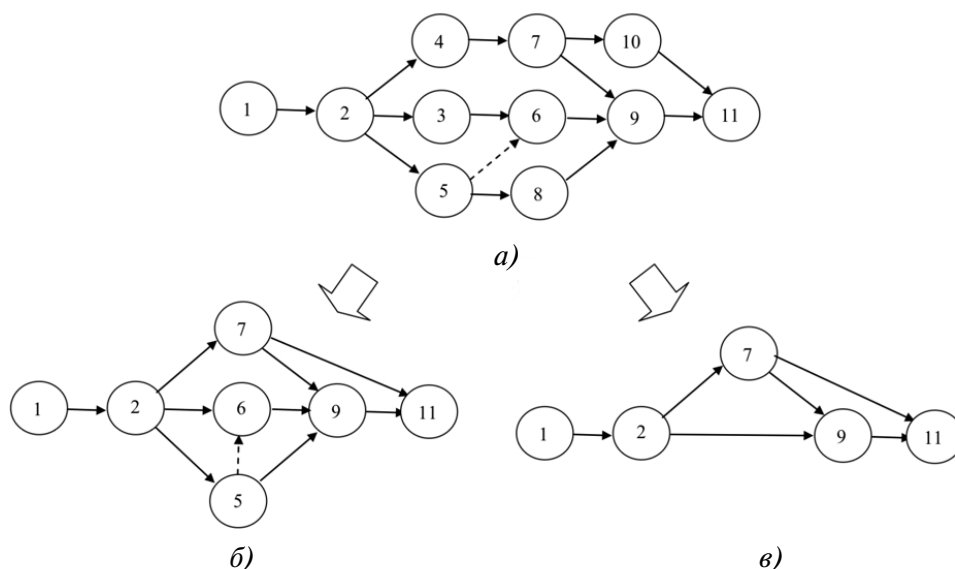

Рис. 4. Схемы укрупнения работ на сетевом графике: а — базовая схема; б, в — агрегирование сетевой структуры

Fig. 4. Schemes of work consolidation on a network diagram: a — basic scheme; b, c — network structure aggregation

Источник: составлено авторами.

удобен для ручного расчета небольших сетей, вместе с тем для проектов, содержащих сотни и тысячи работ, применение специализированного программного обеспечения становится необходимым условием эффективного управления.

Сетевое планирование в условиях неопределенности

Как правило, продолжительность выполнения задач, согласно сетевой модели, заранее предугадать невозможно, поскольку она принимает единственно конкретное значение в ряду возможных альтернатив, вследствие чего является случайной величиной, характеризующейся своим особым законом распределения и конкретными численными характеристиками, включая среднее значение или математическое ожидание.

Для учета неопределенности в системе PERT используется трехточечная оценка продолжительности работ: оптимистическая (t_o), наиболее вероятная (t_m) и пессимистическая (t_p). Ожидаемая продолжительность t_e рассчитывается по формуле (Плескунов, 2024)

$$t_e = \frac{(t_o + 4t_m + t_p)}{6}.$$

Дисперсия продолжительности работы σ^2 определяется по формуле

$$\sigma^2 = \left(\frac{(t_p - t_o)}{6} \right)^2.$$

Обратим внимание на методику вычисления функции распределения и первых двух моментов времени выполнения стохастического сетевого графика, основанную на построении многомерных интегралов, вычисляемых методом Монте-Карло (Иванов, 2014). Данный подход позволяет более точно оценивать вероятностные характеристики проектов со сложной топологией связей.

В международной практике различают области применения системы PERT и метода СРМ: PERT используется преимущественно в научных исследованиях и разработках, где отсутствует прошлый опыт, а СРМ — в проектах, где доступна информация о затратах времени и ресурсов (например в строительстве).

Оптимизация сетевых графиков

Суть оптимизации сетевого графика состоит в согласовании сроков выполнения работ и ресурсов предприятия таким образом, чтобы учесть следующие ограничения:

- количество работников не позволяет своевременно осуществить намеченные мероприятия, или персонал распределяется совсем не сбалансированно;
- потребность в материальных ресурсах и финансах на отдельных этапах существенно превышает возможности предприятия.

Распределение материальных, трудовых и финансовых ресурсов возможно, если использовать резервы времени некритических операций: ресурсы перемещаются с менее приоритетных этапов, их выполнение продлевается до пределов временного запаса.

Для временной коррекции сетевого графика, чтобы уменьшить длительность критического пути, требуется следующая последовательность действий:

- проверить точность временных показателей;
- оценить степень возможного параллельного исполнения критически важных задач;
- пересмотреть технологию производственного процесса в целях уменьшения общего периода выполнения проекта;
- определить возможность увеличения интенсивности выполнения ключевых операций путем перенаправления ресурсов из ненапряженных участков сети;
- сократить длительность работ благодаря привлечению дополнительных мощностей.

Сетевые графики следует корректировать поэтапно, повторяя процедуры до момента совпадения продолжительности критического пути с временем, требуемым на выполнение проекта. При этом важно учитывать четыре фактора, приведенные ниже.

1. Увеличение длительности операции за счет собственного резерва времени (резерва, отведенного на данную операцию) не влияет на длину критического пути и временные запасы последующих операций.
2. Увеличение длительности операции сверх собственного свободного резерва (время сверх резерва, отведенного на операцию, не превышает запасов времени на весь проект) не увеличивает общего срока завершения проекта, однако уменьшает запас времени на дальнейшие процессы.
3. Продление срока работы на полную величину резерва не меняет итогового срока окончания, но формирует дополнительный критический путь.
4. Повышение длительности этапа сверх значения общего резерва приводит к увеличению финального срока на соответствующую величину и к появлению нового критического пути, превышающего установленную норму (Алексеев, 2021).

Оптимизация сетевых моделей относительно какого-либо параметра проводится либо визуально, графическими методами, либо расчетными алгоритмами. Оптимизационная задача сетевой модели чаще всего сводится к определению минимально возможной длительности выполнения комплекса заданий при фиксированном объеме выделяемых ресурсов.

Заключение

Сетевые модели, такие как метод критического пути (СРМ) и метод оценки и пересмотра программ (PERT), являются эффективными инструментами для анализа и оптимизации временных ресурсов в управлении проектами.

По мнению исследователей, методы СРМ и PERT помогают оптимизировать распределение ресурсов и времени, минимизировать риски срывов сроков и повысить управляемость сложных проектов.

Наличие разнообразных программных средств (PEANNET, COMET, RAMPS, MS Project) расширяет возможности практического применения сетевых моделей, облегчая процесс моделирования и анализа проектов (Бурыкин, 2026). Особое значение сетевое планирование приобретает при управлении научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, где высока степень неопределенности и требуется координация множества исполнителей. Применение вероятностных методов PERT позволяет более точно прогнозировать сроки выполнения и своевременно принимать корректирующие решения (Иванов, 2014; Плескунов, 2024).

Таким образом, модели выполнения проектов, основанные на методах PERT и СРМ, позволяют выявить критические задачи, оценить сроки выполнения и обеспечить контроль над процессом реализации проекта. Очевидно, что применение сетевых методов обеспечивает системный подход к планиро-

ванию и контролю, что существенно повышает эффективность реализации проектов в различных сферах деятельности, позволяя своевременно принимать управленческие решения и адаптироваться к изменяющимся условиям.

Мы систематизировали ключевые элементы сетевых моделей — события, работы, пути, критический путь, — представили правила построения сетевых графиков, четыре метода их расчета — аналитический, табличный, графический, секторный, — и предложили подходы к оптимизации временных и ресурсных параметров. На данном этапе исследования бизнес-моделей мы привели основные принципы построения и применения методов PERT и СРМ, а также примеры их использования для планирования и координации этапов проекта. Дальнейшее развитие исследования возможно путем интеграции сетевых моделей с ИИ и agile-подходами для динамического управления проектами в условиях цифровой трансформации.

Список литературы и источников / References

- Алексеев А. А. *Инновационный менеджмент: учебник и практикум для вузов*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 259 с. (Высшее образование).
- Alekseev A. A. *Innovation Management: textbook and workbook for universities*. Moscow: Yurayt, 2021. 259 p. (In Russian).
- Анискин Ю. П. *Управление инновациями в системе управления инновационным развитием компании: учебник для бакалавров*. М.: Омега-Л, 2019. 260 с.
- Aniskin Yu. P. *Innovations Management in the System of Innovative Development of a Company: textbook for Bachelor degree students*. Moscow: Omega-L, 2019. 260 p. (In Russian).
- Боева А. А., Пахомова Ю. В. «Методы инновационного менеджмента предприятия в условиях рыночной экономики». *Организационно-экономические и управленческие аспекты функционирования и развития социально-экономических систем в условиях инновационной экономики: сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф.* (23 мая 2019 г.). Воронеж: Воронежский гос. техн. ун-т, 2019. 34–42. EDN: XEZQLW.
- Boyeva A. A., Pakhomova Yu. V. “Methods of an Enterprise Innovation Management under Conditions of Market Economy”. *Organizatsionno-ekonomicheskiye i upravlencheskiye aspekty funktsionirovaniya i razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem v usloviyakh innovatsionnoy ekonomiki: sb. nauch. tr. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf.* (23 maya 2019 g.). Voronezh: Voronezh State Tech U, 2019. 34–42. (In Russian).

- Бударов А. Ю., Горчакова Е. А., Шикалов М. С. «Научно-производственный комплекс как основа национального научно-технологического развития». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.4 (2025): m12s01a11. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-4-m12s01a11>. EDN: SABERS.
- Budarov A. Yu., Gorchakova E. A., Shikalov M. S. “The Scientific and Industrial Complex as a Basis for National Scientific and Technological Development”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.4 (2025): m12s01a11. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-4-m12s01a11>
- Бурыйкин А. А. *Управление проектами. Сетевое планирование и управление*: учебное пособие. М.; Вологда: Инфра-Инженерия, 2026. 212 с. EDN: GQMESA.
- Burykin A. A. *Project Management. Network Planning and Management*: study guide. Moscow; Vologda: Infra-Inzheneriya, 2026. 212 p. (In Russian).
- Иванов Н. Н. «Метод вычисления функции распределения и числовых вероятностных характеристик времени выполнения стохастического сетевого графика». *Проблемы управления* 6 (2014): 15–21. EDN: TCCRR.
- Ivanov N. N. “Technique of Evaluation of Distribution Function and Numerical Probabilistic Characteristics of Stochastic Network Schedule Execution Time”. *Problemy upravleniya = Control Sciences* 6 (2014): 15–21. (In Russian).
- Карпович В. Ф. «Анализ и оценка развития теории управления инновациями в условиях современной экономики». *Актуальные исследования* 19-3 (254) (2025): 23–25. EDN: LMNMHB.
- Karpovich V. “Analysis and Evaluation of the Development of Innovation Management Theory in the Context of Modern Economy”. *Aktual'nye issledovaniya* 19-3 (254) (2025): 23–25. (In Russian).
- Плескунов М. А. *Прикладная математика. Задачи сетевого планирования*: учебник для вузов. Под науч. ред. А. И. Короткого. 2-е изд. М.: Юрайт, 2024. 93 с.
- Pleskunov M. A. *Applied Mathematics. Network Planning Tasks*: textbook for universities. Sci. ed. by A. I. Korotkiy. 2nd ed. Moscow: Yurayt, 2024. 93 p. (In Russian).
- Филатов В. В., Мишаков В. Ю., Данильчук В. А. «Современные проблемы инновационного менеджмента». *Развитие социально-экономического потенциала регионов: дифференциация и приоритеты: сб. науч. тр. по итогам проведения круглого стола* (24 сент. 2020 г.). Под ред. С. Г. Радько. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2020. 215–220. EDN: ACSEZZ.
- Filatov V. V., Mishakov V. Yu., Danilchuk V. A. “Modern Problems of Innovation Management”. *Razvitiye sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regionov: differentsiatsiya i prioritety: sb. nauch. tr. po itogam provedeniya kruglogo stola* (24 sent. 2020 g.). Ed. by S. G. Rad'ko. Moscow: Kosygin Russian State U, 2020. 215–220. (In Russian).

Информация об авторах

Качуренко Данила Сергеевич — кандидат экономических наук, проректор по развитию инфраструктуры и капитальному строительству Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), dsk@miee.ru, SPIN-код: 9141-4510.

Першин Егор Васильевич — кандидат технических наук, доцент Института экономики, управления и психологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), egopersh@gmail.com, SPIN-код: 2393-4115.

Васильева Ольга Владимировна — младший научный сотрудник Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), olenka.vasileva.1983@internet.ru.

Шикалов Мирон Сергеевич — ассистент Института экономики, управления и психологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), ms.shikalov@mail.ru.

Авторский вклад

Качуренко Д. С. — разработка концепции; научное руководство; критический анализ и доработка текста.

Першин Е. В. — изучение концепции; сбор данных и анализ литературы; подготовка начального варианта текста; визуализация (подготовка рисунков).

Васильева О. В. — разработка методологии; анализ методов сетевого планирования; сбор данных; компьютерные работы (набор и форматирование текста, оформление списка литературы, подготовка формул); участие в подготовке начального варианта текста.

Шикалов М. С. — анализ практических примеров и кейсов применения сетевых моделей; исследование подходов к оптимизации временных и ресурсных параметров; анализ литературы по методам PERT и CPM; участие в обсуждении результатов и формулировке выводов.

Information about the authors

Danila S. Kachurenko — Cand. Sci. (Econ.), Vice Rector for Infrastructure Development and Capital Construction, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), dsk@miee.ru, SPIN code: 9141-4510.

Egor V. Pershin — Cand. Sci. (Eng.), Associate Professor of the Institute of Economics, Management and Psychology, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), egopersh@gmail.com, SPIN code: 2393-4115.

Olga V. Vasilyeva — Junior Researcher, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd Shokin sq., 1), olenka.vasileva.1983@internet.ru.

Miron S. Shikalov — Assistant Lecturer of the Institute of Economics, Management, and Psychology, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), ms.shikalov@mail.ru.

Author Contributions

D. S. Kachurenko — concept development; scientific supervision; critical analysis and text revision.

E. V. Pershin — concept study; data collection and literature analysis; initial text preparation; visualization (preparation of drawings).

O. V. Vasilyeva — methodology development; analysis of network planning methods; data collection; computer work (text typing and formatting, references list making, formulas preparation); participation in the initial text preparation.

M. S. Shikalov — analysis of practical examples and case studies of network models application; research of approaches to time and resource optimization; literature analysis on PERT and CPM methods; participation in discussion of results and conclusions formulation.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026, одобрена после рецензирования 14.04.2026.

The article was submitted 11.02.2026, approved after reviewing 14.04.2026.

Планирование стоимости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ

Е. В. Першин¹✉, Д. С. Качуренко², А. В. Потапов³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

✉ egopersh@gmail.com

Аннотация. В условиях усиления роли научных исследований и разработок в технологическом развитии страны и увеличения инвестиций в эту сферу особое значение приобретает достоверная оценка затрат на НИОКР, поскольку неэффективное использование средств сохраняет разрыв между научными разработками и их практическим внедрением. *Цель работы* заключается в анализе теоретических и практических подходов к формированию себестоимости научно-технической продукции, в систематизации основных статей расходов и представлении методов их корректного учета и распределения. *Методы исследования:* анализ существующих нормативных и научных источников и обобщение знаний по вопросам учета затрат на НИОКР, рассмотрение практических методик расчета отдельных статей себестоимости. *Результаты исследования:* систематизированы основные статьи расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Приведены формулы для распределения затрат на оборудование, используемое в нескольких проектах, а также для расчета амортизации линейным и ускоренным способами. Обоснована необходимость группировки статей расходов в тематические блоки для повышения прозрачности бюджетирования и контроля. *Теоретическая значимость исследования:* систематизация основных статей расходов дополняет базу знаний об экономике научно-исследовательских работ. *Практическую значимость исследования* определяет обзор методов и формул планирования и контроля затрат в научных организациях и на предприятиях, выполняющих НИОКР. Наглядность представленного обзора и анализа структуры расходов, используемых для расчета себестоимости, способствует их применению при планировании стоимости научно-исследовательских работ, повышению обоснованности бюджетов и эффективности использования выделяемых средств.

Ключевые слова: себестоимость НИОКР, научно-техническая продукция, статьи расходов, планирование затрат, методы и формулы планирования, научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские работы, амортизация оборудования, прямые расходы, косвенные расходы, издержки по проекту, расчет себестоимости

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Першин Е. В., Качуренко Д. С., Потапов А. В. «Планирование стоимости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m02s01a20.

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m02s01a20.gnttjf> EDN: GNTTJF.

Original article

Cost planning of scientific research and design development activities

E. V. Pershin¹ ✉, D. S. Kachurenko², A. V. Potapov³

^{1, 2, 3} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

✉ egopersh@gmail.com

Abstract. With the enhancing of the role of scientific research and developments in the country's technological growth and increased investment in this area, a reliable estimate of R&D costs is of particular importance, because inefficient use of funds keeps the gap between scientific developments and their practical implementation. The *work purpose* is to analyze theoretical and practical approaches to the cost formation of scientific and technical products, to systematize the main items of expenditure and to present methods for their correct accounting and distribution. *Research methods:* analysis of existing regulatory and scientific sources and generalization of knowledge on accounting for R&D costs, consideration of practical methods for calculating individual cost items. *Research results:* the main expenditure items for Scientific Research and Design Development Activities are systematized. Formulas are given for allocating the costs of equipment used in several projects, as well as for calculating depreciation using linear and accelerated methods. The necessity of grouping expenditure items into thematic blocks has been substantiated in order to increase the transparency of budgeting and control. *The research theoretical significance:* the main items of expenditure systematization complement the knowledge base on the economics of scientific research activities. *The research practical significance* is determined by a review of methods and formulas for planning and controlling costs in scientific organizations and enterprises performing R&D. The visibility of the presented overview and analysis of expenses structure used to calculate the cost price contributes to their application in planning the cost of research, increasing the validity of budgets and the use effectiveness of allocated funds.

Keywords: R&D cost price, scientific and technical products, items of expenditure, outlay planning, planning methods and formulas, research and development, depreciation of equipment, direct expenses, indirect expenses, project outlay, cost price calculation

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Pershin E. V., Kachurenko D. S., Potapov A. V. "Cost Planning of Scientific Research and Design Development Activities". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 13.2 (2026): m02s01a20. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m02s01a20.gnttjf>

Введение

Современные экономические условия требуют продуманного подхода к планированию научно-технических работ и детального анализа всех расходов, возникающих при создании инновационной продукции. Россия входит в десятку стран-лидеров по

объемам инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы — в 2023 г. страна потратила на развитие науки 1,6 трлн руб., по итогам 2024 г. расходы остались примерно на том же уровне. При этом государство финансирует до 70 % разработок, остальное — вложения бизнеса¹.

© Першин Е. В., Качуренко Д. С., Потапов А. В.

¹ Цурков Н. «Не ради науки: как правильно построить финансирование НИОКР в компании». *Forbes*. 31.07.2025. Онлайн. 14.05.2026.

<<https://www.forbes.ru/mneniya/542895-ne-radi-nauki-kak-pravil-no-postroit-finansirovanie-niokr-v-kompanii>>.

Планируется увеличить инвестиции частного бизнеса в науку в два раза к 2030 г., что обуславливает повышенное внимание к эффективности использования выделяемых средств. Важнейшая роль в этом отводится точному определению себестоимости: учитываются затраты на приобретение материалов, привлечение сторонних услуг, техническое оснащение и заработную плату сотрудников, занятых проведением научных изысканий и конструкторских разработок. Грамотное управление позволяет не только эффективно контролировать издержки, но и существенно улучшать качество исследований, оперативно находить скрытые возможности для экономии и оптимизации бюджета, что положительно сказывается на повышении конкурентных преимуществ научных учреждений и промышленных компаний.

Вопросы учета и планирования затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) активно рассматриваются во многих современных работах. Разрабатываются методы повышения финансовой устойчивости наукоемких проектов на этапе НИОКР, с возможностью капитализации затрат в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (Николаева, Лукаш, Мальцев, 2024). Доказано, что эффективное управление ресурсами в инновационных проектах требует не корректировки, а фундаментального пересмотра традиционных систем расчета, а чаще всего — интеграции различных методов учета (Лозовой, Шестакова, Гарина, 2025). В учебнике Е. В. Орловой представлен комплекс методик экономического обоснования проектов в зависимости от их типа и стадии жизненного цикла, включая примеры оценки проектных затрат и прогнозные расчеты экономической эффективности (Орлова, 2024).

Как отмечено в современных исследованиях, ключевая проблема управления заключается не в недостатке финансирования,

а в неэффективном его использовании. Без четких приоритетов и оценки коммерческого потенциала проектов, а также без выстроенных механизмов учета и контроля значительная часть инвестиций не приносит ожидаемой отдачи, сохраняется разрыв между научными разработками и их практическим применением. Поэтому рассмотрим ключевые статьи расходов, связанные с формированием себестоимости научно-технической продукции, а также методы их корректного учета и оптимального распределения, в целях повышения открытости и результативности научной деятельности.

Состав и структура себестоимости НИОКР

Себестоимость $C_{НП}$ научно-технической продукции, полученной в результате проведения НИОКР, формируется на основе учета категорий расходов, описанных ниже.

1. *Расходы на сырье, заготовки и комплектующие детали, используемые для разработки изделий*, включают затраты непосредственно на покупку и транспортировку необходимых ресурсов, исключительно целевые материальные издержки по данному проекту. Прочие дополнительные материалы учитываются лишь тогда, когда они прямо связаны с конкретной разработкой. Не учитывается категория не прямых расходов, стоимость возвращаемых производственных отходов. Для правильного расчета материальных затрат целесообразно составлять таблицу, отражающую этапы производственного процесса, наименования материалов, единицы измерения, цену, объем использованных ресурсов и суммарные затраты. Общая сумма затрат на материалы уточняется путем добавления транспортно-заготовительных затрат до включения в проектный бюджет. По умолчанию такие затраты составляют около 3–5 % от общей суммы затрат на материалы, комплектующие и полуфабрикаты (Лукьянец, 2018).

2. *Расходы на привлечение услуг сторонних фирм* рассчитываются исходя из стоимости заключенных с партнерами соглашений. К ним относятся: оплата поставок готовых узлов и элементов, выполненных третьими лицами, производство специальных образцов продукции, привлечение подрядчиков для производственно-технического обслуживания и работы специализированных лабораторий. Для детального учета большого количества партнерских сделок предлагается оформление соответствующей информации в виде таблиц, содержащих этапы разработки, перечень выполняемых работ, сведения о контрагентах, сроки исполнения и общую сумму платежей. Как показывает практика, если затраты на подключение научных организаций к НИОКР превышают 5 % бюджета научных разработок, следует задуматься о переводе требуемых компетенций в штат (Лукьянец, 2018).

3. *Расходы на специализированное оснащение, применяемое при выполнении научных изысканий*, включают затраты на покупку либо аренду специализированного оборудования, испытательных стендов и установок, применяемых непосредственно для выполнения определенных экспериментов и обработки полученных данных (Малыхина, 2020). Когда такое оснащение применяется лишь для осуществления конкретного научно-исследовательского проекта, оно классифицируется как прямые издержки, включаемые в стоимость создаваемого изделия. Когда одно и то же оборудование задействуется параллельно для решения нескольких задач внутри предприятия, то затраты распределяются пропорционально степени участия оборудования в каждом направлении исследований ($Z_{\text{ОБ}}$) и рассчитываются по формуле (1). Распределение по направлениям, как правило, проводится пропорционально времени использования оборудования ($T_{\text{ОБ}}$).

$$Z_{\text{ОБ}} = \frac{A_{\text{ОБ}} T_{\text{ОБ}}}{T_{\Sigma}}, \quad (1)$$

где $A_{\text{ОБ}}$ — величина арендной платы (амортизационных отчислений) за период (месяц, год); T_{Σ} — суммарное время использования оборудования за период.

Предприятия начисляют амортизацию по основным средствам каждый месяц, ориентируясь на утвержденные нормы амортизационных отчислений и балансовую стоимость объектов (либо первоначальную, либо восстановительную) $C_{\text{баланс}}$ — по отдельным группам объектов или инвентарным объектам, состоящим на балансе предприятия. Установленные государством нормы амортизации k_a едины для всех предприятий и организаций.

Если амортизация начисляется равномерно, величина годовых амортизационных отчислений A в год составляет

$$A = C_{\text{баланс}} k_a.$$

Предприятия имеют право применять *ускоренный метод начисления амортизации* для активной части своего имущества в течение укороченного периода. В рамках ускоренного метода можно использовать либо способ уменьшаемого остатка (регрессирующий способ), либо способ расчета по сроку службы актива (кумулятивный подход).

Способ уменьшаемого остатка предполагает расчет амортизационных отчислений исходя из оставшейся балансовой стоимости оборудования $C_{\text{ост}}$ по увеличенной норме годовых амортизационных отчислений k'_a (Лозовой, Шестакова, Гарина, 2025):

$$A = C_{\text{ост}} k'_a,$$

где k'_a — коэффициент (увеличенная норма) годовых амортизационных отчислений в долях.

При этом $k'_{a \text{ max}} = 2k_a$.

Способ расчета по сроку службы актива предполагает ежегодное изменение величины амортизационного коэффициента. Амортизация за конкретный год рассчитывается не по установленной норме,

а непосредственно по общему сроку полезной эксплуатации объекта, по следующей формуле:

$$A_i = C_{\text{баланс}} k_a'',$$

где $k_a'' = \frac{T_a - (i - 1)}{T_{\text{усл}}}$ — коэффициент амортизационных отчислений в долях единицы; i — текущий год; T_a — длительность срока полезного использования, в годах (период амортизации); $T_{\text{усл}}$ — условное количество лет (сумма целых чисел, обозначающих годы полезного использования — от 1 до T_a).

Условное количество лет можно рассчитать по следующей формуле:

$$T_{\text{усл}} = \frac{T_a(T_a + 1)}{2}$$

4. *Стоимость программного обеспечения, необходимого для реализации исследовательской деятельности.* Затраты на покупку программного обеспечения (например систем автоматизированного проектирования — CAD) составляют значительную долю расходов на НИОКР. Поэтому рекомендуется предусмотреть специальную статью расходов для учета таких затрат. Программные продукты, приобретенные предприятиями, классифицируются как нематериальные активы, вследствие чего их амортизация производится аналогично амортизации специализированного оборудования (Николаева, Лукаш, Мальцев, 2024).

5. *Расходы на оплату труда работников, непосредственно участвующих в проведении исследовательских и проектных мероприятий.* Указанная категория расходов охватывает затраты на базовую зарплату сотрудников, занимающихся научной работой и исследованиями, а также на премиальные вознаграждения, стимулирующие надбавки, компенсационные выплаты и средства, перечисляемые исполнителям работ по гражданским договорам в области науки и проектирования (Лозовой, Шестакова, Гарина, 2025). Работы могут осуществляться как государствен-

ными учреждениями, так и коммерческими структурами. В государственном учреждении оплата труда персонала производится исходя из установленных ставок единой тарифной сетки для оплаты труда работников государственных организаций. Заработная плата сотрудников госучреждений зависит от разряда, который устанавливается в зависимости от специфики выполняемой деятельности. Соответствие видов работ конкретному квалификационному разряду закреплено в Единой тарифно-квалификационной справочной системе.

Основная заработная плата сотрудника определенного разряда $ЗП_{\text{ОСН}}$ рассчитывается на основе тарифного коэффициента k , определяемого по тарифной сетке, и минимальной заработной платы $ЗП_{\text{min}}$, установленной государством (Горелов, Кораблева, Абрамов, 2025):

$$ЗП_{\text{ОСН}} = kЗП_{\text{min}}.$$

Заработная плата сотрудников частных компаний фиксируется либо индивидуально, либо посредством коллективного договора. Компании вправе использовать как тарифную, так и бестарифную схему начисления зарплаты. Надбавки к заработной плате обычно составляют около 10–20 % от основной части дохода.

6. *Постоянные расходы. Отчисления социального характера,* предназначенные для работников, занятых исследовательской деятельностью и разработкой новых технологий, рассчитываются согласно действующему законодательству, исходя из утвержденной процентной ставки от общей суммы заработной платы научных работников.

7. *Дополнительные расходы.* Основные статьи дополнительных расходов включают траты на создание научной и технической документации, оформление патентов, прохождение необходимых экспертиз, обеспечение коммуникаций и служебные поездки

сотрудников, задействованных в проведении исследований. Когда дополнительные расходы превышают отметку в 5 % от общего объема, целесообразно формировать отдельную категорию статей затрат.

8. *Косвенные накладные расходы предприятия* учитываются опосредованно путем включения в итоговую стоимость исследований. Косвенные издержки научные организации распределяют между проектами согласно объему выполненной работы или уровню зарплаты сотрудников, а также иными способами, учитывающими особенности функционирования учреждения. Обычно суммарные затраты определяются процентом от основной выручки. Согласно исследованиям О. Е. Николаевой с соавторами, метод капитализации затрат на этапе ОКР является эффективным инструментом управления стоимостью и финансовой устойчивостью проекта. Его использование приводит к тому, что в период серийного производства за счет дисконтирования и перераспределения во времени отложенных налогов на прибыль увеличивается чистая приведенная стоимость проекта и рыночная стоимость компании (Николаева, Лукаш, Мальцев, 2024).

Также научно-исследовательские организации имеют право предусматривать отдельную статью накладных расходов на техническое обслуживание и поддержание работоспособности лабораторного оборудования, если имеется технологическая возможность распределять данные затраты пропорционально степени использования оборудования различными проектами (Саакян, 2024).

Анализ структуры расходов на НИОКР

При проведении анализа структуры основных расходов нередко обнаруживаются значительные отклонения отдельных стандартных позиций: чрезмерно высокие позиции (свыше 40 %) и излишне низкие

(менее 3 %). Так, существенно увеличиваются траты на телекоммуникационные сервисы (интернет, мобильная связь, факсимильная связь, организация видеоконференций), на покупку и обработку научных материалов, защиту интеллектуальной собственности, получение сертификатов качества. Чрезмерно большие или малые группы расходов затрудняют контроль над ними, поэтому стоит провести пересмотр типового перечня статей посредством детализации крупных разделов и объединения мелких (Горелов, Кораблева, Абрамов, 2025).

Как отмечается в современных исследованиях, эффективные компании анализируют потребности клиентов, изучают конкурентов и только затем определяют, какие технологические решения могут дать конкурентное преимущество. Системный подход к управлению НИОКР используют ведущие мировые компании — Airbus в авиастроении, Hyundai в автомобильной промышленности, Siemens в промышленных технологиях².

В общем расчете расходов обязательными являются расчеты совокупной себестоимости исследовательского проекта и динамики увеличения затрат (сроки исполнения этапов работы — суммарные затраты), а также построение диаграмм распределения финансовых ресурсов по этапам проекта, с учетом возможных вариантов реализации (Минько и др., 2020).

Заключение

Анализ структуры расходов на выполненные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы позволил нам подтвердить важность комплексного подхода к учету и управлению этими расходами. Мы систематизировали основные статьи расходов: материальные затраты, амортизация оборудования и программного обеспечения, оплата труда, отчисления на социальные нужды, услуги сторонних организаций,

² Цурков Н. Указ. соч.

прочие прямые и косвенные расходы, — и сделали вывод, что точность расчета себестоимости дает возможность оперативно выявлять ключевые направления трат, снижать накладные расходы и увеличивать продуктивность выполнения проектов. Учет стоимости материалов, услуг, оборудования и заработной платы помогает принимать аргументированные управленческие решения и осуществлять долгосрочное планирование научной деятельности.

Применение методов детального учета и тщательного анализа расходов повышает прозрачность и управляемость финансовыми ресурсами в науке и технологиях, что выступает необходимым фактором обеспечения успешного результата инновационной

деятельности. Как показывают современные исследования, эффективный учет затрат на НИОКР позволяет не только контролировать расходы, но и эффективно распределять бюджетные средства (Лозовой, Шестакова, Гарина, 2025), а использование современных методов капитализации и гибридных систем расчета способствует повышению финансовой устойчивости наукоемких проектов (Николаева, Лукаш, Мальцев, 2024). Принимая во внимание данные выводы, мы сделали обзор формул для распределения затрат на оборудование, используемое в нескольких проектах, а также для расчета амортизации линейным и ускоренным способами — метод уменьшаемого остатка, кумулятивный метод.

Список литературы и источников / References

- Горелов Н. А. (авт., ред.), Кorableва О. Н., Абрамов Е. Г. *Наукоемкая экономика: учебник и практикум для вузов*. М.: Юрайт, 2025. 435 с. EDN: HTTZRC.
- Gorelov N. A. (auth., ed.), Korableva O. N., Abramov E. G. *Knowledge-Intensive Economy: textbook and workbook for universities*. Moscow: Yurayt, 2025. 435 p. (In Russian).
- Лозовой И. В., Шестакова А. В., Гарина Е. П. «Учет и распределение затрат на разработку продукта в многостадийных инновационных проектах с высоким риском технической реализации». *Управленческий учет* 11 (2025): 102–108. EDN: HIABNH.
- Lozovoy I. V., Shestakova A. V., Garina E. P. “Accounting and Allocation of R&D Costs in Multi-Stage Innovation Projects with High Risk of Technical Implementation”. *Upravlencheskiy uchet = Management Accounting* 11 (2025): 102–108. (In Russian).
- Лукьянец Н. Г. *Основы научно-исследовательской деятельности студентов: материалы лекций: учебное пособие*. Костанай: Костанайский филиал Челябинского гос. ун-та, 2018. 210 с.
- Luk'yanets N. G. *Basics of Students Research Activity: Lectures materials: study guide*. Kostanay: Kostanay branch of Chelyabinsk State U, 2018. 210 p. (In Russian).
- Малыхина М. Е. «Организация и планирование инновационной деятельности на предприятии». *Результаты современных научных исследований и разработок: сб. ст. IX Всерос. науч.-практ. конф.* (15 апреля 2020 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2020. 38–41. EDN: BJDYJA.
- Malykhina M. E. “Innovative Activity Organization and Planning for the Enterprise”. *Rezultaty sovremennykh nauchnykh issledovaniy i razrabotok: sb. st. IX Vseros. nauch.-prakt. conf.* (15 aprelya 2020 g.). Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2020. 38–41. (In Russian).
- Минько Л. В., Королькова Е. М., Коробова О. В., Дмитриева Е. Л. *Управление инвестициями: учеб. пособие*. Тамбов: Изд. центр ТГТУ, 2020. 135 с.
- Min'ko L. V., Korol'kova E. M., Korobova O. V., Dmitrieva E. L. *Investment Management: study guide*. Tambov: Tambov State Technical U Publ. Center, 2020. 135 p. (In Russian).
- Николаева О. Е., Лукаш Е. Н., Мальцев А. С. «Методы повышения финансовой устойчивости наукоемких международных проектов на этапе НИОКР». *Финансы и кредит* 30.8 (848) (2024): 1851–1879. <https://doi.org/10.24891/fc.30.8.1851>. EDN: AOWVFM.

Nikolaeva O. E., Lukash E. N., Mal'tsev A. S. "Methods for Improving the Financial Stability of Science-Intensive International Projects at the R&D Stage". *Finansy i kredit = Finance and Credit* 30.8 (848) (2024): 1851–1879. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/fc.30.8.1851>

Орлова Е. В. *Исследования и разработки (R&D): анализ данных и экономическая эффективность*: учебник. М.: ИНФРА-М, 2024. 282 с. <https://doi.org/10.12737/1959274>. EDN: KUGVYB.

Orlova E. *Research and Development (R&D): Data Analysis and Cost-Effectiveness*: textbook. Moscow: INFRA-M, 2024. 282 p. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/1959274>

Саакян Т. В. «Нормативно-методическое обеспечение мониторинга достижения результатов НИОКР, осуществляемых за счет субсидий из федерального бюджета». *Финансовый журнал* 16.4 (2024): 24–40. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-4-24-40>. EDN: MGTRDI.

Saakyan T. V. "Regulatory and Methodological Support for Tracking the Results of R&D Funded with Federal Budget Subsidies". *Finansovyy zhurnal = Financial Journal* 16.4 (2024): 24–40. (In Russian). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-4-24-40>

Информация об авторах

Першин Егор Васильевич — кандидат технических наук, доцент Института экономики, управления и психологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), egopersh@gmail.com, SPIN-код: 2393-4115.

Качуренко Данила Сергеевич — кандидат экономических наук, проректор по развитию инфраструктуры и капитальному строительству Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), dsk@miee.ru, SPIN-код: 9141-4510.

Потапов Алексей Викторович — директор учебно-производственного комплекса «Протон» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), potapov.a@aoproton.ru.

Авторский вклад

Першин Е. В. — разработка концепции; научное руководство; критический анализ и доработка текста.

Качуренко Д. С. — изучение концепции; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных; подготовка начального варианта текста; визуализация (подготовка таблиц и формул).

Потапов А. В. — разработка методологии; анализ литературы; участие в формализованном анализе данных; подготовка отдельных разделов текста.

Information about the author

Egor V. Pershin — Cand. Sci. (Eng.), Associate Professor of the Institute of Economics, Management and Psychology, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), egopersh@gmail.com, SPIN code: 2393-4115.

Danila S. Kachurenko — Cand. Sci. (Econ.), Vice Rector for Infrastructure Development and Capital Construction, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), dsk@miee.ru, SPIN code: 9141-4510.

Alexey V. Potapov — Director of the Proton Educational and Production Complex, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), potapov.a@aoproton.ru.

Author Contributions

E. V. Pershin — concept development; scientific supervision; writing — review and editing.

D. S. Kachurenko — concept study; data collection and evidence; formal data analysis; writing — original draft; visualization (preparation of tables and formulas).

A. V. Potapov — methodology development; literature analysis; participation in formal data analysis; writing — preparation of individual sections.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026, одобрена после рецензирования 14.04.2026.

The article was submitted 11.02.2026, approved after reviewing 14.04.2026.

Трансформация профессии переводчика: от двуязычного коммуникатора к менеджеру мультизадачных процессов

С. В. Сахневич

Институт деловой карьеры, г. Москва, Россия

crash68@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена системной трансформацией профессии переводчика, детерминированной трендом сокращения издержек бизнеса и обострением конкуренции. Традиционная компетентностная модель переводчика как двуязычного коммуникатора демонстрирует неадекватность запросам малобюджетных реципиентов. Делегирование переводчику функций менеджера многозадачных процессов позволит снизить издержки бюро переводов при сохранении потребительской ценности услуг. *Научная новизна исследования* заключается в обосновании перехода от лингвистической парадигмы к парадигме лингвистическо-управленческой в подготовке переводчиков. *Цель исследования* — решить проблему удовлетворения потребности малобюджетного сегмента рынка услуг перевода в условиях сокращения издержек без потери качества услуг, дать теоретическое и практическое обоснование трансформации профессии переводчика. *Материалы:* эмпирические данные отраслевых опросов. *Методы:* профессиография D. Gouades, сравнительный анализ, декомпозиция стоимости услуг. *Теоретическую основу исследования* составляет функционалистский подход (скопос-теория), использованы теоретические положения по управлению переводческими проектами Н. Risku, К. J. Dunne, E. S. Dunne, результаты обоснования роли переводчика как стратега А. Chesterman, E. Wagner. *Результаты исследования.* Выявлено, что основное недовольство реципиентов услуг бюро перевода связано с управлением и консалтингом. Доказано, что прямая экономическая мотивация переводчика к интеграции этих функций позволяет значительно увеличить доход компании. Обосновано эпистемическое преимущество компетентностной модели переводчика как менеджера знаний, эффективно координирующего весь процесс. Результаты подтверждают гипотезу: трансформация профессии переводчика в менеджера многозадачных процессов позволяет предложить рынку экономически доступную и качественную услугу, минуя дорогостоящие надбавки за нетехнические, управленческие и консультационные сервисы. *Перспектива исследования* заключается в разработке практических бизнес-моделей внедрения концепции, объединяющей компетенции переводчика и менеджера, и в адаптации к ним учебных программ.

Ключевые слова: малобюджетные реципиенты, междисциплинарный подход, менеджер многозадачных процессов, управление, консалтинг, переводческое бюро, профессия переводчика, управление проектами, экономическая мотивация, сокращение издержек

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Сахневич С. В. «Трансформация профессии переводчика: от двуязычного коммуникатора к менеджеру мультизадачных процессов». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m12s01a30.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s01a30.gvpzjy> EDN: GVPZJY.

Original article

Translation profession transformation: From a bilingual communicator to a multitasking process manager

S. V. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russia

crash68@yandex.ru

Abstract. The research *relevance* is due to the systemic transformation of the translation profession, determined by the trend of reducing business costs and increasing competition. The traditional competence model of a translator as a bilingual communicator demonstrates inadequacy to the needs of low-budget recipients. Delegating the functions of a multitasking process manager to a translator will reduce translation agency costs while maintaining the consumer value of the services. The research *scientific novelty* lies in the justification of the transition from the linguistic paradigm to the linguistic-managerial paradigm in the training of translators. The research *purpose* is to solve the problem of meeting the needs of the translation services market low-budget segment under conditions of cost reduction without loss of service quality, to provide a theoretical and practical justification for the translation profession transformation. *Materials:* empirical data from industry surveys. *Methods:* D. Gouadec's professionography, comparative analysis, cost of services decomposition. The research *theoretical basis* is the functionalist approach (skopos theory); the theoretical provisions on the management of translation projects by H. Risku, K. J. Dunne, E. S. Dunne, the substantiation results of the translator role as a strategist by A. Chesterman and E. Wagner were used. *Results:* it is revealed that the recipients' main dissatisfaction of translation agency services is related to management and consulting. It has been proven that the direct economic motivation of the translator to integrate these functions can significantly increase the company's revenue. The epistemic advantage of the translator's competence model as a knowledge manager who effectively coordinates the entire process is substantiated. The results confirm the hypothesis: the translation profession transformation into a multitasking process manager makes it possible to offer the market an economically affordable and high-quality service, bypassing expensive surcharges for non-technical, managerial and consulting services. The research *perspective* is to develop practical business models for the implementation of a concept combining the competencies of a translator and a manager, and to adapt training programs to them.

Keywords: low-budget recipients, interdisciplinary approach, multitasking process manager, management, consulting, translation agency, translation profession, project management, economic motivation, cost reduction

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Sakhnevich S. V. "Translation Profession Transformation: From a Bilingual Communicator to a Multitasking Process Manager". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m12s01a30. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s01a30.gvpzjy>

Введение

Современная лингвистическая парадигма подготовки переводчиков претерпевает системную трансформацию, детерминированную фундаментальными сдвигами в глобальной экономике коммуникаций. Технологическая революция в области машинного перевода, тотальная оптимизация бизнес-процессов и гиперглобализация сформировали новую операционную реальность, определяемую как тренд сокращения издержек. Сегодня профессиональная ценность переводчика редуцируется к лингвистической компетенции, которая находит свое отражение, помимо прочего, в работах, посвященных социальному и дискурсивному контексту перевода (Hatim, Mason, 1996). Однако в контексте тренда сокращения издержек традиционная эпистемическая модель переводчика как двуязычного коммуникатора (Bell, 1991) демонстрирует неадекватность по отношению к запросам массового сегмента малобюджетных реципиентов. Особенно ярко это проявляется в сфере коммерческих услуг перевода, где давление на цены и скорость выполнения традиционно высокие, а требования к «филигранной точности» перевода часто уступают место требованию оперативности и адекватности запросам реципиентов (Olohan, 2010).

Масштабы данного сегмента рынка являются значительными: до 40 % всех заказов на перевод исходят от малого и среднего бизнеса и частных лиц, чей бюджет на лингвистические услуги жестко ограничен и всегда требует экономии средств¹. Параллельно с этим хронологические рамки тренда сокращения издержек можно определить периодом с конца 2010-х гг. по настоящее время, что совпадает с коммерциализацией нейросетевого машинного перевода, пандемийным ускорением цифровизации и последующими глобальными экономическими кризисами. Эти

факторы заставляют компании повсеместно пересматривать бюджет в сторону оптимизации (Ханин, Фомин, 2014: 18–19).

Методологический аппарат исследования конституируется вокруг ключевых оппозиций, определяющих его логическую архитектуру. Базовое *противоречие* выявляется между объективной общественной потребностью в качественном переводе и субъективной экономической невозможностью для значительной части реципиентов удовлетворить данную потребность через рыночный механизм, особенно в условиях инкорпорирования высоких надбавок за нетехнические (управленческие и консультационные) сервисы, предоставляемые переводческими бюро, в стоимость услуги. Исходя из данного противоречия, *цель исследования* формулируется как поиск оптимального механизма удовлетворения потребностей многочисленных малобюджетных реципиентов — без критического сокращения качественных и комплексных характеристик предоставляемого лингвистического продукта.

Центральная *гипотеза исследования* заключается в предположении, что делегирование переводчику функций заинтересованного менеджера многозадачных процессов, предполагающее интеграцию управленческих, консалтинговых и координационных компетенций в его профессиональный профиль, создаст условия для существенного сокращения издержек при сохранении высокой потребительской ценности конечного продукта, что позволит вывести на рынок экономически доступную и качественно состоятельную услугу.

Верификация выдвинутой гипотезы осуществляется через последовательную реализацию пяти *исследовательских задач*.

1. Описание развития современной переводческой деятельности в условиях тренда сокращения издержек.

¹ Богомазов И. «Как заплатить за юридический перевод иностранных языков в 2–3 раза меньше рынка». 26.03.2018. ГАРАНТ.РУ. 21.04.2026. <<https://www.garant.ru/article/1187516>>.

2. Подтверждение тезиса о приоритетной неудовлетворенности реципиентов нетехническими (управленческими и консультационными) компонентами переводческой услуги.
3. Количественное и качественное обоснование значительной доли компонентов управления и консалтинга в структуре стоимости услуг, предоставляемых через бюро.
4. Выявление факторов, способствующих инкорпорированию прямой экономической мотивации и мотивации профессиональной деятельности переводчика.
5. Доказательство сравнительной эффективности выполнения переводчиком управленческих и консультационных задач в силу его уникальной позиции в коммуникационной цепочке и синтетического характера компетенций.

Теоретический фундамент исследования составляет корпус фундаментальных трудов в области теории и практики перевода. Функционалистский подход, репрезентированный скопос-теорией в интерпретации Э. Пайма (Pym, 2017), задает концептуальные рамки для осмысления перевода как целерационального управляемого действия. Исследования Х. Риска (Risku, 2004) в области управления переводами и работа Д. Гуадека (Gouadec, 2007), посвященная профессиографии переводчика, предоставляют развернутую аналитику нетехнических компонентов переводческих услуг и их стоимостных характеристик. Проблематика управления проектами и редукцией издержек раскрыта в исследовании К. Дж. Данна и Э. С. Данн (Dunne K., Dunne E., 2011), а диалогическая работа Э. Честермана и Э. Вагнера (Chesterman, Wagner, 2002) обосновывает роль переводчика как коммуникативного стратега и менеджера рисков.

Наше исследование носит междисциплинарный характер, интегрируя методы и концепции переводоведения и управления

(менеджмента): в части переводоведения используется функционалистский подход (скопос-теория), профессиография и концепция переводчика как стратега, в части управления — теория управления проектами, анализ бизнес-процессов и экономика услуг. Такое сочетание позволяет не только анализировать лингвистические аспекты перевода, но и рассматривать переводческую деятельность как комплексный управленческий процесс, направленный на оптимизацию издержек бизнеса и повышение потребительской ценности услуги. Это обеспечивает целостный взгляд на трансформацию роли переводчика в современных экономических условиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Редукция издержек как детерминанта современной переводческой парадигмы — от лингвистической экспертизы к оптимизации коммуникативных процессов. Современная деятельность бюро переводов развивается в условиях, которые можно охарактеризовать как тренд сокращения издержек. Данный тезис находит многократное подтверждение в трансформации индустрии, движимой технологическим прогрессом, глобализацией рынков и изменением бизнес-моделей. Технологическая оптимизация стала ключевым драйвером этого процесса: внедрение систем автоматизации перевода (CAT tools) и, что особенно показательно, повсеместное использование машинного перевода на основе нейросетей позволили автоматизировать обработку до 60–70 % стандартизированных текстов, оставив переводчику функцию постредактирования, что объективно дешевле полного цикла создания перевода (Risku, 2004: 87–89). Этот технологический сдвиг не только сокращает временные затраты, но и переопределяет саму сущность труда переводчика, смещая его функции от творческого воспроизведения смысла к управляемому процессу контроля

качества элементов текста. Глобализация и обострение конкуренции, опосредованные привлечением внешних специалистов через фриланс-биржи и аутсорсинг в региональные компании с низкой стоимостью труда, — эти тенденции создают устойчивое давление на такой макроэкономический показатель, как средняя ставка, вынуждая профессионалов искать пути повышения эффективности. Современное управление переводческими проектами становится «искусством возможного» в условиях жестких бюджетных ограничений, когда оптимизация потока заказов является не желательным улучшением, а необходимостью — для выживания на рынке (Dunne K., Dunne E., 2011: 15–18).

Юридический перевод традиционно считается сферой переводоведения, где доминирует принцип точности (Sager, 1994: 102–105). Основная дилемма юридического перевода — противоречие между необходимостью терминологической точности и требованием понятности для конечного пользователя. Разрешение этой дилеммы зависит от типа документа и статуса реципиента. Для документов, адресованных профессиональным юристам (международные контракты, судебные решения), приоритетом остается терминологическая точность и соответствие правовым системам. Однако и здесь требуется адаптация — не на уровне терминов, а на уровне юридических конструкций и способов аргументации, которые различаются в разных правовых традициях (Šarčević, 1997: 78–81).

Совершенно иной подход требуется к документам, адресованным неспециалистам, — к переводу договоров с потребителями, инструкций, уведомлений. Исследования показывают, что традиционные юридические формулировки часто непонятны массовому потребителю, что приводит к ошибкам в их применении и судебным спорам. Переводчик в этой ситуации выступает

как медиатор между сложным юридическим языком и обыденным сознанием (Schmid, 2012: 12–14). Такой подход полностью согласуется с концепцией «проектирования для аудитории» (audience design), где переводчик активно учитывает характеристики, знания и ожидания конечного реципиента (Mason, 2000: 1–3).

Особую сложность представляет перевод для мигрантов и культурных меньшинств. Исследования в США показали, что стандартные юридические переводы часто оказываются недоступными для этих групп из-за культурных различий в понимании правовых концептов (Hadziabdic et al., 2009: 464–466). Это привело к развитию специальных методик «культурно адаптированного юридического перевода», где наряду с лингвистическим переводом практикуется объяснение правовых концептов через культурно близкие аналогии.

Изменение ожиданий заказчиков выражается в доминировании запроса на скорость и экономичность, что уступает требованию филигранной точности. Это приводит к шаблонизации процессов и отказу от так называемых лишних услуг, от углубленного культурного анализа, если он не признан критичным для базового понимания. Однако важно подчеркнуть, что в определенных областях, таких как театральные переводы, где «переводимость» (performability) является ключевым критерием, углубленный культурный анализ и адаптация остаются критически важными и не могут быть подвергнуты редукции без ущерба для самого продукта (Espasa, 2000: 52–54). Эта тенденция соответствует функционалистскому подходу в переводоведении, в частности скопос-теории, где успех перевода измеряется не буквальной эквивалентностью текстов, а достижением конкретной цели коммуникации при минимально необходимых затратах (Pym, 2017: 45–48). Экономика подписки (SaaS-модели для облачных

платформ) и стандартизация интерфейсов и далее снижают операционные издержки, минимизируя затраты на программное обеспечение и инфраструктуру.

Количественно структуру востребованности различных сегментов переводческих услуг иллюстрируют данные отчета CSA Research «Размеры рынка в 2025 г.: уточнения на конец года»². Согласно представленной статистике, услуги письменного перевода и локализации перевода занимают доминирующее положение, охватывая 79,36 % проектов. Мультимедийные услуги (локализация перевода видео, аудио) составляют 22,67 %, что указывает на высокий спрос в данной нише. Доля проектов, связанных с технологиями перевода (включая инструменты на базе искусственного интеллекта), зафиксирована на уровне 8,13 %, в то время

как услуги устного перевода (последовательный, синхронный) охватывают 6,41 % рынка. На дополнительные услуги с добавленной стоимостью (Value-add) и другие (Other) приходится 3,19 и 3,95 % соответственно. Это подтверждает, что на текущее десятилетие приходится пик развития тренда сокращения издержек.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что системная трансформация роли переводчика — это не просто адаптация к рынку, а формирование новой профессиональной идентичности. Менеджер многозадачных процессов (менеджер-переводчик) становится центральным звеном в цепочке создания коммуникативной ценности, что напрямую отвечает экономическим вызовам современной эпохи (см. табл.).

Сравнительный анализ компетентностных моделей переводчика и менеджера-переводчика
Comparative analysis of translator's and manager-translator's competence models

Критерий сравнения	Традиционная компетентностная модель переводчика (двуязычный коммуникатор)	Компетентностная модель менеджера-переводчика (менеджера многозадачных процессов)
Основная функция	Исполнитель, лингвистический посредник	Стратег, координатор, ответственный за конечный коммуникативный результат
Ключевая ценность	Лингвистическая компетентность, филологическая точность	Способность управлять процессами, рисками и издержками для достижения цели коммуникации
Фокус деятельности	Создание текстового продукта (перевода)	Обеспечение комплексного коммуникативного удовлетворения запроса потребителя «под ключ»
Отношение к нетехническим компонентам услуги (управление проектами, консалтинг, интеграция компьютерных компетенций)	Компоненты воспринимаются как внешние, «чужие» функции, за которые отвечает бюро или заказчик	Компоненты активно интегрируются в услугу, рассматриваются как источник добавленной стоимости и конкурентное преимущество

² Lommel Arle. “2025 Market Sizing: Year End Update”. CSA Research. 31 Dec 2025. Web. 21 Apr. 2026. <<https://insights.csa-research.com/reportaction/305013812/Marketing>>.

Сравнительный анализ компетентностных моделей переводчика и менеджера-переводчика
Comparative analysis of translator's and manager-translator's competence models (Продолжение таблицы)

Критерий сравнения	Традиционная компетентностная модель переводчика (двуязычный коммуникатор)	Компетентностная модель менеджера-переводчика (менеджера многозадачных процессов)
Экономическая эффективность бизнес-модели	Доход определяется объемом лингвистической работы (ставка за слово/час)	Доход формируется за счет объема лингвистической работы и надбавок за управленческие, консалтинговые и координационные услуги
Взаимодействие с заказчиком	Тактический подрядчик, получающий задание	Стратегический партнер, участвующий в постановке задачи и выявлении латентных потребностей
Подход к качеству	Эквивалентность исходному тексту, лингвистическая корректность	Эффективность коммуникации (скопос-теория), минимизация рисков для бизнеса заказчика, соответствие цели
Позиция на рынке	Высокая зависимость от ценовой конкуренции, давление на ставки	Уход от ценовой конкуренции за счет уникального комплексного предложения, высокая лояльность клиентов

Как заключает Д. Гуадек, современный переводчик существует в системе, где сокращение издержек является императивом, продиктованным объективными условиями глобального рынка, и это требует трансформации исполнителя в менеджера многозадачных процессов, способного предложить клиенту не просто текст, а комплексное коммуникативное решение его задач, с контролем рисков и издержек (Gouadec, 2007: 213–215).

Диссоциация лингвистических и нетехнических компонентов в восприятии реципиентов перевода: парадокс качества в условиях коммуникативной дисфункции. Эмпирический опыт несоответствия качества системы закупок переводческих услуг и качества локализации программного обеспечения однозначно свидетельствует, что основное недовольство заказчиков связано

не с лингвистическим качеством текста как таковым, а с сопутствующими, управленческими компонентами переводческого процесса³. Это подтверждается прежде всего эмпирическими данными из сферы интернет-платформ, где пользователи часто критикуют некорректную визуальную и функциональную интеграцию: например, когда элементы интерфейса не помещаются в макет или не учитывают направление письма, — что является проблемой проектного менеджмента и дизайна, а не собственно перевода⁴. В бизнес-среде частыми причинами жалоб выступают коммуникативные сбои: задержка в получении конечного продукта, обусловленная неоптимизированным осуществлением перевода; непонимание контекста из-за отсутствия сопроводительных комментариев переводчика. Это подрывает доверие

³ “The Hidden Cost of Translation QA: What Procurement Gets Wrong About Software Localisation”. By tatiana. *LingvoHouse*. 16 Oct 2025. Web. 21 Apr. 2026.

<<https://www.lingvohouse.com/the-hidden-cost-of-translation-qa-what-procurement-gets-wrong-about-software-localisation>>.

⁴ Metkowski Sz. “Designing for Translation: How to Build Global-Ready UX?”. *Crowdin*. 11 Feb. 2026. Web. 21 Apr. 2026. <<https://crowdin.com/blog/agile-localization-podcast-with-szymon-metkowski>>.

реципиента к тексту перевода. Значительный пласт несоответствия услуги ожиданиям потребителя формируется на почве культурных и правовых рисков, когда неадаптированные визуальные элементы, цветовые схемы или отсутствие предупреждений о необходимости легализации документов приводят к репутационным и финансовым потерям, хотя лингвистическая составляющая может быть безупречной. Данные опросов клиентов переводческих бюро количественно подтверждают этот приоритет: основные претензии касаются сроков (40 %), сложности коммуникации (25 %) и отсутствия прозрачности процесса (20 %). Вместе с тем качество языка находится лишь на четвертом месте в рейтинге причин неудовлетворенности (Six, 2001: 14).

Важно отметить, что фокусирование реципиентов на нетехнических аспектах услуги, таких как своевременность и ясность коммуникации, характерно не только для письменного перевода, но и для устного, что подтверждается исследованием ожиданий пользователей услуг конференц-перевода (Moser, 1996: 148–150). Теоретической основой для понимания данной тенденции служит функциональная теория перевода, которая, как отмечает Э. Пайм, смещает фокус с буквальной точности на достижение коммуникативной цели, зависящей от множества нетехнических факторов, таких как тайминг, каналы передачи и культурный контекст (Pym, 2017: 67–69). Более того, Х. Рискю в своей работе доказывает, что клиенты всё чаще воспринимают перевод как комплексную управленческую услугу, где лингвистика является лишь одним из компонентов, и недовольство возникает преимущественно при сбоях в управлении проектом (Risku, 2004: 145–148). Компаниям требуются работники, которые способны исследовать потребности реципиентов, работать с программой CAT, чтобы поддерживать и обновлять переводческие базы данных, со-

ставлять словники, корректировать и редактировать перевод, ориентированный на конкретного реципиента. Такие переводчики получили название «транскрипторы», в их компетенцию входят навыки не только перевода текста, но и транскрипции, или звукового преобразования одного языка в другой. Поэтому название «транскриптор» может отражать расширенный функционал и возможности будущего переводчика (Mogon, Carreira, 2023). Можно заключить, что реципиенты в действительности недовольны в первую очередь управленческими, коммуникативными и консалтинговыми аспектами услуги перевода текста, что подтверждается как рыночной практикой, так и академическими исследованиями и требует от современного переводчика принятия на себя функций менеджера для контроля над всем процессом, а не только его лингвистической частью.

Декомпозиция стоимости услуг переводческого бюро: превалирование стоимости нетехнических компонентов услуги как ключевой фактор финансовой неэффективности. Структура ценообразования в переводческих бюро предусматривает выделение отдельных статей расходов на каждый компонент услуги, что приводит к значительному удорожанию проекта за счет нетехнических компонентов, совокупная стоимость которых превосходит лингвистическую работу. Наиболее существенной надбавкой является стоимость управления проектом, которая, согласно отраслевой практике, составляет от 15 до 30 % от общей стоимости перевода. Эта доля покрывает не только административные функции, но и комплексное управление рисками, сроками и коммуникацией между участниками процесса, что является необходимым, но дорогостоящим элементом обеспечения качества и надежности. Данные по структуре издержек в индустрии, собранные в ходе отраслевых опросов, десятилетиями подтверждают значительную

долю нетехнических компонентов в конечной стоимости услуги (Six, 2001: 14). Культурный консалтинг и адаптация — услуги, критически важные для успешного выхода на иностранный рынок, — требуют привлечения узкопрофильных специалистов, почасовая ставка которых значительно превышает почасовую ставку переводчика, а для крупных проектов, таких как запуск рекламной кампании, это десятки тысяч рублей дополнительных расходов. Еще более затратной является интеграция компьютерных компетенций, включающая верстку, локализацию интерфейсов и системы управления контентом (CMS). Стоимость этих компонентов услуги может достигать 50 % от стоимости лингвистической части, поскольку требует привлечения инженеров и дизайнеров. Легализация документов как компонент, сопряженный с высокой юридической ответственностью, формирует отдельную статью расходов, включающую нотариальное заверение, проставление апостиля и сопровождение в государственных органах, причем стоимость обработки пакета документов для международной сделки может превышать 100 000 рублей. Срочность исполнения заказа, как отмечает Х. Рискю, влечет за собой премиальные надбавки, которые могут удваивать базовую стоимость перевода, поскольку требуют организации круглосуточной работы и реорганизации рабочих процессов (Risku, 2004: 102–103). Многоуровневый контроль качества (QA), предполагающий участие редакторов, корректоров и тестировщиков, также вносит свой вклад в конечную цену услуги. Стоимость вычитки и редактирования перевода обычно составляет 30–50 % от его базовой цены⁵.

Таким образом, стремление бюро переводов минимизировать собственные риски и гарантировать качество за счет привлечения специализированного персонала и со-

здания многоуровневых процессов закономерно приводит к тому, что именно нетехнические (управленческие и консалтинговые) компоненты формируют основную статью расходов для заказчика, подтверждая тезис об их значительной дороговизне при обращении к услугам бюро.

Экономическое детерминирование трансформации профессии переводчика: интеграция лингвистических компетенций в профиль специалиста в условиях рыночного императива. Экономическая целесообразность выступает ключевым фактором, мотивирующим переводчика к освоению управленческих, консалтинговых и координационных компетенций. В условиях сокращения издержек, когда давление на традиционные ставки за лингвистические услуги непрерывно растет, расширение спектра предлагаемых услуг становится для переводчика не просто стратегией, а жизненной необходимостью, обеспечением устойчивого дохода. Профессиональный уровень современного переводчика требует трансформации из узкого исполнителя в многозадачного специалиста, способного управлять проектами, проводить культурный консалтинг и обеспечивать интеграцию компьютерных компетенций, поскольку наличие именно этих компетенций оправдывает более высокую стоимость услуг и позволяет уйти от деструктивной ценовой конкуренции на фриланс-биржах. Практические руководства для фрилансеров давно указывают на диверсификацию услуг и развитие управленческих навыков как на ключевой фактор выживания и успеха в условиях растущей конкуренции (McKay, 2006: 67–70).

Прямая экономическая выгода от такой трансформации очевидна: если переводчик, предлагающий исключительно лингвистику, может рассчитывать на определенную почасовую ставку, то специалист по переводу, выполняющий управленческие

⁵ «Вычитка и редакция». *Верная Буква: бюро переводов*. 14.04.2026. <<https://betterletter.ru/services/vychitka-i-redaktura>>.

и консалтинговые функции, способен увеличить свой доход на 60–100 %, добавляя к стоимости заказа надбавку за управление проектом, которая в бюро составляет 15–30 %. Переводчики, берущие на себя функции координации потока работ и коммуникации с конечным заказчиком, не только минимизируют операционные риски и количество рекламаций, но и формируют устойчивые партнерские отношения, обеспечивающие повторные заказы и стабильный поток работ. Мотивация к такой интеграции компетенций усиливается за счет изменения рыночного спроса: согласно данным отраслевых опросов, подавляющее большинство заказчиков предпочитают работать с одним подрядчиком, отвечающим за весь процесс «под ключ», и готовы оплачивать эту комплексность надбавкой в 15–25 %. Это дает менеджеру многозадачных процессов прямой финансовый стимул к развитию соответствующих компетенций. Современные исследования подтверждают, что управление переводческим бизнесом в эпоху технологий требует от фрилансера активного внедрения принципов проектного менеджмента и стратегического позиционирования себя как многозадачного специалиста, что напрямую влияет на финансовую устойчивость его практики (Екпо, 2023: 1239–1240).

Кроме того, функции контроля над бизнес-процессом позволяют переводчику не только увеличить заработок, но и повысить собственную профессиональную значимость, это — переход из категории тактического исполнителя в статус стратегического партнера, что является мощным фактором нематериальной мотивации и профессиональной самореализации. Например: переводчик технической документации увеличивает свой гонорар на 40 % за счет согласования терминологии с инженерами; локализатор привлекает в три раза больше заказов благодаря тестированию функциональности продукта. Данные практические примеры

наглядно демонстрируют, что инвестиции в управленческие и консалтинговые навыки конвертируются в финансовое вознаграждение и конкурентные преимущества. Таким образом, в современных рыночных условиях переводчик не только имеет экономическую мотивацию к осуществлению нетехнических компонентов переводческой услуги, но и вынужден делать это, чтобы сохранять конкурентоспособность и долгосрочную востребованность своей профессиональной деятельности.

Эпистемическое преимущество переводчика как коммуникативного стратега: к вопросу о компаративной эффективности реализации нетехнических компонентов услуги перевода. Уникальная позиция переводчика в коммуникационной цепочке, сочетающая лингвистическую экспертизу с глубинным пониманием культурного контекста и практических целей коммуникации, позволяет ему осуществлять нетехнические компоненты работы с эффективностью, недоступной другим специалистам. Компетентностная модель переводчика трансформируется: из простого исполнителя он становится менеджером знаний (knowledge manager), чьи компетенции охватывают не только лингвистику, но и управление проектами, межкультурную коммуникацию и оценку рисков, что делает переводчика-менеджера идеальным кандидатом на исполнение функций координации всего процесса. Это превосходство коренится в двойной природе его профессии: будучи одновременно специалистом по переводу и кросс-культурным коммуникатором, он обладает целостным видением проекта, что позволяет ему идентифицировать не только лингвистические, но и культурные, технические и управленческие «болевые точки», которые часто ускользают от узкопрофильных специалистов. Это полностью соответствует современному рыночному взгляду на качество переводческой услуги как на определяемое прежде всего со стороны клиента, т. е.

зависимое от достижения коммуникативной цели, а не исключительно от лингвистических критериев текста⁶.

Исторический прецедент с инженерами IBM, вынужденными выполнять функции торговых представителей в 1980-х гг., наглядно иллюстрирует эту закономерность (см.: Perreault, McCarthy, 1996: 477–507). Столкнувшись с падением прибыли и потерей рыночной доли, руководство компании IBM, производителя оборудования и лидера в области программного обеспечения, ИИ и IT-консалтинга, идентифицировало ключевую проблему как разрыв связи с конечным потребителем. В качестве стратегического было принято решение перевести свыше 11 тыс. сотрудников из сферы производства, разработки и администрирования в отделы продаж. Эти специалисты, досконально разбиравшиеся в продукте и технологиях IBM, изначально не обладали развитыми навыками продаж. Однако их фундаментальное понимание устройства и возможностей компьютерной техники, а также инженерное мышление позволили им не просто демонстрировать товар, а проводить комплексный анализ бизнес-проблем клиентов и предлагать оптимальные технологические решения. После прохождения целевого обучения, сфокусированного на развитии коммуникативных и презентационных компетенций, эти инженеры-продавцы смогли кардинально повысить качество взаимодействия компании с рынком. Их способности говорить с клиентами на одном языке, предвосхищать латентные потребности и выстраивать долгосрочные партнерские отношения, основанные на экспертизе, привели к повышению лояльности и, по данным отраслевых источников, способствовали последующему

восстановлению прибыльности компании (Perreault, McCarthy, 1996: 477–507).

Аналогичным образом переводчик как инженер коммуникации обладает инсайдерским знанием, что позволяет ему выстраивать эффективную стратегию, предупреждая ожидания конечного реципиента. Переводчик в своей практике постоянно вынужден выступать в роли стратега и риск-менеджера, принимая решения, основанные на комплексном анализе целей коммуникации, что напрямую соотносится с управленческими функциями (Chesterman, Wagner, 2002: 89–92). Эмпирические данные подтверждают это теоретическое положение: согласно опросу переводчиков-фрилансеров, проведенному в 2023 г. компанией Inbox Translation совместно с Institute of Translation and Interpreting (ITI), большинство респондентов (81 %) используют инструменты автоматизированного перевода (CAT)⁷. Владение этими инструментами требует от переводчика не только технической компетенции, но и способности анализировать коммуникативную ситуацию в целом, что позволяет выявлять и удовлетворять латентные запросы заказчика в условиях, когда последний не может четко сформулировать свои реальные потребности.

Таким образом, опираясь на теоретические положения функционалистских подходов (Рум, 2016: 134–137) и эмпирические данные отраслевых исследований, можно утверждать, что переводчик, в силу уникального набора компетенций и особого положения в межкультурной коммуникации, не просто способен эффективно выполнять нетехнические компоненты переводческой услуги, но и является оптимальным специалистом, компетенции которого отвечают

⁶ SALT GROUP. “Translation Quality Is a Client Oriented Guideline: The Real Concept”. *MultiLingual*. 9 Jan. 2014. Web. 21 Feb. 2022.

<<https://multilingual.com/articles/translation-quality-is-a-client-oriented-guidelinethe-real-concept/>>.

⁷ “Freelance Translator Survey 2023”. *CIOL*. Chartered Institute of Linguists. N. d. Web. 14 Apr. 2026. <<https://www.ciol.org.uk/freelance-translator-survey-2023>>.

этим задачам, что подтверждается как историческими аналогиями, так и современной рыночной практикой.

Заключение

Проведенное исследование доказало, что системная трансформация профессии переводчика из двуязычного коммуникатора в менеджера многозадачных процессов в условиях тренда сокращения издержек является объективной рыночной необходимостью. Установлено, что основное недовольство реципиентов связано с нетехническими компонентами переводческих услуг (управление, консалтинг, координация), доля которых в стоимости всех услуг бюро переводов достигает 50–100 %. Делегирование этих функций менеджеру многозадачных процессов позволяет предложить рынку экономически доступное и качественное решение, минуя дорогостоящие надбавки.

Выявлено, что прямая экономическая мотивация переводчика к выполнению управленческих компетенций позволит увеличить доход бюро переводов на 60–100 % и уйти от деструктивной ценовой конкуренции. Доказано эпистемическое преимущество переводчика как стратега, эффективно

координирующего весь процесс благодаря синтетическому сочетанию лингвистической экспертизы и кросс-культурного кругозора.

Это требует пересмотра подходов к обучению переводчиков, которое должно быть направлено не только на лингвистическую подготовку, но и на формирование профессиональной идентичности стратега и менеджера (Seleskovitch, 1986), как это уже предвосхищалось в работах, посвященных становлению переводчика (Robinson, 2012: 179–182).

Перспективы исследования заключаются не только в разработке теоретических бизнес-моделей внедрения концепции менеджера-переводчика, но и в их практической апробации. Ключевыми направлениями являются, во-первых, создание детализированных профилей компетенций менеджера многозадачных процессов; во-вторых, разработка модульных учебных курсов, интегрирующих лингвистику, основы проектного управления и цифровые инструменты; и наконец, формирование методик оценки экономического эффекта от внедрения новой компетентностной модели как для фрилансеров, так и для бюро переводов.

Список литературы и источников / References

- Ханин Г. И., Фомин Д. А. «Экономический кризис 2010-х годов в России: причины, последствия, пути выхода». *Terra Economicus* 12.4 (2014): 15–32. EDN: TJHHRF.
- Khanin G. I., Fomin D. A. “The Russian Economic Crisis of 2010s: Causes, Consequences, and Ways Out”. *Terra Economicus*. 12.4 (2014): 15–32. (In Russian).
- Bell Roger T. *Translation and Translating: Theory and Practice*. New York: Longman, 1991. 298 p.
- Chesterman A., Wagner E. *Can Theory Help Translators? A Dialogue between the Ivory Tower and the Wordface*. Manchester: St. Jerome, 2002. 148 p. Translation Theories Explained.
- Dunne K. J., Dunne E. S., eds. *Translation and Localization Project Management: The Art of the Possible*. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 2011. vi, 424 p. <https://doi.org/10.1075/ata.xvi>
- Ekpo E. U. “Translation Business Management in a Technology Era: Principles, Ethics and Practices”. *International Journal of Research Publication and Reviews* 4.9 (2023): 1237–1242.
- Espasa E. “Performability in Translation: Speakability? Playability? Or just Saleability?”. *Moving Target: Theatre Translation and Cultural Relocation*. Ed. by C.-A. Upton. London: Routledge, 2000. 49–62.
- Gouadec D. *Translation as a Profession*. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 2007. 396 p.

- Hadziabdic E., Heikkilä K., Albin B., Hjelm K. “Migrants’ Perceptions of Using Interpreters in Health Care”. *International Nursing Review* 56 (2009): 461–469. <https://doi.org/10.1111/j.1466-7657.2009.00738.x>
- Hatim B., Mason I. *The Translator as Communicator*. London: Routledge, 1996. 260 p.
- Mason I. “Audience Design in Translating”. *The Translator* 6.1 (2000): 1–22. <https://doi.org/10.1080/13556509.2000.10799053>
- McKay Corinne. *How to Succeed as a Freelance Translator*. [Boulder, CO]: Two Rat Press, 2006. 143 p.
- Moron M., Carreira O. “The Extraordinary Nature of Transcreation Problems: The Apple Corpus”. *A Qualitative Approach to Translation Studies: Spotlighting Translation Problems*. Eds E. Calvo, E. de la Cova. New York: Routledge, 2023. 214–227.
- Moser P. “Expectations of Users of Conference Interpretation”. *Interpreting* 1.2 (1996): 145–178.
- Olohan M. “Commercial Translation”. *Handbook of Translation Studies*. Eds Y. Gambier, L. van Doorslaer. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 2010. 41–44. <https://doi.org/10.1075/hts.1.comm1>
- Perreault W. D. Jr., McCarthy E. J. *Basic Marketing: A Global-Managerial Approach*. London: Irwin, 1996. 868 p.
- Pym A. *Exploring Translation Theories*. 2nd ed. London: Routledge, 2017. 192 p. <https://doi.org/10.4324/9781315857633>
- Pym A. *Translation Solutions for Many Languages: Histories of a Flawed Dream*. London: Bloomsbury Academic, 2016. 288 p.
- Risku H. *Translationsmanagement: Interkulturelle Fachkommunikation im Informationszeitalter*. Tübingen: Gunter Narr, 2004. 267 S. (In German).
- Robinson D. *Becoming a Translator: An Introduction to the Theory and Practice of Translation*. 3rd ed. London: Routledge, 2012. 248 p.
- Sager Juan C. *Language Engineering and Translation: Consequences of Automation*. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 1994. xx, 140 p. Benjamins Translation.
- Šarčević S. *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International, 1997. xvi, 312 p. ISBN 90 411 0401 1
- Schmid B. “A Bucket or a Searchlight Approach to Defining Translation? Fringe Phenomena and Their Implications for the Object of Study”. *Versatility in Translation Studies: Selected Papers of the 23rd CETRA Research Seminar in Translation Studies* (Leuven, Belgium, 2011). Eds I. Herrero, T. Klaiman. Leuven: CETRA, 2012. 1–21.
- Seleskovitch D. “Comment: Who Should Assess an Interpreter’s Performance?”. *Multilingua* 5.4 (1986): 236. <https://doi.org/10.1515/mult.1986.5.4.236>
- Six Shawn. “ATA Publishes Translation and Interpretation Services Survey”. *Getting Started: a Newcomer’s Guide to Translation and Interpretation*. Comp. by S. B. Thompson. Alexandria: ATA, 2001. 14–15.

Информация об авторе

Сахневич Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, доцент кафедры лингвистики Института деловой карьеры (Россия, 109029, Москва, ул. Нижегородская, д. 32, стр. 4), crash68@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2068-9250.

Information about the author

Sergey V. Sakhnevich — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Associate Professor of the Department of Linguistics, Institute of Business Career (Russia, 109029, Moscow, Nizhegorodskaya st., 32, bldg. 4), crash68@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2068-9250.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025, одобрена после рецензирования 12.02.2026.
The article was submitted 02.12.2025, approved after reviewing 12.02.2026.

Предикторы демонстративного потребления: пространственное развитие магазинов роскоши (на примере регионов России)

С. А. Черногорский

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

chernog_sa@spbstu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена практическими запросами ретейла и девелопмента на выбор локаций для магазинов роскоши и теоретической потребностью в концептуализации пространственной неоднородности статусного потребления. Переход от линейных моделей «доход — потребление» к многомерному анализу, включающему социально-экономические и демографические факторы, позволяет глубже понять логику развития рынка люксовых товаров в неоднородном пространстве. *Цель исследования* — выявить и количественно оценить социально-экономические и демографические предикторы пространственной дифференциации демонстративного потребления, определяющие количество магазинов роскоши в регионах России. *Материалы и методы исследования:* метод LASSO-регрессии, на основе метода построена регрессионная модель пространственного распределения магазинов роскоши. *Научная новизна* исследования состоит в том, что впервые для российского контекста применен метод LASSO-регрессии в целях анализа пространственного распределения магазинов роскоши, что позволяет преодолеть проблему мультиколлинеарности региональных предикторов и одновременно осуществить отбор значимых предикторов. *Результаты исследования:* на основе социально-экономических показателей построена LASSO-регрессия для регионов России. Разработана LASSO-регрессионная модель спроса на предметы роскоши, которая объясняет межрегиональную дисперсию магазинов роскоши. Обнаружены систематические расхождения между фактическим и прогнозным числом магазинов роскоши в ряде регионов, указывающие на наличие дополнительных, не включенных в модель пространственных факторов. Сделан вывод, что доступность потребительского кредита является основным драйвером спроса на товары роскоши в регионах России, тогда как высокая доля жилищных кредитов в структуре задолженности снижает дискреционные расходы домохозяйств. LASSO-регрессионная модель оценки влияния предикторов на развитие демонстративного потребления и результаты количественного прогнозирования развития рынка люксовых товаров на региональном уровне в России могут быть использованы для прогнозирования этапов развития розничной торговли и формирования региональной кредитной политики.

Ключевые слова: LASSO-регрессия, регрессионная модель, предикторы демонстративного потребления, магазины роскоши, рынок люксовых товаров, социально-экономические факторы, демографические факторы, регионы России, кросс-валидация, кредитная задолженность, жилищные кредиты

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Черногорский С. А. «Предикторы демонстративного потребления: пространственное развитие магазинов роскоши (на примере регионов России)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m06s01a40. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m06s01a40.ebbsty> EDN: EBBSTY.

Original article

Predictors of conspicuous consumption: Spatial development of luxury stores (evidence from Russian regions)

S. A. Chernogorskiy

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

chernog_sa@spbstu.ru

Abstract. The research *relevance* is determined by the practical demands of retail and development on the choice of locations for luxury stores and the theoretical need to conceptualize the spatial heterogeneity of status consumption. The transition from linear income — consumption models to a multidimensional analysis that includes socio-economic and demographic factors allows for a deeper logic understanding of luxury market development in a heterogeneous space. The research *purpose* is to identify and quantify socio-economic and demographic predictors of spatial differentiation of conspicuous consumption, which determine the number of luxury stores in Russian regions. *Materials and methods:* the LASSO regression method, based on which a spatial distribution regression model of luxury stores was built. The research *scientific novelty* lies in the fact that for the first time the LASSO regression method has been used for the Russian context to analyze the spatial distribution of luxury stores, which allows overcoming the multicollinearity problem of regional predictors and simultaneously selecting significant predictors. *Research results:* based on socio-economic indicators, a LASSO regression has been built for Russia regions. A LASSO regression model of the demand for luxury has been developed, which explains the interregional dispersion of luxury stores. Systematic discrepancies have been found between the actual and projected number of luxury stores in a number of regions, indicating the presence of additional spatial factors not included in the model. It is concluded that the availability of consumer credit is the main driver of demand for luxury in Russian regions, while the high proportion of housing loans in the debt structure reduces discretionary spending by households. LASSO regression model for assessing the impact of predictors on the development of conspicuous consumption and the results of quantitative forecasting of the luxury market at the regional level in Russia can be used to predict the stages of retail trade development and the formation of regional credit policy.

Keywords: LASSO regression, regression model, conspicuous consumption predictors, luxury stores, luxury goods market, socio-economic factors, demographic factors, Russian regions, cross-validation, credit debt, housing loans

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Chernogorskiy S. A. “Predictors of Conspicuous Consumption: Spatial Development of Luxury Stores (Evidence from Russian Regions)”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m06s01a40. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m06s01a40.ebbsty>

Введение

В современной экономике потребление давно перестало выполнять исключительно утилитарную функцию удовлетворения базовых потребностей. Одним из ключевых социально-экономических феноменов постиндустриального общества стало демонстративное потребление — приобретение товаров и услуг с целью подчеркнуть статус, престиж и социальную идентичность (Стрижак, Дмитриченко, Дадашова, 2023; Стрижак, Черногорский, Лобова, 2026). Особую роль в этом процессе играет сегмент товаров роскоши (люкс), который на протяжении последних десятилетий демонстрирует устойчивый рост, трансформируясь под влиянием глобализации, цифровизации и изменения потребительских паттернов.

Традиционно исследования демонстративного потребления фокусируются на макроэкономических факторах (доходы населения, неравенство) или психологических детерминантах (ценности, мотивация). Однако пространственный аспект — то, как географические и инфраструктурные характеристики территории формируют возможности и ограничения для развития рынка роскоши, — остается наименее изученным. Россия, с ее высокой степенью региональной дифференциации по уровню доходов, плотности населения, развитию инфраструктуры и культурному капиталу, представляет собой уникальный полигон для анализа пространственных предикторов демонстративного потребления.

В рамках настоящего исследования под социально-экономическим фактором понимается устойчивое явление, оказывающее влияние на потребительское поведение (например, доступность кредита, уровень доходов, ситуация на рынке труда). Предиктором является конкретная измеряемая характеристика, которая включается в регрессионную модель для прогнозирования зависимой переменной; в нашем исследова-

нии предикторами выступают логарифмические трансформации численности населения, кредитной задолженности, средней заработной платы, численности безработных, а также доля жилищных кредитов. Переменная — эмпирический индикатор, соответствующий предиктору. Таким образом, один и тот же параметр в теоретическом обсуждении фигурирует как фактор, в методологии — как переменная, а в прогностической модели — как предиктор. Такое разграничение позволяет сохранить терминологическую строгость при переходе от качественного анализа к количественной оценке.

Несмотря на устойчивый рост сегмента товаров роскоши на российском рынке, предикторы пространственной неоднородности размещения магазинов роскоши (ювелирных, меховых, антикварных) в регионах остаются концептуально и эмпирически недостаточно проработанными. Выявление драйверов спроса на предметы роскоши значимо для обоснования инвестиционных решений розничных сетей, скоринговых моделей банков и региональных стратегий социально-экономического развития.

Теоретический обзор

Феномен демонстративного потребления впервые получил систематическое теоретическое осмысление в работе Т. Веблена «Теория праздного класса» (Veblen, 1899). Введенное им понятие *conspicuous consumption* описывало практику приобретения дорогостоящих товаров как способ демонстрации социального статуса и материального превосходства. Веблен подчеркивал, что полезность таких благ не сводится к их функциональным свойствам: ключевое значение имеет «демонстративная праздность» и способность сигнализировать о принадлежности к элите (Волков, Печкуров, 2022; Шишкина, 2023).

В XX в. концепция получила развитие в работах Дж. Дьюзенберри (теория

относительного дохода), который показал, что потребление индивида определяется не абсолютным уровнем его дохода, а доходами референтной группы. Согласно концепции Дьюзенберри, для оценки и прогнозирования потребительских трат необходимо принимать во внимание несколько ключевых аспектов: связь объема расходов с социальным статусом и положением человека в обществе; разницу в уровнях доходов между различными слоями населения; разрыв между текущим достатком потребителя и пиковым уровнем его покупательной способности, которого он когда-либо достигал (Duesenberry, 1949; Верников, Курышева, 2021). П. Бурдьё связал демонстративное потребление с практиками классовой дифференциации: предметы роскоши выступают маркерами культурного и социального капитала, закрепляя иерархию в символическом пространстве (Бурдьё, 2005).

Связь между потреблением и пространством традиционно исследуется в рамках экономической географии, урбанистики и социологии города. Ключевым теоретическим основанием служит концепция центральных мест В. Кристаллера (Christaller, 1966), адаптированная к сфере услуг: спрос на товары роскоши как услугу высшего порядка превалирует в крупнейших городах, где велика доля платежеспособного населения.

Объяснительный потенциал теории демонстративного потребления может быть представлен через призму диффузионистской концепции Э. Роджерса (Rogers, 1976). В рамках этого подхода распространение стандартов демонстративного потребления трактуется как диффузионный поток, исходящий из «точек кристаллизации моды» (мегаполисы федерального значения) и транслируемый в провинциальные локации посредством имитационных стратегий, инфор-

мационной трансмиссии и миграционных потоков имущих слоев населения.

Параллельно с диффузионистской концепцией в науке фиксируется тренд на глобализацию потребительских паттернов (Напосо, 2020), при которой люксовые бренды, адаптируясь к локальным условиям, приобретают разную региональную специфику. Это ведет к тому, что функции знака престижа не универсальны, а ситуативны, зависимы от локального контекста. Фактором, усиливающим вариативность региональной специфики, выступает глубокая социально-экономическая дифференциация пространства России. По данным Росстата, разница в доходах между столицей и отстающими регионами достигает четырехкратного порога¹. Это создает уникальные условия для люксового ретейла: значительная часть спроса на товары роскоши генерируется в столичных агломерациях, тогда как в большинстве регионов этот сегмент рынка практически отсутствует.

Обобщая теоретические подходы, можно выделить пять групп факторов, потенциально определяющих пространственную дифференциацию спроса на товары роскоши:

- 1) *макроэкономические* — уровень доходов, неравенство, инфляция;
- 2) *демографические* — численность и плотность населения, возрастная структура;
- 3) *финансовые* — доступность потребительского кредита, структура задолженности (соотношение жилищных и необеспеченных ссуд);
- 4) *пространственные* — урбанизация, транспортная доступность, туристические потоки;
- 5) *социокультурные* — статусные ориентации, распространенность цифровых каналов коммуникации.

В эмпирической части данной работы мы сосредоточимся на первых трех группах

¹ «Социально-экономическое положение России». Дек. 2025. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 12.05.2026. <<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2025.pdf>>.

факторов, поскольку они доступны через региональные статистические показатели. Исходя из теории демонстративного потребления и результатов предыдущих исследований, можно сформулировать четыре гипотезы.

1. Высокая доля жилищных кредитов в общем портфеле социально-экономических показателей снижает расходы на товары роскоши, т. е. оказывает отрицательное влияние на рост числа магазинов роскоши.
2. Рост доли кредитной задолженности населения в общем портфеле способствует росту числа магазинов роскоши.
3. Повышение численности населения и уровня зарплаты положительно влияет на рост числа магазинов роскоши, но эффект может быть слабее, чем от увеличения кредитной задолженности.
4. Влияние безработицы на рост числа магазинов роскоши неоднозначно, из-за возможности теневой занятости, но в официальной статистике рост безработицы может парадоксально сочетаться с высокой кредитной задолженностью.

LASSO-регрессия. LASSO-регрессионная модель спроса на предметы роскоши

В связи с отсутствием официальных статистических данных за 2025 г. из 89 субъектов Российской Федерации исключены шесть регионов: Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области, Республика Крым и Севастополь. 83 региона подвергнуты проверке на наличие статистических выбросов с использованием правила межквартильного размаха Тьюки. Четыре региона — Москва, Санкт-Петербург, Московская область и Краснодарский край — идентифицированы как устойчивые выбросы (по числу магазинов роскоши), что при включении в модель привело бы к искажению предикторов и нару-

шению гомоскедастичности. Таким образом, финальная выборка (79 регионов) обеспечивает репрезентативность оценок для основного числа субъектов РФ и корректность применения LASSO-регрессии².

Эмпирический анализ выполнялся в четыре этапа. На *первом этапе* сформирована финальная выборка регионов и подготовлены данные: зависимая переменная — суммарное число магазинов роскоши; предикторы — население, кредитная задолженность, средняя зарплата, безработица и доля жилищных кредитов. Все непрерывные переменные, кроме доли жилищных кредитов, логарифмированы с целью нормализовать распределение и уменьшить гетероскедастичность.

На *втором этапе* проведен предварительный анализ: рассчитаны описательные статистики предикторов и коэффициенты корреляции Пирсона. Высокая коллинеарность предикторов обусловила выбор LASSO-регрессии, устойчивой к мультиколлинеарности и позволяющей отбирать значимые переменные.

На *третьем этапе* с помощью кросс-валидации оценены параметры модели при различных значениях штрафного параметра λ . Рассчитаны: коэффициент множественной детерминации R^2 и корень среднеквадратичной ошибки $RMSE$, — для оценки аппроксимации.

На *четвертом этапе* выполнен анализ остатков с целью выявить регионы с систематическими отклонениями, что позволило интерпретировать влияние каждого предиктора и наметить возможные неучтенные факторы. Выявлены субъекты РФ с наибольшими систематическими отклонениями: как с устойчивой положительной величиной остатка (LASSO-регрессионная модель недооценивает фактическое число магазинов роскоши), так и с отрицательной

² Там же.

(LASSO-регрессионная модель переоценивает фактическое число магазинов роскоши). Данный анализ не только верифицирует прогностическую способность LASSO-регрессионной модели, но и задает направления для ее дальнейшего улучшения.

Все расчеты и визуализации выполнены с использованием пакетов *glmnet*, *caret* и *ggplot2* в среде *R*. Табл. 1 показывает соот-

ветствие между теоретическими факторами, эмпирическими переменными и их обозначениями в уравнении регрессии.

В табл. 2 приведены предикторы в том виде, в каком они использовались в LASSO-регрессии. Для каждой переменной указаны среднее арифметическое значение, стандартное отклонение, минимальное и максимальное значения.

Таблица 1. Соответствие переменных, предикторов и факторов

Table 1. Variables, predictors and factors correspondence

Теоретический фактор	Переменная	Предиктор в модели
Демографический масштаб (численность)	Население, чел.	ln (Население)
Доступность потребительского кредита	Задолженность по ссудам, руб.	ln (Задолженность)
Уровень текущих доходов	Среднемесячная зарплата, руб.	ln (Зарплата)
Ситуация на рынке труда (включая теневую занятость)	Число зарегистрированных безработных, чел.	ln (Безработные)
Структура задолженности	Доля жилищных кредитов в общем портфеле, %	Доля жилищных кредитов

Таблица 2. Описательная статистика предикторов, включенных в LASSO-регрессионную модель спроса на предметы роскоши

Table 2. Descriptive statistic of predictors included in LASSO regression model of affluent demand

Предиктор	Единица измерения	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
ln (Население)	логарифм	13,52	0,89	10,03	15,07
ln (Задолженность)	логарифм	12,35	1,02	9,66	13,95
ln (Зарплата)	логарифм	11,19	0,35	10,63	12,20
ln (Безработные)	логарифм	2,68	0,85	0,41	5,06
Доля жилищных кредитов	%	0,53	0,06	0,28	0,67

В корреляционной матрице предикторов представим результаты расчета коэффициентов корреляции Пирсона по всем используемым в модели предикторам. Обнаруженные высокие по абсолютной величине значения корреляции свидетельствуют о коллинеарности регрессоров, что указывает на необходимость применения регуляризационных тех-

ник (методология LASSO). В отличие от других предикторов, отражающих масштаб экономической активности, предиктор «Доля жилищных кредитов» характеризует структуру долговых обязательств домохозяйств, которые вытесняют дискреционные расходы, а не стимулируют их. Этим объясняется его отрицательный вклад в модель, что

принципиально отличает данный предиктор от остальных, имеющих положительные коэффициенты.

Аппроксимирующие свойства построенной LASSO-регрессионной модели оцениваем следующими статистическими характеристиками:

— *коэффициент множественной детерминации* R^2 — составил 0,7651, что эквивалентно 76,5 % межрегиональной вариации магазинов роскоши;

— *абсолютная точность прогнозных значений* (измеряем через корень среднеквадратичной ошибки $RMSE$) — зафиксирована на отметке 56,33 магазина;

— *оптимальное значение штрафного параметра* (определяем в ходе процедуры регуляризации методом LASSO) — по критерию минимизации кроссвалидационной ошибки установлено равным $\lambda = 2,59$, тогда как более консервативная оценка $\lambda_{1se} = 24,16$ соответствует правилу «одного стандартного отклонения».

Корреляционная матрица предикторов (по Пирсону)
Correlation matrix of predictors (according to Pearson)

Предиктор	ln (Население)	ln (Задолженность)	ln (Зарплата)	ln (Безработные)	Доля жилищных кредитов
ln (Население)	1	0,92	0,68	0,74	−0,15
ln (Задолженность)	0,92	1	0,71	0,79	−0,18
ln (Зарплата)	0,68	0,71	1	0,33	0,21
ln (Безработные)	0,74	0,79	0,33	1	−0,41
Доля жилищных кредитов	−0,15	−0,18	0,21	−0,41	1

При оптимальном штрафном параметре $\lambda = 2,59$ все пять предикторов сохранили ненулевые коэффициенты в итоговой спецификации LASSO-модели, что подтверждает их совместный вклад в объяснение межрегиональной вариации числа магазинов роскоши.

Результаты

Анализ значений предикторов демонстративного потребления по итоговой спецификации LASSO-регрессионной модели. В рамках регуляризационного подхода LASSO-регрессия модифицирует целевую функцию обычного метода наименьших квадратов путем ограничения на значение суммы модулей предикторов, что детерминирует сжатие оценок и, как следствие, элиминацию переменных с незначимым вкладом. Итоговая спецификация модели оценена на основе обучающей выборки и представлена уравнением в стандартизированном масштабе:

$$\hat{Y} = 157,5 + 22,3746z_1 + 80,2853z_2 + 2,9968z_3 + 7,4000z_4 - 22,4969z_5,$$

где

$\hat{Y}$ — зависимая переменная, количество магазинов роскоши;

$z_j = \frac{X_j - \bar{X}_j}{s_j}$ — центрированная и нормированная по выборочному среднему $\bar{X}_j$ и стандартному отклонению s_j форма j -го исходного регрессора X_j .

Предикторы X_j представлены в табл. 3.

Полученные стандартизованные предикторы LASSO-регрессии позволяют ранжировать предикторы по силе влияния на зависимую переменную. Наиболее сильным положительным предиктором является

$\ln$ (Задолженность): увеличение его значения на одно стандартное отклонение коррелировано с ростом числа магазинов роскоши примерно на 80 единиц. Это отражает ключевую роль доступности кредита как драйвера спроса на товары роскоши. Второй

по значимости положительный предиктор — $\ln$ (Население) — свидетельствует о положительном факторе, обусловленном эффектом масштаба: более населенные регионы имеют больше магазинов.

Таблица 3. Предикторы развития демонстративного потребления X_j
Table 3. Conspicuous consumption X_j development predictors

Обозначение	Исходная переменная	Предиктор
X_1	Население	$\ln$ (Население)
X_2	Задолженность по кредитам	$\ln$ (Задолженность)
X_3	Зарплата	$\ln$ (Зарплата)
X_4	Безработные	$\ln$ (Безработные)
X_5	Доля жилищных кредитов	Жилищные кредиты/Общая задолженность

Положительный предиктор $\ln$ (Безработные) противоречит экономической интуиции. Возможные объяснения этому: неформальная занятость, мультиколлинеарность, особенности регистрации безработных. В регионах с высокой официальной безработицей значительная часть населения может работать в теневом секторе, имея реальные доходы, которые не отражаются в официальной статистике, но тратятся на роскошь. Наличие магазинов роскоши может привлекать в регион трудовых мигрантов, в том числе безработных, ищущих работу в сфере обслуживания. Число безработных прямо пропорционально численности населения ($r = 0,74$), что после стандартизации может частично «снимать» масштабный эффект. Тем не менее этот результат требует осторожной интерпретации и дополнительной верификации.

Статистически значимый, но очень слабый положительный предиктор — $\ln$ (Зарплата).

Единственным отрицательным предиктором на диаграмме предикторов лассо (см. рис. 1) является предиктор «Доля жилищных кредитов». Жилищные кредиты снижают доход, отведенный для дискреционных покупок.

Рис. 2 демонстрирует высокую согласованность прогнозных и фактических значений показателя «число магазинов роскоши»: регионы плотно группируются по линии детерминации ($R^2 = 0,7651$), что свидетельствует о значительной доле объясненной дисперсии. Наибольшие отклонения наблюдаются для регионов с очень малым (0–50) и очень большим (> 400) числом магазинов.

Предсказательная способность регрессионной модели. Анализ остатков. В табл. 4 приведены пять регионов с наибольшими положительными остатками (модель недооценивает фактическое количество магазинов) и пять регионов с наибольшими отрицательными остатками (модель переоценивает фактическое количество). Остаток рассчитан как разность между фактическим и прогнозным значением. Анализ остатков по этим регионам позволяет выявить систематические ошибки прогнозирования в регрессионной модели и предложить дополнительные факторы, не учтенные в ее текущей спецификации. Положительный остаток означает, что модель предсказала меньшее число магазинов роскоши по сравнению с фактическим (недооценка), отрицательный остаток — большее (переоценка).

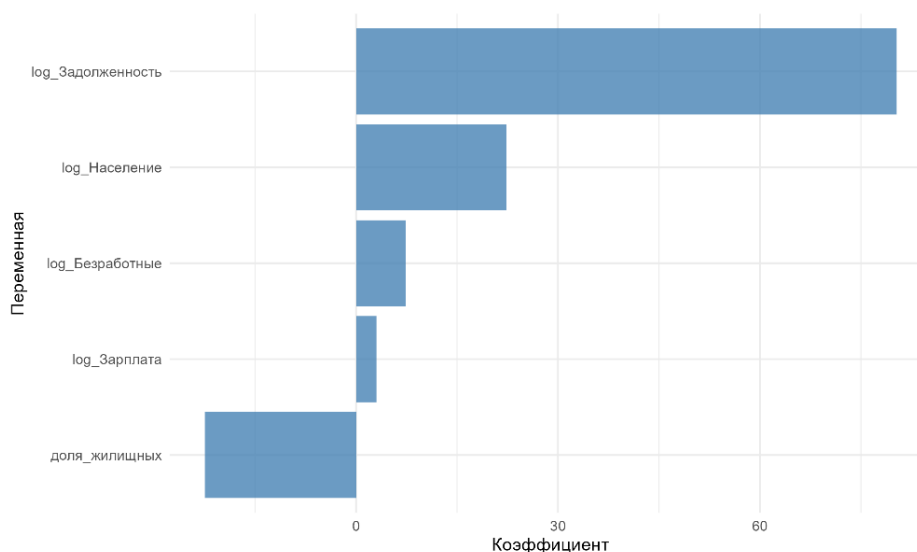

Рис. 1. Столбчатая диаграмма стандартизованных предикторов LASSO-регрессии

Fig. 1. Bar chart of LASSO regression standardized predictors

Таблица 4. Сравнительный анализ фактического и прогнозного количества магазинов роскоши по регионам с наибольшими показателями отклонений (остатков)

Table 4. Comparative analysis of real and predicted number of luxury stores by region with bigger deviation (residual) values

Регион	Фактическое значение	Прогнозное значение	Разность между фактическим и прогнозным значением (остаток)
<i>Регионы с положительными остатками (недооценка моделью)</i>			
Свердловская область	523	333,02	189,98
Чукотский АО	0	–156,75	156,75
Ростовская область	463	318,79	144,21
Челябинская область	430	314,35	115,65
Еврейская АО	18	–92,34	110,34
<i>Регионы с отрицательными остатками (переоценка моделью)</i>			
Ленинградская область	133	248,04	–115,04
Ямало-Ненецкий АО	25	128,92	–103,92
Забайкальский край	77	149,7	–72,70
Мурманская область	89	158,14	–69,14
Белгородская область	113	178,7	–65,70

Модель систематически занижает прогнозные значения для регионов с большим числом магазинов роскоши. Например, Свердловская область: факт 523, прогноз 333; недооценка +190. Наоборот, модель завышает прогнозные значения для регионов с низким уровнем роскоши. Например, Чукотский АО: факт 0, прогноз –157. (Зна-

чительная величина отрицательных остатков — от +110,34 до +189,98 (переоценка моделью) — указывает на непригодность LASSO-регрессионной модели для исследования регионов с малым числом магазинов роскоши.)

Регионы с высокой недооценкой: Свердловская область (+190), Ростовская (+144),

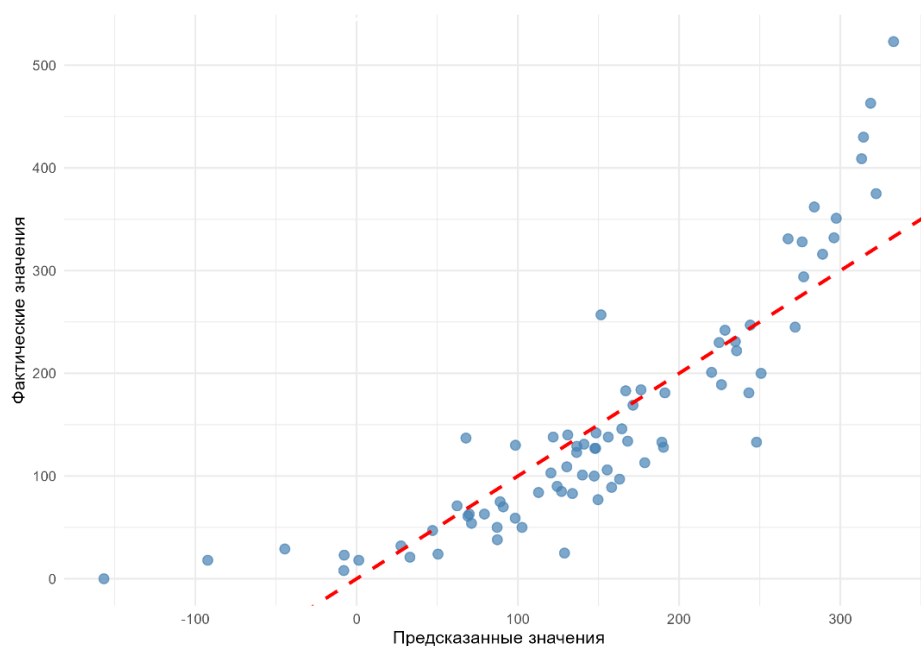

Рис. 2. График LASSO-регрессии значений показателя «число магазинов роскоши»: точки — регионы, коэффициент множественной детерминации $R^2 = 0,765$

Fig. 2. Graph of LASSO regression values of “luxury stores number”: dots are regions, index of multiple determination $R^2 = 0,765$

Челябинская (+116), Еврейский АО (+110). Возможно, в этих регионах действуют дополнительные неучтенные факторы: туризм, близость к границе, торговые традиции и др. (Скоробогатых, 2010).

Регионы с высокой переоценкой: Чукотка (−157), Ямало-Ненецкий АО (−104), Ленинградская область (−115). Высокая зарплата и кредитная нагрузка в сырьевых регионах не пропорциональны количеству магазинов роскоши.

Ограничения регрессионной модели. В четырех крупнейших регионах (Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край), исключенных из выборки, высокий показатель задолженности населения может быть следствием, а не причиной большого числа магазинов роскоши. Логарифмирование переменных устраняет гетероскедастичность, но интерпретация предикторов становится менее наглядной.

Рекомендации для дальнейших исследований. Для учета дискретного характера зависимой переменной можно использовать обобщенные линейные модели (GLM) с распределением Пуассона. Также можно включить дополнительные факторы: число туристов, наличие крупных торговых центров, индекс потребительской уверенности, и проверить робастность модели на полной выборке (включая исключенные регионы) с использованием устойчивых оценок (квантовая регрессия).

Заключение

В ходе использования LASSO-регрессионной модели нашли подтверждение все четыре представленных гипотезы. Выявлено доминирование предиктора $\ln$ (Задолженность). Влияние фактора «Доступность потребительского кредита» согласуется с теорией демонстративного потребления (Veblen, 1899; Бурдье, 2005), по которой покупка

статусных товаров часто финансируется за счет заемных средств, особенно в условиях ограниченной ликвидности домохозяйств. Однако в отличие от работ, акцентирующих роль доходов (Kaus, 2013), наша модель показывает, что доступ к потребительскому кредиту имеет более сильный эффект, чем высокий уровень зарплаты (Манчева, 2022a; 2022b). Это может отражать специфику российского демонстративного потребления: склонность к импульсным покупкам в кредит, распространенность кредитных карт и POS-кредитования.

Предиктор «Доля жилищных кредитов» ранее не использовался, эффект воздействия «кредитного бремени» на дискреционные расходы изучался главным образом в контексте макроэкономического потребления³. Наше исследование подтверждает, что рост обязательных платежей по жилищным кредитам вытесняет траты населения на товары роскоши даже на региональном уровне.

Систематическая недооценка моделью числа магазинов роскоши в Свердловской, Ростовской, Челябинской областях и Еврейской АО указывает на действие региональных факторов, не включенных в модель. Для Свердловской области это может быть исторически сложившийся крупный промышленно-торговый кластер с высокой концентрацией состоятельного населения; для Ростовской области — роль транспортного хаба юга России; для Еврейской АО — возможное влияние китайского трансграничного спроса. Напротив, переоценка моде-

лю числа магазинов роскоши в северных сырьевых регионах (Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО) и Ленинградской области может объясняться выводом доходов в другие регионы (например, покупка недвижимости и товаров роскоши в Москве и Санкт-Петербурге), что создает разрыв между локальными доходами и локальными расходами на товары роскоши.

Влияние факторов демографического масштаба (численность населения), уровня текущих доходов, ситуации на рынке труда (безработицы) статистически значимо, но описательная статистика соответствующих им предикторов в модели количественно более скромная. Модель объясняет более 3/4 межрегиональной вариации, однако систематические ошибки в прогнозируемых значениях для ряда регионов указывают на необходимость учета региональной специфики (например, инфраструктурной и экономической — для северных регионов).

Для ретейлеров можно дать следующую рекомендацию: при открытии новых магазинов роскоши приоритетными следует считать регионы с высокой кредитной активностью населения и умеренной долей жилищных кредитов. Рост портфеля необеспеченных потребительских кредитов коррелирует с увеличением спроса на люксовые товары, что может учитываться банками в скоринговых моделях. Снижение закредитованности жильем потенциально стимулирует дискреционные расходы, этот фактор имеет весомое значение для региональной системы учета и государственного управления.

Список литературы и источников / References

- Бурдьё П. «Различение: социальная критика суждения». *Экономическая социология* 6.3 (2005): 25–48. EDN: OYOBXD.
Bourdieu P. *La distinction: critique sociale du jugement*. Paris: Ed. de Minuit, 1979. 670 p. (In French).

³ Mian A. R., Sufi A. “Finance and Business Cycles: The Credit-Driven Household Demand Channel: Working Paper 24322”. *NBER*. National Bureau of Economic Research. Feb. 2018. Web. 01.06.2026. <https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24322/w24322.pdf>.

- Верников А. В., Курышева А. А. «Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей». *Экономическая социология* 22.5 (2021): 11–39. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39>. EDN: WFNNXF.
- Vernikov A., Kuryшева A. “Precedence and Conspicuousness in Car Consumption”. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology* 22.5 (2021): 11–39. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39>
- Волков Ю. Г., Печкуров И. В. «Демонстративное потребление в ракурсе социо-культурных процессов современности». *Социально-гуманитарные знания* 4 (2022): 58–68. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.518870>. EDN: NPAKAG.
- Volkov Yu. G., Pechkurov I. V. “Demonstrative Consumption in Perspective of Socio-Cultural Processes of Modernity”. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge* 4 (2022): 58–68. (In Russian). <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.518870>
- Манчева И. К. «Влияние социально-экономических и институциональных факторов на демонстративное потребление в Российской Федерации: эконометрический анализ». *Вестник Самарского государственного экономического университета* 5 (211) (2022a): 9–17. <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2022-5-211-9-17>. EDN: GWZOWP.
- Mancheva I. K. “The Influence of Socio-Economic and Institutional Factors on Conspicuous Consumption in the Russian Federation: Econometric Analysis”. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Samara State University of Economics* 5 (211) (2022a): 9–17. (In Russian). <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2022-5-211-9-17>
- Манчева И. К. «Исследование мотивации потребления люксовых товаров на основе факторного анализа». *Вестник Омского университета* сер. Экономика 20.2 (2022b): 36–46. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(2\).36-46](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(2).36-46). EDN: FWVNFF.
- Mancheva I. K. “The Study of the Motivation of Luxury Goods Consumption Based on Factor Analysis”. *Vestnik Omskogo universiteta ser. Ekonomika = Herald of Omsk University ser. Economics* 20.2 (2022b): 36–46. (In Russian). [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(2\).36-46](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(2).36-46)
- Напсо М. Д. «Глобализация потребления: некоторые аспекты» *Мир науки. Социология, филология, культурология* 11.2 (2020): 3. EDN: PVBZCI.
- Napso M.D. “Consumption Globalisation: Some Aspects”. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science ser. Sociology, Philology, Cultural Studies* 11.2 (2020): 03SCSK220. (In Russian). Web. 01.06.2026. <<https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK220.pdf>>.
- Скоробогатых И. И. «Сегментация потребителей товаров класса „люкс“ по показателю географическое размещение и дифференциация доходов». *Транспортное дело России* 1 (2010): 22–24. EDN: MNIUIN.
- Skorobogatykh I. “Segmentation of Consumer Goods of Luxury in Terms of Geographical Location and Income Differentiation”. *Transportnoye delo Rossii = Transport Business of Russia* 1 (2010): 22–24. (In Russian).
- Стрижак А. Ю., Дмитриченко Л. И., Дадашова Т. А. «Региональный аспект потребления доступной роскоши в условиях санкций (на примере iPhone)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 4 (40) (2023): 123–130. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-123-130>. EDN: NHPGLY.
- Strizhak A. Yu., Dmitrichenko L. I., Dadashova T. A. “Regional Aspect of Affordable Luxury Goods Consumption Under Sanctions (the Case of the iPhone)”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 4 (40) (2023): 123–130. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-123-130>
- Стрижак А. Ю., Черногорский С. А., Лобова Е. А. «Возрастные различия в восприятии пользователями социальных сетей практик демонстративного потребления инфлюенсеров». *Вестник Челябинского государственного университета* 3 (509) (2026): 105–116. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2026-509-3-105-116>. EDN: WBAZNO.

- Strizhak A. Yu., Chernogorskiy S. A., Lobova E. A. "Age-Related Differences in Social Media Users' Perception of Influencers' Conspicuous Consumption Practices". *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University* 3 (509) (2026): 105–116. (In Russian). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2026-509-3-105-116>
- Шишкина Т. М. «Экономический анализ демонстративного расточительства: история и современность». *Вопросы экономики* 4 (2023): 119–134. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-119-134>. EDN: CJJZMP.
- Shishkina T. M. "Economic Analysis of Conspicuous Waste: Historical Overview and Modern Approaches". *Voprosy Ekonomiki* 4 (2023): 119–134. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-4-119-134>
- Christaller W. *Central Places in Southern Germany*. Transl. by C. W. Baskin. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. 230 p.
- Duesenberry J. S. *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, MA: Harvard Up, 1949. 128 p.
- Kaus W. "Conspicuous Consumption and 'Race': Evidence from South Africa". *Journal of Development Economics* 100.1 (2013): 63–73. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2012.07.004>
- Rogers E. M. "New Product Adoption and Diffusion". *Journal of Consumer Research* 2.4 (1976): 290–301. <https://doi.org/10.1086/208642>
- Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions* (1899). Rpt. Amherst, NY: Prometheus, 1998. 404 p. Great Minds Series.

Информация об авторе

Черногорский Сергей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Россия, 197183, Санкт-Петербург, 194021, ул. Новороссийская, 50), chernog_sa@spbstu.ru, SPIN-код: 4426-2692.

Information about the author

Sergey A. Chernogorskiy — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of Economic Theory, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia, 194021, St. Petersburg, Novorossiyskaya st., 50), chernog_sa@spbstu.ru, SPIN code: 4426-2692.

Статья поступила в редакцию 02.06.2026, одобрена после рецензирования 15.06.2026.

The article was submitted 02.06.2026, approved after reviewing 15.06.2026.

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 2. Art. ID m04s02a09.

Economic and Social Research. 2026. Vol. 13. No. 2. Art. ID m04s02a09.

Научная статья

УДК 17.0:316.3

DOI: <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s02a09.ilsrccq>

EDN: <https://elibrary.ru/ILSRCQ>

Дилемма антропоцентризма и техноцентризма как аксиологический конфликт современности

Я. В. Бондарева¹, Д. Н. Головкина² ✉

^{1, 2} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

✉ dngolovkina19@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования продиктована проблемой латентного конфликта в развитии человека и технологий, приобретающего статус мировоззренческого кризиса. Технологическое развитие формирует социальную реальность, антропологический ландшафт и ценностную иерархию. *Цель исследования* — выявление сущностных характеристик аксиологического конфликта между антропоцентризмом и техноцентризмом, анализ механизмов его эскалации в условиях цифровой эпохи, а также рассмотрение возможных путей гармонизации данных ценностных систем. *Новизна исследования.* Авторы анализируют исторический генезис ценностных систем техноцентризма и антропоцентризма, выявляют их онтологические основания и прослеживают эскалацию противоречий в эпоху цифровой трансформации и развития технологий искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется феномену «ценностного раскола», при котором инструментальная рациональность техноцентризма вступает в противоречие с гуманистическими идеалами антропоцентризма. *Методология исследования.* Методологическую основу исследования составляет комплекс подходов: диалектический метод позволяет рассмотреть антропоцентризм и техноцентризм как единство и борьбу противоположностей, где каждая из сторон содержит в себе внутренние противоречия, ведущие к ее трансформации; компаративный анализ используется для сопоставления ценностных установок различных исторических эпох и философских школ; феноменологический подход помогает выявить, как техногенные ценности конституируют повседневную реальность; элементы синергетики применяются для моделирования возможных сценариев развития системы «человек — техника» как сложной, самоорганизующейся целостности. *Результаты исследования:* обоснован тезис о том, что разрешение аксиологического конфликта лежит не в плоскости выбора одной из парадигм — техноцентризма либо антропоцентризма, — а в разработке синтетической модели человеко-машинной коэволюции, базирующейся на принципах аксиологического плюрализма и ответственного технологического развития. *Теоретическая и практическая значимость исследования.* Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методологических компетенций — как преподавателями философских дисциплин, так и обучающимися.

© Бондарева Я. В., Головкина Д. Н.

Ключевые слова: аксиология, антропоцентризм, техноцентризм, аксиологический конфликт, ценностный раскол, технологический детерминизм, гуманизм, искусственный интеллект, трансгуманизм, цифровая культура, коэволюция, алгоритмический менеджмент

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Бондарева Я. В., Головкина Д. Н. «Дилемма антропоцентризма и техноцентризма как аксиологический конфликт современности». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m04s02a09.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s02a09.ilsrcq> EDN: ILSRCQ.

Original article

The dilemma of anthropocentrism and technocentrism as an axiological conflict of modernity

Ya. V. Bondareva¹, D. N. Golovkina²✉

^{1, 2}State University of Education, Moscow, Russia

✉ dngolovkina19@gmail.com

Abstract. The *relevance* of this study is dictated by the problem of latent conflict in human and technological development, which is acquiring the status of a worldview crisis. Technological development shapes social reality, the anthropological landscape, and the value hierarchy. The study *purpose* is to identify the axiological conflict essential characteristics between anthropocentrism and technocentrism, mechanisms analysis of its escalation in the digital age, as well as consideration of possible ways to harmonize these value systems. The study *novelty*: the authors analyze the historical genesis of technocentrism and anthropocentrism value systems, identify their ontological foundations and trace the escalation of contradictions in the era of digital transformation and the development of artificial intelligence technologies. Special attention is paid to the phenomenon of the “value split”, in which the instrumental rationality of technocentrism comes into conflict with the humanistic ideals of anthropocentrism. The *methodological basis* of the study is a set of approaches: the dialectical method allows the consideration of anthropocentrism and technocentrism as a unity and struggle of opposites, where each side contains internal contradictions leading to its transformation; comparative analysis is used to compare the value orientations of different historical eras and philosophical schools; the phenomenological approach helps to identify how technogenic values constitute everyday reality; elements of synergetics are used to model possible scenarios for the development of the system “human — technology” as a complex, self-organizing entity. *Results*: the thesis has been substantiated that the resolution of the axiological conflict lies not in the choice of one of the paradigms — technocentrism or anthropocentrism — but in the elaboration of a synthetic model of human-machine coevolution based on the principles of axiological pluralism and responsible technological development. *Theoretical and practical significance*: the study results can be used to improve methodological competencies, both by teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: axiology, anthropocentrism, technocentrism, axiological conflict, value split, technological determinism, humanism, artificial intelligence, transhumanism, digital culture, coevolution, algorithmic management

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Bondareva Ya. V., Golovkina D. N. “The Dilemma of Anthropocentrism and Technocentrism as an Axiological Conflict of Modernity”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m04s02a09. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s02a09.ilsrcq>

Введение

На рубеже XX — XXI вв. человечество переживает цивилизационный сдвиг: технологическое развитие, достигнув критической

массы, перестало быть просто инструментом удовлетворения человеческих потребностей, так как превратилось в самостоятельную силу, формирующую социальную

© Бондарева Я. В., Головкина Д. Н.

реальность, антропологический ландшафт и ценностную иерархию. Сегодня мы наблюдаем не просто смену технологических укладов, но глубинный мировоззренческий кризис, суть которого может быть определена как аксиологический конфликт между антропоцентризмом (системой ценностей, ставящей в центр мироздания человека, его разум, свободу и достоинство) и техноцентризмом (парадигмой, в которой технология признается высшей ценностью, критерием прогресса и самоцелью общественного развития). Конфликт усугубляется тем, что носит латентный характер, поскольку он редко проявляется в форме прямой идеологической конфронтации. Как правило, он реализуется в виде «тихой экспансии» техногенных ценностей в сферах, традиционно считавшихся заповедными для гуманистики, а именно: в образовании, медицине, искусстве, межличностных отношениях. Технику как средство (труда, производства, удовлетворения потребностей) замещает техника как среда обитания, диктующая свои законы и императивы, что, в свою очередь, порождает феномен «ценностного раскола» (Шакирова, 2013), при котором индивид на вербальном уровне декларирует приверженность гуманистическим идеалам, а на поведенческом — полностью подчиняется логике технологических систем.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Философское осмысление взаимоотношений человека и техники имеет давнюю традицию. Еще М. Хайдеггер и Х. Ортега-и-Гассет (Хайдеггер, 1993; Ортега-и-Гассет, 1997) заложили основы философии техники. Критика техногенной цивилизации с гуманистических позиций представлена в работах представителей Франкфуртской школы — М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса (Хоркхаймер, Адорно, 1997; Хабермас, 2002), где вводится понятие инструментального разума. В XX в. Н. А. Бердяев в работе «Человек и машина» гениально пред-

восхитил опасность порабощения человека технической реальностью (Бердяев, 1933). В современной науке данная проблематика раскрывается в русле исследований:

- пост- и трансгуманизма — Ф. Фукуямой, Ж.-Ф. Лиотаром, Н. Бостромом, А. Швейцером, Г. Йонасом, Б. Г. Юдиным, В. С. Степиным (Фукуяма, 2004; Лиотар, 1998; Бостром, 2016; Швейцер, 1992; Йонас, 2004; Юдин, 2018; Степин, 2011);
- науки и технологий — Б. Латуром (Латур, 2006); теории сетевого общества М. Кастельсом (Кастельс, 2000) и цифрового капитализма Ш. Зубофф (Зубофф, 2022);
- фундаментальных философских оснований и онтологии взаимодействия ИИ и социума — В. М. Розиным, И. Д. Тузовским, Я. В. Бондаревой и Г. А. Жаворонковой, А. С. Горбуновым, В. П. Майковой, Э. М. Молчаном (Розин, 2020; Тузовский, 2020; Бондарева, Жаворонкова, 2025; Горбунов, 2025; Майкова и др., 2025);
- этики автономных систем и проблемы морального статуса — Г. Боуэном, Х. Йонасом, В. А. Авдюниным, В. Э. Карповым с соавторами (Боуэн, 2025; Йонас, 2004; Авдюнин, 2025; Карпов, Готовцев, Ройзензон, 2018);
- социально-политического измерения и структурных рисков — Д. А. Репиным и С. А. Игнатьевым (Репин, Игнатьев, 2024).

Однако несмотря на обилие работ, посвященных критике техники, целостный анализ именно аксиологического, а не инструментального измерения конфликта «человек — технология» остается фрагментарным. Зачастую исследователи сосредотачиваются на этических проблемах конкретных технологий (например, беспилотных автомобилей, эхо-камер и др.), упуская из виду фундаментальный ценностный сдвиг, который эти технологии несут в себе.

Для достижения цели исследовать фундаментальный аксиологический конфликт современной цивилизации, детерминированный противостоянием антропоцентрической и техноцентрической парадигм, необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести философско-историческую реконструкцию становления антропоцентрической и техноцентрической парадигм;
- 2) определить систему категорий, описывающих данный ценностный конфликт;
- 3) проанализировать специфику проявления конфликта в ключевых сферах бытия современного человека (этика, социальное управление, культура);
- 4) исследовать феномен техноцентризма как возможную форму постантропоцентрической идеологии;
- 5) обосновать концепцию «аксиологического синтеза» как стратегии преодоления деструктивных последствий конфликта.

Исторический генезис и категориальный аппарат аксиологического конфликта

Противостояние антропоцентризма и техноцентризма не является извечным, но имеет свою историю, корнящуюся в самой природе западноевропейского рационализма. Так, античность, при всем ее восхищении человеческим разумом (логосом), не знала техноцентризма в современном смысле, в эту эпоху «техне» (ремесло, искусство) понималось как подражание природе и было подчинено этическому идеалу калокагатии (др.-греч. *καλοκαγαθία* от *καλός* — «прекрасный» и *ἀγαθός* — «добрый»).

Коренной перелом происходит в Новое время, когда формула Ф. Бэкона «знание — сила» и *cogito* Р. Декарта заложили основы антропоцентризма модерна, провозгласившего человека «господином и повелителем природы». Однако этот же антропоцентризм парадоксальным образом уже содержит в себе зерно техноцентризма, поскольку утвер-

ждая суверенитет субъекта, философия Нового времени одновременно лишает природу внутренней ценности (тезис Декарта о животных-машинах), превращая ее в объект бесконечной манипуляции. В это время утверждается инструментальное отношение к миру, ценность вещи определяется ее полезностью для человека, а техника перестает быть простым орудием, постепенно становясь инструментом реализации человеческого господства.

Индустриальная революция XIX в. усугубляет этот процесс. Так, К. Маркс блестяще описывает феномен отчуждения, при котором продукты труда (и техника как их квинтэссенция) начинают жить собственной жизнью и подчинять себе производителя, а техника обретает черты автономной силы. Однако Маркс остается в рамках антропоцентрической парадигмы, полагая, что с уничтожением частной собственности отчуждение будет снято и техника вернется к своему служебному (обслуживающему) положению.

Подлинное осознание угрозы техноцентризма приходит в XX в., когда Н. А. Бердяев пишет статью «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)» (1933), а М. Хайдеггер в рамках лекции «*Das Gestell*», прочитанной 1 декабря 1949 г. в Бремене, впервые употребляет понятие «постава» (рамки, каркаса) как способа существования современной техники, который не просто использует природу, но ставит перед ней требование быть поставщиком энергии, которую можно добыть и накопить. В этом режиме существования и сам человек попадает в положение «поставленного», т. е. ресурса для технологических процессов. Именно в этом и заключается сущность техноцентризма, в основе которого лежит не поклонение технике как идолу, а тотальная мобилизация всего сущего (включая человека) в горизонте технической исчислимости и эффективности. Таким образом,

категориальный аппарат нашего исследования выстраивается вокруг оппозиций.

Цель и средство. Для антропоцентризма человек является целью, а техника — средством. Для техноцентризма развитие техники становится самоцелью, человек же рассматривается либо как средство (ресурс), либо как устаревшее звено, подлежащее замене.

Свобода и детерминизм. Антропоцентризм апеллирует к свободе воли, творчеству, спонтанности, а техноцентризм имплицитно содержит технологический детерминизм — убежденность в том, что развитие техники предопределяет социальные изменения, а свобода сводится к выбору между заданными технологическими опциями.

Качество и количество. Антропоцентризм оперирует категориями качества жизни, смысла, уникальности, а техноцентризм тяготеет к количественным показателям эффективности, производительности и скорости обработки данных.

Гуманизм и постгуманизм. Антропоцентризм защищает идею человеческой исключительности, основанную на обладании разумом, моралью и духовностью, а техноцентризм, особенно в лице трансгуманизма, видит в человеке лишь переходную форму к более совершенному (технологическому) состоянию.

Конфликт в развитии человека и технологий в современном социокультурном пространстве

Общеизвестно, что аксиологический конфликт не существует в абстрактном мире идей: он разворачивается в конкретных сферах человеческой деятельности, порой приобретая причудливые формы. Так, одним из наиболее ярких проявлений конфликта «человек — технология» выступает попытка алгоритмизации этики с опорой на техноцентрический подход, основанный на убежденности в том, что любую проблему, включая моральный выбор, можно решить

путем создания правильного алгоритма. На этом подходе основаны многие исследования в области «машинной этики», например, в создании беспилотных автомобилей, способных принимать решения в ситуации неизбежной аварии, или роботосиделок, следующих установленным правилам обслуживания людей с ОВЗ. Антропоцентрическая критика указывает на принципиальную несводимость морали к алгоритму, поскольку моральный выбор всегда ситуативен, контекстуален и требует таких качеств, как эмпатия, милосердие, способность к прощению, которые изначально не формализуемы. Сведение этики к набору правил или к попытке просчитать последствия в рамках техноцентрической парадигмы обедняет моральную реальность. Более того, передавать морально значимые решения машине потенциально опасно «экспроприацией ответственности», поскольку влечет за собой привыкание человека к ситуации, когда за него думает и принимает решения алгоритм, что, в конечном итоге, неизбежно ведет к моральной инфляции личности.

В сфере труда и управления цифровизация также содержит зерна конфликта. С одной стороны, технологии открывают возможности для гибкой занятости, удаленной работы и дебюрократизации, что, казалось бы, в целом соответствует антропоцентрическому идеалу эмансипации труда. С другой стороны, мы наблюдаем феномен «алгоритмического менеджмента», например, в платформенном капитализме он визуализируется работой курьеров и таксистов. Речь идет о феномене, при котором человек оказывается встроенным в цифровую систему поощрений и наказаний, лишаящую его автономии. Ш. Зубофф вводит понятие «надзирающий капитализм», трактуя его так: данные о поведении используются для предсказания и модификации поведения с целью извлечения прибыли. «Новая модель будущего, которую

предлагает надзорный капитализм, — это машинный улей, в котором наша свобода утрачена в пользу совершенного знания, применяемого для получения прибыли другими. Это социальная система, построенная на научном и техническом контроле над коллективным поведением и управляемая классом специалистов» (приводится по: Карнаух, 2023: 4 (172): 143). Здесь техноцентризм проявляется в стремлении тотально контролировать и оптимизировать человеческое поведение, а человек рассматривается как «человеческий фактор», т. е. источник ошибок и сбоев, который необходимо либо минимизировать, либо полностью исключить, заменив автоматикой. Вместе с тем антропоцентрическая позиция настаивает на правах человека: цифровой суверенитет, защита от тотальной «просчитываемости», сохранение пространств, свободных от диктата эффективности.

В сфере культуры и коммуникации цифровая культура, порожденная технологическими платформами, также формирует новый тип восприятия и мышления. Техноцентризм в культуре представляет собой экспансионистское преобладание формы над содержанием, скорости над глубиной, клиповости над целостностью. Алгоритмы социальных сетей, нацеленные на удержание внимания пользователя, формируют информационную повестку, построенную на принципах новизны, сенсационности и эмоциональной зарядки, а не на значимости и истинности. Это приводит к кризису большого нарратива (метанарратива), о котором писал Ж.-Ф. Лиотар. Культура фрагментируется на множество микродискурсов, между которыми нет иерархии и смысловой связи: «С выходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции. Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие

опасности, великие кругосветные плавания и великую цель. Она распыляется в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных и т. п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *sui generis*» (Лиотар, 1998: 10–11). Антропоцентрическая концепция культуры предполагает существование субъекта, способного к рефлексии, выстраиванию собственной идентичности через приобщение к культурному наследию (текстам, символам). Вместе с тем цифровая культура предлагает человеку быть не субъектом, а пользователем, точкой пересечения информационных потоков, потребляющей контент, но не производящей смыслы. Таким образом, конфликт в этом разрезе разворачивается между «человеком читающим» и «человеком кликающим».

Стратегия преодоления конфликта ценностей технологического и гуманитарного

Для глубокого понимания конфликта «человек — технология» необходимо рассмотреть техноцентризм не столько как умонастроение, сколько как формирующуюся идеологию, претендующую на гегемонию в постиндустриальном мире. Эту идеологию наиболее последовательно артикулирует трансгуманизм: эволюция человека объявляется незаконченной, вследствие чего мы должны использовать технологии для ее продолжения, преодоления болезней, старения и даже смерти. На первый взгляд, такой подход ультраантропоцентричен. Однако при более внимательном рассмотрении трансгуманизм представляет собой форму техноцентризма, поскольку, во-первых, предлагает решать антропологические проблемы исключительно технологическими средствами; во-вторых, рассматривает человека как принципиально несовершенный, «сырой» материал, подлежащий модификации, и в-третьих, своей конечной целью провозглашает создание «постчеловека», который

может не иметь с человеком ничего общего (как, например, загруженное в компьютер сознание). В этой картине мира техника выступает не средством раскрытия человеческого потенциала (как мы это наблюдаем в классическом гуманизме), а инструментом преодоления человеческого: ценности, связанные с телесностью, смертностью, эмоциональной уязвимостью (переживание, любовь, сострадание), объявляются «ограничениями», которые должны быть сняты прогрессом. И это уже не аксиологическое противоречие, а радикальный разрыв с антропоцентрической традицией, сохраняемой тысячелетиями.

Идеология техноцентризма проникает и в более умеренные сферы. Так, концепция «умного города» часто строится на кратчайшем подходе, основным целевым параметром которого становится эффективность управления потоками (транспортными, энергетическими, людскими). При этом вопросы об удобстве умного города для жизни, прогулок, неформального общения отходят на второй план: город превращается в интерфейс — и жителям отводится роль пользователей и потребителей услуг.

Осознание остроты аксиологического конфликта с необходимостью ставит вопрос о путях его преодоления. В современных дискуссиях различаются две крайние стратегии — технофобный отказ от технологий и так называемая технолatria, выраженная в обожествлении технологий. По нашему мнению, обе стратегии одинаково утопичны и опасны, поскольку первая (технофобный отказ) ведет к стагнации и проигрышу в историческом соревновании, вторая (технолatria) — к добровольному отказу от человеческой сущности. Таким образом, мы делаем вывод о необходимости третьего варианта, а именно — синтеза, который можно обозначить как концепцию «антропоцентричного техноцентризма», или «гуманистического техницизма». В его основу заложены четыре базовых принципа.

Принцип антропологической меры предполагает оценивание технологий не только по критерию эффективности, но и по их влиянию на человеческую идентичность, психику, социальные связи.

Принцип экзистенциального иммунитета обуславливает законодательное и культурное закрепление «заповедных зон» человеческого бытия, свободных от цифрового контроля и алгоритмизации. Помимо прочего, это признание незыблемым и фундаментальным права на тайну, на отказ от цифровой идентификации.

Принцип коэволюции усматривает в искусственном интеллекте и других технологиях не конкурентов и тем более не замену, а равных партнеров по эволюции. В связи с этим техника должна стать медиатором, расширяющим человеческие возможности, не подменяя при этом человеческое целеполагание.

Принцип этоса ответственности рассматривается в рамках развития идей Х. Йонаса (Йонас, 2004), призывавшего к необходимости культивировать этику ответственности за отдаленные последствия технологических решений. Эта ответственность должна быть распределена между множеством профессиональных и социальных групп — инженерами, акторами бизнеса, политиками — и каждым пользователем в отдельности. В конце концов, техника не есть фатум, неотвратимый и злой рок, она является проектом человеческой деятельности, и его чертежи зависят от нашего ценностного выбора. Безусловно, реализация синтеза ценностей в развитии человека и технологий требует не только технических или политических решений, но и глубокой и всесторонней гуманитарной экспертизы. Для решения этой проблемы (в полной мере глобальной) требуется скорейшее преодоление разрыва — между технологическим и гуманитарным знанием (между «физиками и лириками»). Инженерное образование должно включать серьезную философскую

и этическую подготовку, поскольку творец технологий обязан во всей полноте осознавать возможные аксиологические последствия своих творений.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что уникальность аксиологического конфликта между антропоцентризмом и техноцентризмом состоит в том, что он разворачивается не между внешними силами, а внутри самой человеческой деятельности. Техника, будучи порождением человеческого разума, обретает собственную логику, которая вступает в противоречие с породившим ее гуманистическим импульсом. Мы показали, что данный конфликт пронизывает все уровни социальной жизни, обостряясь по мере ускорения технологического прогресса. Идеология техноцентризма, наиболее ярко выраженная в трансгуманизме, предлагает радикальный выход из конфликта через преодоление человека как вида, что ставит под вопрос само существование гуманистиче-

ской системы ценностей. Однако перспективы человечества не предопределены фатально. Аксиологический конфликт — это не приговор, а вызов, требующий рефлексии и волевого действия. Возможность преодоления «ценностного раскола» существует, а именно — через отказ от дихотомии «либо человек, либо техника» в пользу модели «и человек, и техника», где техническое развитие подчинено задаче расширения человеческих возможностей, а не их упразднения. Это требует от нас иного отношения к технологиям — перехода от потребительского отношения к отношению проектно-ответственному, при котором человек определяется не как «раб» или «господин» машин, а как их со-творец и модератор, способный удерживать в равновесии ценности свободы, достоинства и технологического прогресса. Исход конфликта антропоцентрической и техноцентрической парадигм определит не только облик будущей цивилизации, но и само право называть ее человеческой.

Список литературы и источников / References

- Авдюнин В. А. «Этические пробелы в этике искусственного интеллекта». *Философская мысль* 12 (2025): 32–41. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2025.12.77033>. EDN: FICGLO.
- Avdyunin V. A. “Ethical Gaps in the Ethics of Artificial Intelligence”. *Filosofskaya mysl' = Philosophical Thought* 12 (2025): 32–41. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2025.12.77033>
- Бердяев Н. А. «Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники)». *Путь* 38 (1933): 3–37.
- Berdyayev N. A. “Man and Machine”. *The Bourgeois Mind and Other Essays*. By Berdyayev. London: Sheed and Ward, 1934. 31–66.
- Бондарева Я. В., Жаворонкова Г. А. «Формирование новой социальной реальности (гуманизм vs искусственный интеллект)». *Современные философские исследования* 1 (2025): 33–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-33-39>. EDN: PVTIZO.
- Bondareva Ya. V., Zhavoronkova G. A. “The Formation of a New Social Reality (Humanism vs Artificial Intelligence)”. *Sovremennyye filosofskiye issledovaniya = Contemporary Philosophical Research* 1 (2025): 33–39. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-1-33-39>
- Бостром Н. *Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии*. Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490 с.
- Bostrom Nick. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford Up, 2014. 352 p.

- Боуэн Г. «Агентный искусственный интеллект: правовые и этические вызовы автономных систем». *Journal of Digital Technologies and Law* 3.3 (2025): 431–445. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.17>. EDN: PLTFWO.
- Bowen G. “Agentic Artificial Intelligence: Legal and Ethical Challenges of Autonomous Systems”. *Journal of Digital Technologies and Law* 3.3 (2025): 431–445. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.17>
- Горбунов А. С. «Искусственный интеллект и влияние на личность в среде массовой коммуникации». *Современные философские исследования* 3 (2025): 84–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-84-90>. EDN: YLSTXG.
- Gorbunov A. S. “Artificial Intelligence and Influence on Personality in the Mass Communication Environment”. *Sovremennyye filosofskiye issledovaniya = Contemporary Philosophical Research* 3 (2025): 84–90. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-84-90>
- Зубофф Ш. *Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. Пер. с англ. А. Ф. Васильева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 781 с.
- Zuboff Shoshana. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffair, 2020. 704 p.
- Йонас Г. *Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации*. Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004. 479 с. Человек и мир.
- Jonas Hans. *Das Prinzip Verantwortung*. 9. Aufl. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 2003. 426 S. (In German).
- Карнаух В. К. «Становление надзорного капитализма. Рецензия на книгу Ш. Зубофф „Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти“». *Управленческое консультирование* 4 (172) (2023): 138–143. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-4-138-143>. EDN: WAUFYL.
- Karnauh V. K. “The Formation of Surveillance Capitalism. Review of the Book of Sh. Zuboff ‘The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power’ ”. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye = Administrative Consulting* 4 (172) (2023): 138–143. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-4-138-143>
- Карпов В. Э., Готовцев П. М., Ройзензон Г. В. «К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта». *Философия и общество* 2 (87) (2018): 84–105. <https://doi.org/10.30884/jfio/2018.02.07>. EDN: YAEVYT.
- Karpov V. E., Gotovtsev P. M., Royzenzon G. V. “Revisiting the Ethics and Artificial Intelligence Systems”. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society* 2 (87) (2018): 84–105. (In Russian). <https://doi.org/10.30884/jfio/2018.02.07>
- Кастельс М. *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
- Castells Manuel. *The Information Age*. Cambridge, MA: Blackwell, 1996. 556 p. Vol. 1 of *The Rise of the Network Society*.
- Латур Б. *Нового Времени не было: эссе по симметричной антропологии*. Пер. с фр. [Д. Я. Калугина]. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006. 235 с. Прагматический поворот.
- Latour Bruno. *Nous n'avons jamais été modernes. Essai d'anthropologie symétrique*. Paris : La Découverte, 1991. 211 p. (In French).
- Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Lyotard Jean-François. *La condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris : Éditions de Minuit, 1979. 128 p. (In French).
- Майкова В. П., Молчан Э. М., Ильченко Д. А., Ильченко Е. Ю. *Виртуальная реальность и искусственный интеллект: онтология, методология, аксиология*. Сергиев Посад: А. А. Ларкин, 2025. 94 с. EDN: DKTJCW.

- Maykova V. P., Molchan E. M., Il'chenko D. A., Il'chenko E. Yu. *Virtual Reality and Artificial Intelligence: Ontology, Methodology, Axiology*. Sergiyev Posad: A. A. Larkin, 2025. 94 p. (In Russian).
- Ортега-и-Гассет Х. «Размышления о технике». *Избранные труды*. Ортега-и-Гассет. Пер. с исп. Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевич. М.: Весь мир, 1997. 164–232. Studio et lectio.
- Ortega y Gasset J. *Meditación de la técnica*. Adapt.: J. C. Castelló Meliá, F. Z. Cabañas. Alzira: Diálogo, 2012. 144 p. (In Spanish).
- Репин Д. А., Игнатьев С. А. «„Внедрять нельзя отказаться“: влияние этики на применение технологий искусственного интеллекта в управлении социально-экономическими процессами». *Экономика и управление* 30.12 (2024): 1503–1509. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-12-1503-1509>. EDN: HTFMVH.
- Repin D. A., Ignatyev S. A. “ ‘Implementation Impossible to Refuse’: The Influence of Ethics on Using Artificial Intelligence in Socio-Economic Management”. *Ekonomika i upravleniye = Economics and Management* 30.12 (2024): 1503–1509. (In Russian). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-12-1503-1509>
- Розин В. М. «Мода на конспирологические объяснения как аспект современной жизни». *Философская мысль* 5 (2020): 14–22. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.5.32865>. EDN: KWBTLT.
- Rozin V. M. “Trend for Conspiratorial Explanations as an Aspect of Modern Life”. *Filosofskaya mysl' = Philosophical Thought* 5 (2020): 14–22. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.5.32865>
- Степин В. С. *Цивилизация и культура*. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.
- Stepin V. S. *Civilization and Culture*. St. Petersburg: Saint-Petersburg U of the Humanities and Social Sciences, 2011. 407 p. (In Russian).
- Тузовский И. Д. «Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего». *Философская мысль* 12 (2020): 42–60. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.12.34257>. EDN: INBBVP.
- Tuzovskii I. D. “Post-Truth as a Syndrome of Digital Age: Ultimate Understanding of the Phenomenon and Scenarios of the Future”. *Filosofskaya mysl' = Philosophical Thought* 12 (2020): 42–60. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.12.34257>
- Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции*. Пер. с англ. [М. Б. Левина]. М.: АСТ; Люкс, 2004. 349 с. Philosophy.
- Fukuyama Francis. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002. 272 p.
- Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике?* Пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Весь мир, 2002. 143 с.
- Habermas Jürgen. *Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik?* Frankfurt/Main: Suhrkamp, 2001. 164 S. (In German).
- Хайдеггер М. «Вопрос о технике». *Время и бытие: статьи и выступления*. Хайдеггер. Сост., пер., вступ. ст. и коммент.: В. В. Бибихин. М.: Республика, 1993. 221–238. Мыслители XX в.
- Heidegger M. “Die Frage nach der Technik”. 1953. *Gesamtausgabe*. Heidegger. Bd. 7. *Vorträge und Aufsätze*. Frankfurt/Main: Vittorio Klostermann, 2000. 5–36. (In German).
- Хоркхаймер М., Адорно Т. В. *Диалектика Просвещения: философские фрагменты*. Пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум; Ювента, 1997. 310 с.
- Horkheimer Max, Adorno Theodor W. *Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente*. Berlin: Fischer Taschenbuch, 1988. 386 S. (In German).
- Шакирова Е. Ю. «Аксиологическая ризоморфность социума: зона эскалации социальной рискованности». *Изв. Саратовского ун-та нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика* 13.4 (2013): 36–41. EDN: RTKICD.

Shakirova E. U. "Social Axiological Rhizome: The Zone of Risk Escalation". *Izv. Saratovskogo un-ta ns ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University ns ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy* 13.4 (2013): 36–41. (In Russian).

Швейцер А. *Благоговение перед жизнью*: сб. работ. Пер. с нем. Общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992. 576 с.

Schweitzer Albert. *Die Ehrfurcht vor dem Leben: Grundtexte aus fünf Jahrzehnten*. 8. Aufl. Hrsg. von H. W. Bähr. München: C. H. Beck, 2003. 167 S. (In German).

Юдин Б. Г. *Человек: выход за пределы*. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 472 с.

Yudin B. G. *Human: Going Beyond*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2018. 472 p. (In Russian).

Информация об авторах

Бондарева Яна Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0000-0002-0438-4035.

Головкина Дарья Николаевна — аспирантка кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), dngolovkina19@gmail.com, ORCID: 0009-0002-4017-1632.

Авторский вклад

Бондарева Я. В. — научное руководство; редактирование и доработка текста.

Головкина Д. Н. — формулирование идеи, гипотезы, цели исследования; написание первоначального текста.

Information about the authors

Yana V. Bondareva — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., bldg. 10A), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0000-0002-0438-4035.

Daria N. Golovkina — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., bldg. 10A), dngolovkina19@gmail.com, ORCID: 0009-0002-4017-1632.

Author Contributions

Ya. V. Bondareva — scientific supervision; writing — review & editing.

D. N. Golovkina — conceptualization; writing — original draft.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026, одобрена после рецензирования 05.05.2026.

The article was submitted 05.04.2026, approved after reviewing 05.05.2026.

Антропологические и этические измерения цифрового лидерства

А. Н. Мамедова¹, Я. В. Бондарева²

^{1, 2} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

 kaf-filosof@guppros.ru

Аннотация. Масштабная трансформация феномена лидерства в условиях цифровизации и становления сетевого общества, в результате которой ослабевает повелительная сила категорических нравственных императивов, определяет *актуальность* настоящей работы. *Цель* ее — философско-антропологический анализ изменений, происходящих в природе политического субъекта и моральной ответственности под влиянием цифровых технологий. Рассматривается кризис классических «добродетелей» лидера (мужества, мудрости, умеренности) в постнеклассическую эпоху, где симулякры и эмоциональные манипуляции часто подменяют рациональный дискурс. Осуществляется анализ феномена «лидерства без ответственности», порожденного сетевой анонимностью и «растворением» субъектности. Анализируется процесс размывания категорий вины и ответственности за принятые решения. *Результаты:* исследованы перспективы новых форм социальной интеграции, ставится вопрос о том, способно ли сетевое лидерство стать подлинно социально-политическим, преодолев фрагментацию публичного пространства. Делается вывод о необходимости синтеза цифровой компетентности с возрождением этоса ответственности как условия сохранения человекообразности политики.

Ключевые слова: цифровое лидерство, постправда, антропологический кризис, этика ответственности, политическая философия, сетевое общество, субъект действия, манипуляция

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Мамедова А. Н., Бондарева Я. В. «Антропологические и этические измерения цифрового лидерства». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m03s02a15.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m03s02a15.ghelmg> EDN: GHELMG.

Original article

Anthropological and ethical dimensions of digital leadership

A. N. Mamedova¹, Ya. V. Bondareva²✉

^{1, 2}State University of Education, Moscow, Russia

✉ kaf-filosof@guppros.ru

Abstract. The extensive transformation of the phenomenon of leadership in the context of digitalization and the emergence of a network society, resulting in weakening the compelling force of classic moral imperatives, determines the *relevance* of this work. Its *aim* is a philosophical and anthropological analysis of the changes occurring in the nature of the political subject and moral responsibility under the influence of digital technologies. The authors examine the crisis of classical “virtues” of leadership (courage, wisdom, moderation) in the post-non-classical era, where simulacra and emotional manipulation often replace rational discourse. The phenomenon of “leadership without responsibility” generated by online anonymity and the “dissolution” of subjectivity were analyzed. The blurring of the categories of guilt and responsibility for decisions were also examined. *Results:* the prospects for new forms of social integration have been explored, and the question is raised of whether networked leadership can become truly socio-political, overcoming the fragmentation of public space. The authors conclude that a synthesis of digital competence with a revival of the ethos of responsibility is necessary as a condition for maintaining the human dimension of politics.

Keywords: digital leadership, post-truth, anthropological crisis, ethics of responsibility, political philosophy, network society, action subject, manipulation

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Mamedova A. N., Bondareva Ya. V. “Anthropological and Ethical Dimensions of Digital Leadership”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m03s02a15. (In Russian).

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m03s02a15.ghelmng>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальными сдвигами в социально-политической реальности, вызванными цифровой революцией, происходящей на наших глазах. Лидерство, традиционно понимаемое как способность индивида оказывать влияние на группу для достижения общих целей на основе авторитета и доверия, претерпевает радикальную трансформацию. В пространстве социальных сетей, алгоритмизированных коммуникаций и виртуальных идентичностей формируется феномен «цифрового лидерства», чьи антрополо-

гические основания остаются недостаточно осмысленными.

Проблема заключается в том, что технологически ориентированное лидерство ставит под вопрос классические нравственные императивы. Если традиционная политическая философия от Платона до М. Вебера рассматривала лидера как носителя определенных «добродетелей» и ответственности, то цифровая среда создает условия для существования лидерства, лишённого персонального измерения. Это порождает противоречие между потребностью общества в четкой социальной структурированности

© Мамедова А. Н., Бондарева Я. В.

и грамотном управлении, с одной стороны, и размытием субъектности тех, кто претендует на эту роль, — с другой.

Цель исследования — выявление антропологических и этических трансформаций феномена лидерства в цифровую эпоху и определение степени возможности появления новых форм социальной интеграции на основе сетевых структур.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать кризис традиционных «добродетелей» лидера в контексте феномена постправды и технологий манипуляции массовым сознанием; исследовать феномен «лидерства без ответственности», возникающий вследствие сетевой анонимности и децентрализации субъекта политического действия; оценить перспективы сетевого лидерства как инструмента подлинной политической интеграции в противовес его симулятивным формам.

Анализ литературы позволяет выделить несколько ключевых направлений, в рамках которых были заложены основы изучения данной темы. Философско-антропологические основания трансформации человека в среде высоких технологий рассмотрены в работах Ф. Фукуямы, М. Маклюэна, З. Баумана, В. А. Лекторского, А. С. Горбунова, В. П. Майковой с соавторами, Н. О. Архангельской с соавторами и др. (Фукуяма, 2004; Маклюэн, 2014; Бауман, 2008; Лекторский, 2025; Горбунов, 2025; Майкова и др., 2025; Архангельская и др., 2025). Этику технологий и проблему морального субъекта в условиях алгоритмизации изучали Н. Бостром, К. О'Нил, В. А. Кутырёв, Ф. И. Гиренок, С. А. Смирнов, А. А. Гусейнов, В. М. Розин и др. (Бостром, 2016; О'Нил, 2018; Кутырёв, 2015a, 2015b; Гиренок, 2012, 2016; Смирнов, 2017; Гусейнов, 2012; Розин, 2016). Социально-философский анализ власти и лидерства в сетевом обществе представлен в исследованиях М. Кастельса, К. Ширки, А. Ю. Ашкерева и др. (Кастельс, 2016; Ширки, 2012; Аш-

керо, 2005). Концептуализация цифрового лидерства в области менеджмента и философии управления осуществляется в работах К. Шваба, А. В. Тимофеева, Р. А. Олина с соавторами, А. Е. Зубарева с соавторами, И. Стенгерс и И. Пригожина и др. (Шваб, 2016; Тимофеев, Губанов, 2025; Олин и др., 2025; Зубарев и др., 2025; Пригожин, Стенгерс, 1986).

Методологическую основу исследования составляют феноменологический подход (анализ изменений структур сознания и восприятия лидера), элементы постструктуралистской философии (концепция «смерти субъекта» и симулякра Ж. Бодрийера), а также классическая этическая традиция (Аристотель, И. Кант, Х. Арендт).

Кризис традиционных добродетелей лидера в условиях постправды и манипуляции сознанием

Антропологическая модель лидера, доминировавшая в западной философии на протяжении тысячелетий, базировалась на тезисе о единстве слова и дела, личности и ее социальной роли. Так, Аристотель в «Никомаховой этике» ввел понятие фроне́зиса (греч. φρόνησις) — это «суждения, способствующие действию по поводу вещей, хороших или плохих для человека» (Aristotle, 2007: 1140a24–1140b12) (приводится по: Романовский, 2012: 1: 17), о том, «какие [вещи являются благами] для хорошей жизни» (Аристотель, 1978: 176), тесно связанного с понятием этоса, т. е. с привычкой поступать добродетельно. Философ полагал, что политик (он же лидер) должен обладать практической мудростью, т. е. способностью принимать верные решения в конкретных обстоятельствах, основываясь на моральной интуиции и опыте, а такие добродетели (т. е. положительные качества), как мужество, справедливость, благоразумие и правдивость, составляли каркас, обеспечивающий легитимность власти.

Цифровая эпоха, часто именуемая в литературе эпохой постправды, стремительно разрушает этот каркас. Термин «постправда» обозначает ситуацию, при которой объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляция к эмоциям и личным убеждениям. На этом фоне фронезис лидера утрачивает свою ценность, уступая место умению генерировать эмоционально заряженные нарративы, поддерживаемые бессознательными страхами и другими экзистенциальными аудиториями — как положительными, так и отрицательными.

Жан Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляции» предвосхитил эту ситуацию, описав переход от эпохи «подделки» к эпохе «симуляции», где знак отрывается от обозначаемого объекта и начинает обозначать сам себя (Бодрийяр, 2015). В политическом смысле это означает, что образ лидера («имидж») становится важнее его сущности, а добродетель правдивости замещается симуляком искренности. Сегодня такую подмену мы наблюдаем в феномене политиков, использующих социальные сети для создания иллюзии «близости к народу»: трансляция повседневной жизни, «живые эфиры», режиссированная неформальность — всё это представляет собой инструменты симуляции традиционного этоса.

Впрочем, трансформации (и даже деструкции) сегодня подвержена не только добродетель правдивости, но и добродетель мужества. Под традиционным мужеством мы понимаем способность противостоять опасности, принимать на себя удар и отвечать за последствия своих действий. Цифровое лидерство часто существует в режиме «постмужества», проявляясь в форме острой критики, разоблачений и призывов в условиях физической (и юридической) защищенности лидера экраном, анонимностью или сложной структурой сетевых аккаунтов. Политическое действие часто подменяется по-

литическим высказыванием, которое не требует ни жертвенности, ни ответственности.

В антропологическом ключе это ведет к деформации субъекта, при которой вся полнота личности сводится к набору дискурсивных практик. Философские теории постмодерна, нивелировавшие классического субъекта как источник и главный центр деятельности и долгое время считавшиеся антиутопиями, неожиданно нашли свое эмпирическое подтверждение в цифровой реальности. Из харизматика доцифровой эпохи лидер сегодня превращается в точку схождения информационных потоков, его ценность определяется не тем, кто он есть в действительности, а тем, насколько эффективно он обеспечивает виральный (т. е. стремительный, самостоятельно распространяющийся подобно вирусу) контент. В результате этическая антиномия *добро — зло* подменяется вполне утилитаристской и прагматической оппозицией *успешно — неуспешно* в борьбе не за справедливое социальное устройство, а за внимание аудитории как главный лидерский трофей.

В этих условиях манипуляция сознанием достигает технологического совершенства, чему активно способствуют методы больших данных и микротаргетинга (высокоточной маркетинговой стратегии, использующей анализ персональных данных и цифровых следов для выявления интересов малых групп или отдельных людей, что позволяет создавать индивидуализированные сообщения, апеллирующие к иррациональным сторонам человеческой природы). Лидер-демагог (по определению Платона), льстящий толпе, сегодня обретает цифровое всемогущество и неуязвимость, поскольку вместо аргументации он использует репост, вместо диалога — создание эхо-камер и фильтров-пузырей, где любая критика нивелируется (и даже блокируется) модерацией сообщества. В результате создается ситуация эпистемологической изоляции объектов

управления при фактическом отсутствии у них возможности восприятия реальности иначе, чем через призму интерпретации своего лидера.

Таким образом, обозначенный кризис традиционных добродетелей заключается не сколько в их игнорировании, сколько в их симуляции, сущностно-содержательной подмене. Следует признать, что именно цифровая среда порождает спрос на лидеров, чья идентичность текуча и ситуативна, что, в свою очередь, делает невозможным применение норм классической этической парадигмы. В рамках новой парадигмы мудрость замещается информационным потоком, мужество — троллингом, а справедливость — лайками и рейтингами популярности. Такая трансформация коммуникации в направлении горизонтальности и анонимности неизбежно ставит под вопрос саму антропологическую константу о насущной необходимости для человека Другого в образе ответственного лидера.

Феномен «лидерства без ответственности»

Рассмотрев сущностные изменения в наборе качеств лидера, сфокусируемся на онтологическом статусе субъекта лидерства. Ключевой проблемой здесь выступает феномен «лидерства без ответственности», который становится возможным благодаря сетевой структуре коммуникаций и принципиальной анонимности (или псевдонимности) цифрового пространства.

В классическом философско-политическом дискурсе понятие ответственности неразрывно связано с понятием субъектности. Быть ответственным — значит быть способным отвечать за свои поступки перед кем-либо (Богом, законом, народом, совестью). Это с необходимостью предполагает наличие идентифицируемого Я, совершающего действие и признающего его последствия своими. Так, Х. Арендт в работе «*Vita activa, или О деятельной жизни*» (Арендт, 2023)

показывает, что действие как одна из фундаментальных человеческих способностей возможно лишь в пространстве публичной явленности, где человек именно через речь и поступок привносит в мир что-то новое и таким образом в полной мере раскрывает свою личность: «Говоря и действуя, мы включаемся в мир людей, существовавший прежде чем мы в него родились, и это включение подобно второму рождению, когда мы подтверждаем голый факт нашей рожденности, словно берем на себя ответственность за него» (Арендт, 2023: 246). Именно публичное пространство, по Арендт, представляет собой сферу, где человек обретает и бессмертие (память в потомках), и подлинную свободу, уходя от простого удовлетворения биологических нужд.

Однако цифровое пространство радикально трансформирует условия публичности. Оно одновременно гипертрофирует видимость (этому способствуют «миллионы подписчиков») и уничтожает ее подлинность (при физическом отсутствии пользователей и невозможности их визуализации). Сетевая анонимность создает парадоксальную ситуацию, которую можно охарактеризовать как «приватную публичность»: лидер присутствует в медиаполе, но его физическая и юридическая идентичность может быть скрыта или фрагментирована.

Это порождает несколько этических и антропологических коллизий. Во-первых, речь идет о феномене «действия без последствий», проявляющемся в сетевом лидерстве, часто реализуемом через ретрансляцию информации. Представим ситуацию: лидер (блогер, лидер общественных мнений, администратор канала) публикует пост, провоцирующий, например, травлю конкретного человека или принятие некоего социально значимого решения. Однако впоследствии, когда обстоятельства (судебный иск, общественное порицание) потребуют максимально ответственно отчитаться за свои действия,

лидер всегда может сослаться на то, что является лишь звеном в «передаче информации», не совершавшим при этом самого действия. Субъект действия, таким образом, размывается между несколькими элементами сложной системы связей — автором, редактором, читателем и алгоритмом.

Во-вторых, речь идет о феномене «коллективной безответственности», проявляющемся в парадигме горизонтального лидерства сетевых сообществ, где решения принимаются «консенсусом» или модераторами, чей статус, как правило, не подвергается формализации. Феномен «флешмоба» или «сетевой революции» показывает, что энергия массы даже при отсутствии явного лидера вполне может получить конкретную направленность. Однако в случае провала мероприятия или фиксации противоправного деяния «субъект действия» растворяется в сети, избегая ответственности.

И наконец, в-третьих, речь идет о феномене «множественной идентичности», когда анонимность позволяет одному человеку выступать от лица множества несуществующих персонажей, создавая иллюзию массовой поддержки или массового давления. Лидерство, основанное на такой симуляции, представляет собой не власть, а ее симулякр, поскольку не обретает реального общественного базиса, подменяемого видимостью, созданной цифровым алгоритмом.

Более ста лет назад К. Шмитт в работе «Политическая теология» определил суверена как личность, способную принимать решения в чрезвычайных ситуациях (Шмитт, 2000). В этом определении ключевым понятием является именно решение как экзистенциальный акт. Однако цифровой «лидер без ответственности» принципиально избегает решений, заменяя их рефлексией, мемами, опросами, отодвигая или исключая наступление «момента истины» и личной ответственности. В антропологическом дискурсе это порождает феномен «расщеп-

ленного субъекта», сетевого лидера как конструкта, часто не совпадающего с человеком в офлайн-реальности. Это, в свою очередь, порождает внутренний конфликт между, с одной стороны, жаждой признания и влияния, с другой — страхом ответственности и стремлением к безопасности через анонимность. Такой лидер находится в позиции «вечного наблюдателя», манипулирующего реальностью, но онтологически не укорененного в ней.

Размывание субъекта действия неизбежно приводит к девальвации категории вины. Действительно, кто же становится объектом правовой ответственности при отсутствии субъекта принятия окончательного решения в условиях распределенной сети? Вакуум ответственности ставит в тупик и классическую юриспруденцию, и систему традиционной этики, а общество сталкивается с действиями, имеющими реальные социальные последствия, но одновременно лишёнными «автора». Таким образом, сетевая анонимность и децентрализация создают лишь иллюзию свободы и коллективизма, уничтожая при этом возможность появления ответственного лидера.

Перспективы новых форм социальной интеграции

Анализ управленческого кризиса ставит ключевой вопрос об онтологической корреляции описанных патологий с цифровизацией. Насколько реальна в сложившихся условиях перспектива для сетевого лидера стать строителем социальной интеграции нового типа и обрести подлинное социально-политическое измерение? Ответ на этот вопрос требует анализа онтологии сетевых структур и их соответствия природе социально-политических процессов.

Политическое в его классическом понимании (от Аристотеля до Х. Арендт) представляет собой сферу свободы и равенства, сферу взаимодействия равных, где через

убеждение и обсуждение принимаются решения, связанные с организацией жизни полиса. Политическое действие всегда интерсубъективно, оно всегда направлено на достижение общего блага. Есть ли, в таком случае, у сети шанс стать пространством для подобного взаимодействия?

Оптимистическая точка зрения (часто ассоциируемая с позицией ранних теоретиков киберпространства) соответствует положительному ответу на этот вопрос. И действительно, сеть создает благодатные условия для проявления «коллективного интеллекта»: горизонтальные связи преодолевают иерархии, а информация мгновенно становится общим достоянием. Сетевое лидерство в этой парадигме, в отличие от традиционного единоначалия, становится «эмерджентным» свойством системы. Лидером здесь будет тот, кто лучше других умеет синтезировать мнения, находить компромиссы и мобилизовать ресурсы сообщества на решение конкретной задачи.

Примеры успешных краудфандинговых проектов (сборов средств), открытых программных движений или экологических инициатив, организованных посредством сети, демонстрируют интегративный потенциал такого подхода. В этих случаях лидерство реализуется не как традиционное «командование», а как «модерация» и «координация», а этические принципы формируются с опорой на прозрачность кода, доступность участия или рентабельность для всех участников. В антропологическом разрезе такой тип лидера ассоциируется с «человеком коммуницирующим», чья идентичность формируется в сети диалогов, а не классических императивов.

Впрочем, следует заметить, что данный оптимизм сталкивается с рядом серьезных возражений. Во-первых, сетевая структура в своей онтологии принципиально фрагментарна. Если классическое политическое сознание требует для своей полноценной

реализации общего пространства — места встреч, дискуссий, столкновений разных позиций, то социальные сети устроены по принципу «фильтров-пузырей», где пользователи потребляют контент, подтверждающий их собственную точку зрения. Итогом является вовсе не интеграция, а сегментация, при которой лидер ассоциируется с «вождем племени», т. е. отдельно взятого пузыря, стремящимся укрепить границы контролируемого пространства, отсекая его от связей с внешними элементами. Такая интеграция является ложной, поскольку нацелена не на объединение, а скорее на исключение, закупоривая участников в закрытой (замкнутой) системе.

Во-вторых, цифровое лидерство часто лишено темпоральности, принципиально необходимой для подлинной политики. Для вдумчивого вызревания политического решения требуются немалые сроки, однако сеть живет в режиме реального времени, в режиме «здесь и сейчас», что создает феномен «тирании момента», предполагающей мгновенную реакцию на события сети и не допускающей какой-либо отсрочки и медлительности. Кроме того, лидер, подчиненный логике хайпа, искусственно созданного ажиотажа, оказывается, как правило, неспособным к стратегическому планированию и долгосрочной ответственности, становясь заложником сиюминутных колебаний им же сформированного общественного мнения.

В-третьих, с необходимостью возникает проблема так называемого *политического хроптопа*, а именно единства суверенитета и территории. Подлинно политическое лидерство всегда связано с конкретным пространством (населенным пунктом, государством) и живущими в нем людьми. Сетевое же лидерство по своей природе глобально и вненационально, оно способно мобилизовать миллионы в рамках виртуального протеста, оказываясь при этом беспомощным перед лицом бытовых задач: налаживания

рутинной работы коммунальных служб, налоговых сборов или организации питания в детских садах. Сетевым лидерам принципиально недоступно управление территорией, они лишены ресурса «легитимного насилия», имманентного политическому лидерству.

Таким образом, сетевое лидерство может быть подлинно социальным, обеспечивать интеграцию вокруг конкретных ситуативных интересов (денежные сборы с целью помочь нуждающимся, решение локальной проблемы, распространение знаний). Однако становится ли оно при этом политическим?

Для обретения политических качеств сетевому лидерству необходимо пройти трудный этап институционализации и персонализации ответственности. Феномены, подобные активности некоторых цифровых партий (киберпартий), показывают попытку гибридизации двух векторов: использования сетевых платформ для реализации внутрипартийной демократии в сочетании с выдвижением конкретных лидеров, готовых к персональной ответственности в рамках парламентской деятельности.

Если говорить о перспективах новой социальной интеграции, то, скорее всего, их следует искать в синтезе, с одной стороны, преимуществ сетей, с их горизонтальностью, скоростью, вовлеченностью, с другой — классических политических ценностей в их цифровой модификации. Результатом такого синтеза может стать, во-первых, прозрачность как своего рода вариант «новой справедливости» (поскольку сам факт использования блокчейна и открытых данных как действенный инструмент контроля деятельности лидера не позволит ему уйти от ответственности); во-вторых, «цифровой фронезис» как способность ориентироваться в информационных потоках, отличать факты от симулякров и принимать решения в условиях неопределенности, основываясь на классических нравственных принципах. Более того, сетевое лидерство вполне может

приобрести черты настоящего политического лидерства, при условии окончательного преодоления анонимности и безответственности, перехода виртуальной мобилизации в плоскость реальных институтов и долгосрочных обязательств.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что цифровая трансформация ставит перед человечеством фундаментальные вопросы о природе власти, субъектности и нравственных императивах. Кризис традиционных добродетелей лидера в эпоху постправды свидетельствует о глубокой антропологической мутации, при которой на смену человеку разумному, человеку ответственного действия приходит человек эмоциональный и ситуативный, чья идентичность формируется потоками информации. Феномен «лидерства без ответственности», ставший возможным из-за сетевой анонимности, разрушает саму ткань политического как пространства взаимных обязательств, а размывание субъекта действия приводит к тому, что политические процессы становятся неуправляемыми и непредсказуемыми, а последствия коллективных действий остаются без субъекта власти, обремененного ответственностью.

Впрочем, потенциал цифровых технологий для социальной интеграции еще не исчерпан, поскольку сети, как известно, способны порождать новые формы социальных связей и коллективного сознания. Стать подлинно политическим сетевое лидерство сможет лишь тогда, когда оно вновь обретет связь с нравственным императивом ответственности. Это, в свою очередь, требует осознанных усилий как от самих лидеров, так и от общества путем культивирования цифровой грамотности, возвращения к ценности диалога, а также создания правовых и технических механизмов, не позволяющих субъекту действия раствориться в анонимности.

Будущее политической философии во многом определится тем, удастся ли найти баланс между горизонтальной свободой сел и вертикалью ответственности, между скоростью цифры и неспешностью мудрости, между симуляцией искренности и подлинной человечностью.

Список литературы и источников / References

- Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. 3-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 416 с.
- Arendt H. *The Human Condition*. 2nd ed. Chicago, IL: U of Chicago Press, 2013. xx, 350 p.
- Аристотель. «Никомахова этика». Пер. с др.-греч. Н. В. Брагинской. *Сочинения*: в 4 т. Аристотель. Т. 1. М.: Мысль, 1978. 53–294.
- Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Transl. and ed. by R. Crisp. Cambridge: Cambridge Up, 2000. 213 p. Cambridge Texts in the History of Philosophy.
- Архангельская Н. О., Бондарева Я. В., Буренков С. В., Каргин Н. Н. «Искусственный интеллект и благо человека». *Сибирский учитель* 5 (162) (2025): 12–18. EDN: RSENMТ.
- Arkhangelskaya N. O., Bondareva Ya. V., Burenkov S. V., Kargin N. N. “Artificial Intelligence and Human Welfare”. *Sibirskiy uchitel' = Siberian Teacher* 5 (162) (2025): 12–18. (In Russian).
- Ашкерова А. Ю. *Социальная антропология*. М.: Market DS, 2005. 605 с. Университетская серия.
- Ashkerov A. Yu. *Social Anthropology*. Moscow: Market DS, 2005. 605 p. (In Russian). Universitetskaya seriya.
- Бауман З. *Текучая современность*. Пер. с англ. [С. А. Комаров]. Под ред. Ю. В. Асочакова. М.: Питер, 2008. 238 с.
- Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. 238 p.
- Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*. Пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 238 с. Технология свободы.
- Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée, 1981. 235 p. (In French).
- Бостром Н. *Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии*. Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490 с.
- Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Rpt. ed. Oxford: Oxford Up, 2016. 432 p.
- Гиренок Ф. И. *Абсурд и речь: антропология воображаемого*. М.: Академический проект, 2012. 237 с. Философские технологии: hic et nunc.
- Girenok F. I. *Absurd and Speech: Anthropology of the Imaginary*. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2012. 237 p. (In Russian). Filosofskiye tekhnologii: hic et nunc.
- Гиренок Ф. И. *Клиповое сознание*. М.: Проспект, 2016. 254 с.
- Girenok F. I. *Mosaic Consciousness*. Moscow: Prospekt, 2016. 254 p. (In Russian).
- Горбунов А. С. «Искусственный интеллект и влияние на личность в среде массовой коммуникации». *Современные философские исследования* 3 (2025): 84–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-84-90>. EDN: YLSTXG.
- Gorbunov A. S. “Artificial Intelligence and Influence on Personality in the Mass Communication Environment”. *Sovremennyye filosofskiye issledovaniya = Contemporary Philosophical Research* 3 (2025): 84–90. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-84-90>
- Гусейнов А. А. *Философия — мысль и поступок*: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 845 с.
- Guseynov A. A. *Philosophy — Thought and Deed*: articles, reports, lectures, interviews. St. Petersburg: SPbUHSS, 2012. 845 p. (In Russian).
- Зубарев А. Е., Гасанов Э. А., Гасанов М. А., Спицын В. В., Спицына Л. Ю. «Экосистемное

- технологическое лидерство: стратегии, архитектуры и методы идентификации предприятий». *Вестник ТОГУ* 4 (79) (2025): 97–116. <https://doi.org/10.38161/1996-3440-2025-4-97-116>. EDN: RBVVIN.
- Zubarev A. E., Gasanov E. A., Gasanov M. A., Spitsyn V. V., Spitsyna L. Yu. “Ecosystem Technological Leadership: Strategies, Architectures and Methods for Identifying Enterprises”. *Vestnik TOGU = Bulletin of PNU* 4 (79) (2025): 97–116. (In Russian). <https://doi.org/10.38161/1996-3440-2025-4-97-116>
- Кастельс М. *Власть коммуникации*. Пер. с англ. Н. М. Тылевич. Под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
- Castells M. *Communication Power*. Oxford: Oxford Up, 2013. 624 p.
- Кутырёв В. А. *Последнее целование. Человек как традиция*. СПб.: Алетея, 2015а. 312 с.
- Kutyryov V. A. *Last Buss. Human as Tradition*. St. Petersburg: Aleteya, 2015а. 312 p. (In Russian).
- Кутырёв В. А. *Философия трансгуманизма*. М.: Директ-Медиа, 2015б. 85 с. EDN: UDIORH.
- Kutyryov V. A. *Philosophy of Transhumanism*. Moscow: Direkt-Media, 2015б. 85 p. (In Russian).
- Лекторский В. А. «Гуманизм против трансгуманизма. Прогноз и проект». *Философские науки* 68.1 (2025): 15–31. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-1-15-31>. EDN: YKCKKZ.
- Lektorsky V. A. “Humanism versus Transhumanism: Prognosis and Project”. *Filosofskiye nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences* 68.1 (2025): 15–31. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-1-15-31>
- Майкова В. П., Молчан Э. М., Ильченко Д. А., Ильченко Е. Ю. *Виртуальная реальность и искусственный интеллект: онтология, методология, аксиология*: монография. Сергиев Посад: Изд. А. А. Ларкин, 2025. 94 с. EDN: DKTJCW.
- Maykova V. P., Molchan E. M., Il'chenko D. A., Il'chenko E. Yu. *Virtual Reality and Artificial Intelligence: Ontology, Methodology, Axiology*: monograph. Sergiyev Posad: A. A. Larkin Publ., 2025. 94 p. (In Russian).
- Маклюэн М. *Понимание Медиа: внешние расширения человека*. 4-е изд. М.: Кучково поле, 2014. 464 с.
- McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Ed. with an introd. by L. H. Lapham. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. 389 p.
- Олин Р. А., Осипов М. Н., Тимофеев А. В. «Гибридная рабочая сила в цифровой экономике». *Экономика и предпринимательство* 10 (183) (2025): 386–390. EDN: HYBZYY.
- Olin R. A., Osipov M. N., Timofeev A. V. “Hybrid Workforce in the Digital Economy”. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* 10 (183) (2025): 386–390. (In Russian).
- О’Нил К. *Убийственные большие данные*. [Пер. с англ. В. Дегтяревой]. М.: АСТ, 2018. 319 с. Цифровая экономика и цифровое будущее.
- O'Neill C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. Danvers, MA: Crown, 2017. 288 p.
- Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс, 1986. 431 с.
- Prigogine I., Stengers I. *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Chicago, IL: New Science Library, 1984. 349 p.
- Розин В. М. *Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов*: монография. Йошкар-Ола: Поволжский гос. техн. ун-т, 2016. 279 с.
- Rozin V. M. *Engineering and Technology: From Stone Tools to Internet and Robots*: monograph. Yoshkar-Ola: Volga State U of Technology, 2016. 279 p. (In Russian).
- Романовский Н. В. «Фронеzis в концепции Бента Фливберга». *Социологические исследования* 1 (2012): 17–26. EDN: OTTWHN.
- Romanovskiy N. V. “Phronesis in Bent Flyvbjerg’s Conception”. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 1 (2012): 17–26. (In Russian).

- Смирнов С. А. «Антропологический поворот: его смысл и уроки». *Философия и культура* 2 (2017): 23–35. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.2.22058>. EDN: YGFXEH.
Smirnov S. A. “Anthropological Turn: Its Meaning and Lessons”. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture* 2 (2017): 23–35. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.2.22058>
- Тимофеев А. В., Губанов Н. Н. «Цифровизация с философской точки зрения». *Гуманитарный вестник* 2 (112) (2025): 128–136. EDN: RJASBI.
Timofeev A. V., Gubanov N. N. “Digitalization from a Philosophical Point of View”. *Gumanitarnyy vestnik = Humanities Bulletin of BMSTU* 2 (112) (2025): 128–136. (In Russian).
- Шваб К. *Четвертая промышленная революция*: пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 208 с. Top business awards.
Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Austin, TX: Penguin Group, 2017. 192 p.
- Ширки К. *Включи мозги: свободное время в эпоху Интернета*. М.: Карьера пресс, 2012. 275 с.
Shirky C. *Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age*. New York: Penguin Press, 2010. 256 p.
- Шмитт К. *Политическая теология*: сб. Пер. с нем. [А. Ф. Филиппова]. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 333 с. Civitas terrena.
Schmitt C. *Political Theology*: collection. Transl. from German [by A. F. Filippov]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole, 2000. 333 p. (In Russian). Civitas terrena.
- Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции*. М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. 349 с. Philosophy.
Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. New York: Picador, 2002. Xiv, 272 p.
- Aristotle. *The Nicomachean Ethics*. Transl. by J. A. K. Thomson, rev. with notes and append. by H. Tredennick. Harmondsworth: Penguin Classics, 2004. 400 p. Triskel Philosophy Series.

Информация об авторах

Мамедова Амина Набиевна — аспирантка кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0006-7154-5472.

Бондарева Яна Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0000-0002-0438-4035.

Авторский вклад

Мамедова А. Н. — формулирование идеи, гипотезы, цели исследования; написание первоначального текста.

Бондарева Я. В. — научное руководство; редактирование и доработка текста.

Information about the authors

Amina N. Mamedova — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., bldg. 10A), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0006-7154-5472.

Yana V. Bondareva — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., bldg. 10A), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0000-0002-0438-4035.

Author Contributions

A. N. Mamedova — conceptualization; writing — original draft.

Ya. V. Bondareva — scientific supervision; writing — review & editing.

Статья поступила в редакцию 18.03.2026, одобрена после рецензирования 05.05.2026.

The article was submitted 18.03.2026, approved after reviewing 05.05.2026.

Ильенковские чтения — 2025

«Диалектическая логика Э. В. Ильенкова в педагогике»: обзор международной научной конференции

С. В. Никишин^{1, 2}

¹ Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

² Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

mrshin@mail.ru

Аннотация. Подводятся итоги XXVI Международной научной конференции «Ильенковские чтения» — «Диалектическая логика Э. В. Ильенкова в педагогике», организованной Российским философским обществом «Диалектика и культура». Конференция состоялась 22–23 марта 2025 г. при деятельном участии центров философской мысли России и Казахстана. Круг проблем, поднятых в выступлениях докладчиков, позволяет осмыслить на метатеоретическом философском уровне противоречия в развитии становящейся личности, проявления масштабного цивилизационного кризиса и вечные вопросы о соотношении индивидуальной жизненной траектории с закономерностями развития социального бытия. В обзоре конференции излагается содержание основных докладов, сгруппированных по тематическому признаку.

Ключевые слова: диалектическая логика, философское наследие Э. В. Ильенкова, диалектический подход в современной педагогике, восхождение от абстрактного к конкретному, формирование личности в кризисных условиях

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Никишин С. В. «Ильенковские чтения — 2025 „Диалектическая логика Э. В. Ильенкова в педагогике“»: обзор международной научной конференции». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m12s02a20. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s02a20.kwxupk> EDN: KWXUPK.

Conference report

Readings from Ilyenkov — 2025 “E. V. Ilyenkov’s Dialectical Logic in Pedagogy”: Review of the international scientific conference

S. V. Nikishin^{1, 2}

¹ Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

² Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

mrshin@mail.ru

Abstract. The author sums up the results of 26th International scientific conference “Readings from Ilyenkov” — “E. V. Ilyenkov’s Dialectical Logic in Pedagogy” organized by the Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”. The conference took place on March 22–23, 2025 with the active participation of philosophical thought centers of Russia and Kazakhstan. The circle of problems to which the participants’ reports were dedicated has made it possible to comprehend at the meta-theoretical philosophical level the development contradictions of personality being rendered, the manifestations of massive civilizational crisis and the eternal questions about individual life trajectory correlation with objective laws of social being. The review of conference presents the content of main reports, grouped thematically.

Keywords: dialectical logic, E. V. Ilyenkov’s philosophical legacy, dialectical approach in modern pedagogy, ascending from the abstract to the concrete, personality shaping amidst crisis

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Nikishin S. V. “Readings from Ilyenkov — 2025 ‘E. V. Ilyenkov’s Dialectical Logic in Pedagogy’: Review of the International Scientific Conference”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m12s02a20. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s02a20.kwxupk>

Введение

Актуальность тематики конференции¹ во многом обусловлена качественным изменением в структуре вызовов, с которыми сталкиваются сегодня философия и педагогика. С одной стороны, вызовы эти обусловлены происходящей на наших глазах 4-й промышленной революцией, в процессе которой прежняя, свойственная XX в. парадигма развития глобальной экономики и глобальной культуры подвергается слому под влиянием автоматизации и роботизации про-

изводств, развития и глубокого внедрения технологий ИИ, зависимости самых разнотуровневых процессов от Big Data, фактического слияния офлайн- и онлайн-форматов существования в пространстве повседневности. С другой стороны, мы являемся современниками масштабного цивилизационного кризиса, предельно обостренного как в форме военных конфликтов, так и в рамках продолжительных экономических войн. Вследствие этого оказался размытым и проблематичным образ будущего, с которым

© Никишин С. В.

¹ «Наши публикации». Российское философское общество «Диалектика и культура»: сайт. 03.06.2026. <<https://dialecticus.ru/ru/publications/>>.

предстоит встретиться при вступлении во взрослую жизнь сегодняшним школьникам и студентам. Наиболее значимой функцией педагогической науки в условиях современного кризиса представляется развитие у учащихся такого типа мышления, который дал бы возможность не только и не столько узкоспециализированной нишевой социальной адаптации, сколько выработки стратегий самообучающегося интегративного поведения. Такого рода постановка основной педагогической задачи отнюдь не нова. О ее непреходящей важности писал Э. В. Ильенков в знаменитой брошюре «Школа должна учить мыслить» (1964). Однако на современном этапе дальнейшее невнимание к этой задаче грозит нарастанием социальной дезадаптации подрастающего поколения. Во избежание этого человек в XXI в. должен как минимум уметь гибко планировать свою социальную траекторию. Но такое возможно лишь при достаточном понимании закономерностей развития социального бытия и умении соотносить собственную индивидуальную жизнь с этими закономерностями, т. е. осуществлять в процессе мышления восхождение от абстрактного к конкретному. Это едва ли представляется возможным без освоения диалектической логики как отражения на всеобщем уровне мышления конкретной логики развития действительности. Подобная постановка вопроса выводит педагогику на метатеоретический философский уровень.

Именно поэтому в названии конференции обозначена проблема использования диалектической логики в педагогической деятельности. Речь идет не только о том, как понимание диалектической логики Э. В. Ильенковым отразилось и на педагогической теории, и на конкретных педагогических процессах (например социализации и обучения слепоглухонемых детей), но и о судьбе диалектического подхода в современной педагогике. Диалектика предполагает

рассмотрение любой проблемы как развития взаимодействующих противоположностей, ее породивших. Любая педагогическая ситуация основана на этом диалектическом взаимодействии. Логический момент здесь — это понимание закономерностей развития проблемы, которое должно быть реализовано и педагогом, и учеником. В противном случае процесс обучения в практической плоскости превращается в выполнение определенного набора операций в целях заучивания, а в теоретической — в формирование целевой установки на то, чтобы выучить и как-то воспроизвести учебный материал устно или письменно. Прекрасным стимулом для такой постановки образовательных задач в школе служит ЕГЭ (материалы которого большинство абитуриентов забывают уже вскоре после сдачи, за отсутствием практической надобности). Между тем одним из центральных моментов ильенковской философии педагогики является положение о том, что зубрежка и формализация образовательного процесса — как вместе, так и по отдельности — глубоко недиалектичны и наносят немалый вред мышлению учащихся. «Искалечить мышление легко, а излечить очень трудно, — писал Э. В. Ильенков в знаменитой брошюре „Школа должна учить мыслить“. — И один из самых верных способов такого уродования интеллекта — формальное заучивание знаний. <...> Зазубренная без понимания „абсолютная истина“ становится для мысли чем-то вроде рельсов для поезда. Мысль призывают двигаться только по проторенным путям. И все, что вправо и влево, представляется при этом несущественным, неинтересным» (Ильенков, 1984: 15). Иными словами, образовательный формализм приводит к тому, что ученик так и не осваивает диалектический подход к постановке и решению образовательных проблем. А если такой диалектической «тренировки» нет в школе и вузе, то нет и опыта творческого разрешения жизненных

противоречий во взрослой жизни. А ведь профессиональные, социальные, научные, этические, мировоззренческие противоречия и составляют содержание нашего бытия. Таким образом, аспект диалектического развития остается вне поля осознания многих людей.

Подобное положение дел чревато не только личностными проблемами, но и тяжелыми социальными кризисами, вплоть до цивилизационных. Поэтому на конференции стали предметом острой дискуссии возможности и перспективы вхождения диалектической логики не только в педагогическую теорию, но и в реальный институционализированный образовательный процесс. Вокруг этого предмета и сформировались основные проблемные сферы, каковые обсуждались участниками Ильенковских чтений 2025 г. Ниже рассмотрим их в связи с конкретными докладами и их обсуждением.

Формирование личности в современном обществе

В целом основной акцент в раскрытии проблемы соответствовал вопросу В. Н. Суханова (доклад «Творчество Э. В. Ильенкова в контексте личностного начала»): «С чего начинается личность?» Многие выступления в значительной мере вращались вокруг этого вопроса, ответ на который далеко не столь очевиден, как кажется на первый взгляд. По мнению М. В. Василенко (доклад «К проблеме становления субъектности»), «личность начинается с самосознания». Однако первый акт самосознания обусловлен воздействием коллектива, который в свою очередь детерминирован социально-экономическими, культурными и политическими реалиями того или иного периода. Семейный коллектив, как правило, дает первоначальный толчок формированию личности, но насколько этот процесс будет успешным и целостным — зависит от многих других коллек-

тивов. В докладе М. В. Василенко шла речь именно о фрагментарности воздействия разных коллективов на личность. Испытывая влияние профессиональных, дружеских, семейных, учебных и иных коллективов, человек не может свести всё это воедино, дабы сформировать собственную, хорошо осознаваемую траекторию личностного развития. Это, к сожалению, совершенно не удивительно в силу того, что большинство таких коллективов представляют собой своего рода узлы современной капиталистической системы. Их частичность соответствует капиталистическому способу разделения труда, что обрекает их на отчужденность друг от друга. В ходе дискуссии по этому поводу было высказано остроумное замечание: самим термином «коллектив» как философской категорией стоит пользоваться с известной осторожностью, поскольку далеко не всякая организация людей для удовлетворения различных совместных потребностей может называться «коллективом» в том смысле, какой в него вкладывал, например, Макаренко. Скорее, это суррогаты полноценных коллективов, под влиянием которых процесс формирования целостной, хорошо саму себя осознающей личности так и не будет завершен. Эта еще сократовская задача самопознания столь же актуальна в наше время, как и две с половиной тысячи лет назад. Соответственно и сегодня отчуждение личности от самой себя в процессе фрагментаризованной социализации в рамках разных коллективов и социальных институтов — очевидная и труднопреодолимая проблема.

В ходе дальнейшей дискуссии также был сформулирован тезис, что личность начинается с другой личности. В случае если личностный *образец* (родителя, значимого взрослого, учителя и т. п.) так же частичен, фрагментарен и не складывается в целостный *образ*, формирующейся личности крайне трудно достигнуть качественного осознания себя, истинных, уникальных жизненных целей

и способов их достижения. Если же этого не происходит, то формируется, следуя точному определению К. Маркса, «профессиональный кретин» — по тому образцу, что выкроен для различных социальных групп в рамках эксплуатационной системы отношений.

Важную роль в прояснении вопроса о первоначале личности сыграл доклад Н. И. Карповой «Природа мышления и его логика», посвященный различению категорий субъективности и субъектности. Действительно, далеко не всегда носитель субъективной позиции, вкусов, мнений и т. п. является самостоятельным субъектом общественных отношений. Мы живем в мире релятивизма и субъективизма, которые служат прекрасной почвой для социальной эксплуатации и манипулирования сознанием. Н. И. Карпова подчеркнула, что при работе со студентами стоит задаваться вопросом развития их субъектности, создания таких педагогических ситуаций, когда за иллюзорными покровами субъективности развивается самостоятельно мыслящая и действующая личность. В значительной мере выявление и развитие собственной субъектности — это движение к выполнению сократовского императива «познай самого себя».

Проблема формирования личности в современном обществе не может быть должным образом осознана без понимания роли государства, в том числе его манипулятивных систем, в этом процессе. В связи с этим О. Ф. Ивашук в своем докладе «Диалектика признания и воспитание» затронула сложнейшую диалектическую проблему роли государства в сдерживании схизмогенеза (наращивания властных возможностей и жизненных перспектив одной группы за счет подавления другой). Такая постановка вопроса позволила взглянуть с весьма оригинальной точки зрения на историческую роль государства в развитии ребенка. Дети и в античный период, и в средние века фактически были

собственностью семьи, а родители «были склонны использовать возможности схизмогенеза по отношению к детям до конца», в результате чего жизнь и судьба детей полностью зависела от их прихоти. Как отметила О. Ф. Ивашук, по мере своего институционального развития государство отбирает у родителей монополию на внутрисемейное насилие. В этом смысле роль даже классово несправедливого государства в увеличении властных шансов детей следует оценивать однозначно положительно. Образование, в конечном счете, стало центром государственной заботы. Представители государственного института рассматривают подрастающее поколение как ключевой ресурс. От успеха контролируемой посредством образования социализации молодежи зависит судьба государства и характер его развития. Соответственно борьба со схизмогенезом детской группы — важная государственная задача.

Однако несомненные успехи государственной образовательной политики, повысившие уровень свободы детей от родителей, приводят к новой форме несвободы. В докладе «Логический кризис в развитии современной педагогики как основание цивилизационного кризиса» были представлены доводы в пользу этого. Специфика мышления, преимущественно старших школьников и студентов, охарактеризована нами как клиповое и даже «кликерное» — яркое, образное, обусловленное большим количеством нерациональных факторов, но не требующее длительного удержания в памяти каких-либо сложных логических цепочек. Сегодня такое мышление становится преобладающим. Наиболее опасной тенденцией нам представляется деградация критического, прогностического, планирующего мыслительного паттерна. В связи с этим расширяется поле возможностей для манипулирования сознанием со стороны различных властных субъектов (государств, олигархических корпоративных групп, конкретных политиков,

религиозных деятелей и т. п.). Достаточно сформировать яркий, клиповый образ псевдодействительности, чтобы с его помощью вовлечь широкие массы в круг иллюзорных мировоззренческих ценностей, выгодных инициаторам манипуляции. Мерой этой манипулятивной вовлеченности служит время, которое тратится на реализацию личностью чуждых ей социально-экономических интересов. А шансы манипулятивного воздействия на успех тем выше, чем более те или иные социальные группы привычны к потреблению продуктов виртуальной/сетевой «реальности».

В связи с проблемой усиления манипулятивного воздействия актуализируется проблема самоидентификации личности в современных условиях. В частности, А. Т. Жиренова в докладе «Самоидентификация в образовательном процессе: к специфике манипулятивных и диалектических контекстов» отметила, что самоидентификация отражает способность человека усваивать общественный опыт, интегрируя его в собственную жизнь. В свете логико-диалектического подхода, специфика усвоения социального опыта через самоидентификационный процесс обусловлена и отношением человека к себе, и взаимоотношениями с непосредственным окружением («другими») и с той общественной тотальностью, с которой личность взаимодействует. Соответственно самоидентификационные модели личности могут быть манипулятивно сформированы, что массово и происходит сегодня. И противопоставить этому, по мнению докладчицы, можно именно использование диалектического контекста в образовательном процессе. Однако представляется, что полаганию такого контекста препятствует современная государственная образовательная система, которая в существенной мере заинтересована в целенаправленном формировании таких идентичностей, которые в первую очередь выгодны правящим политэкономическим элитам.

Можно сделать вывод, что дискуссия о формировании личности под влиянием различных образовательных систем вращалась вокруг проблемы противоположения личности и общества, личности и государства. Существующий в рамках любой развитой государственной образовательной системы государственный образовательный стандарт преимущественно ориентирован на социализацию поколения, которое сможет воспроизвести прежде всего действующую систему общественных отношений. Л. С. Выготский утверждал: «Каждый человек есть в той или иной степени мера того общества или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений» (Выготский, 1982: 403). Однако это не пассивное отражение. Один из ключевых моментов развития личности в рамках современной педагогики — то, насколько мера личности сможет превзойти, превозмочь, *снять* те противоречия, которые свойственны данному типу общественных отношений. То есть насколько его мера окажется большей, чем те меры стандартов, что применяются к нему в рамках любой формализованной образовательной системы. В связи с этим Г. В. Лобастов пишет: «Однако *истинная мера личности* есть истина общественного бытия. Иначе говоря, общественный идеал. То есть тот образ человеческой действительности, который определяется логикой общественного развития, но ни в коей мере не обобщением содержания наличного бытия» (Лобастов, 2023: 249). Общественный идеал может складываться отчужденно, т. е. посредством формирования воспитательной части образовательных программ, использования СМИ и других средств, содействующих популяризации и героизации тех образов, которые способствуют поддержанию конкретной системы общественных отношений и на которые будут ориентироваться широкие массы. И это тоже одна из фундаментальных образовательных проблем, вследствие того, что отчужденный

общественный идеал однажды становится настолько далеким от конкретных жизненных обстоятельств и наличных противоречий, что перестает быть массовым целевым ориентиром (на чем неоднократно делал акцент Э. В. Ильенков). Это один из факторов духовного кризиса общества, суть которого, иными словами, в расхождении истины общественного развития и декларируемого в рамках государственной системы образа идеальной личности.

Содержание истины и метод ее познания

Рассмотренная выше проблематика формирования личности выводит нас на проблему *содержания истины и метода ее познания (а именно — метода восхождения от абстрактного к конкретному)*. Утверждение, что мера личности есть истина общественного бытия, требует прояснения вопроса о том, какова же эта конкретная мера истины. Это стало еще одной важной дискуссионной сферой Ильенковских чтений 2025 г. В качестве одной из отправных точек для дискуссий об истине приведем определение А. В. Зубко (доклад «Субстанция: Спиноза, Ильенков»): «Истина — процесс развития субстанции в форме человека, который выражает через себя потенции субстанции». Из этого определения уже очевидно, что вопрос процессуального понимания истины связан с поиском и определением метода. Наибольшую полемику в связи с этим вызвал метод восхождения от абстрактного к конкретному как непосредственно проявляющий диалектическую сущность мышления. Так, С. Р. Когаловский в докладе «Заметки о рациональном мышлении», отталкиваясь от тезиса: «мышление — это постоянный перевод с языка образов — на символический, операторный язык», утверждал, что в данном процессе иррациональные элементы неизбежно играют значительную роль. Соответственно внерациональные («надрациональные», «дорациональные» и т. п.) формы мышления

необходимы для развития рационального. В связи с этим С. Р. Когаловский поднял вопрос о «смысловом скачке» из «лона эмпирического», «прорыве в теоретическое», на понятийный уровень, через творчество, через обращенность к понятию предела. То есть конкретное рациональное вырастает не только из рассудочных абстракций, но и из стихии образов, всегда детерминирующих мышление.

Однако после того как вышеобозначенный «смысловой скачок» происходит, эвристический потенциал восхождения от абстрактного к конкретному реализуется через разворачивание диалектической категориальной системы. А это, как подчеркнул в своем докладе М. Ю. Морозов, задача, приобретающая «небывалую остроту». Докладчик отметил, что Э. В. Ильенков решал вопрос возможности порождения системы категорий как науки об истине. М. Ю. Морозов обратил внимание на то, что эта истина в конечном счете носит педагогический характер. Такой позиции придерживался и Гегель, поскольку в рамках его концепции идея существует как способность в человеке. И реализовывать свой потенциал эта способность начинает с чистого «ничто» младенческого сознания, которому предстоит дорасти до идеи. Но и в уже взрослом человеке «ничто» заключается в сократовском «я знаю, что ничего не знаю». Именно из этой точки начинается самостоятельное (в форме *саморазвития*) порождение системы категорий как своей собственной способности. Поэтому у Э. В. Ильенкова система категорий развивается через педагогическую деятельность. В педагогическом смысле гегелевская позиция: абсолютный идеализм — это абсолютное опосредствование, связь всего со всем, — совершенно справедлива, поскольку отражает логику становления универсально развитой личности, которая индивидуально, через свою уникальную связь с идеальным, выражает всеобщее.

Таким образом, М. Ю. Морозов убедительно показал, что проблема познания истины посредством реализации метода восхождения от абстрактного к конкретному выводит нас на проблему формирования личности, уже затронутую ранее. *Педагогическая истина формирования личности — это истина познания мира культуры через категориальную систему, выражающую универсальную мыслительную способность.* И этот путь познания начинается там же, где начинается личность: по выражению участника конференции М. А. Иванова, «в точке схождения бытия и ничто».

При анализе восхождения от абстрактного к конкретному В. Н. Суханов поднял проблему конкретности в педагогическом процессе и подчеркнул существенное различие, даже противоречие между чувственной и логической конкретностью. Снятие этого противоречия происходит через вычленение чистой логической формы педагогического процесса и удержание ее во всей чувственной конкретности. Задача педагогов, по мнению докладчика, — «это вывести ученика в такую точку, чтобы он своей рукой написал „Феноменологию духа“», т. е. пришел сам в свою исходную точку бытия-и-ничто и из этой ничтожности «сотворил себя как субъекта, как понятие, вывел себя в состояние рефлексии, обнаружил свои сущностные противоречия, и вывел себя в точку свободы, и стал, тем самым, субъектом».

В конечном счете на этом пути ряд участников конференции (Н. В. Листратенко, А. М. Самаркина-Брыль) видят возможность преодоления субъективизма в философии, без чего невозможно рассчитывать на то, чтобы диалектика стала объективной основой для педагогики, нацеленной на формирование универсальной мыслительной способности личности.

Таким образом, рассмотренная выше серия докладов, посвященных методу восхождения от абстрактного к конкретному в пе-

дагогическом процессе, позволяет пролить свет на вопрос, какая конкретно «мера личности» может быть истиной общественного бытия. Это — свободный субъект, который может определять направление собственного образовательного процесса. И свобода здесь заключается не в том, чтобы, например, после сдачи ЕГЭ самостоятельно выбрать тот профиль образования, который позволяют реализовать полученные на госэкзаменах баллы. Это свободное состояние субъекта, способного выйти за пределы наличной образовательной необходимости и рассматривающего решение частной задачи (выбор направления обучения) как действие с общественно-историческим резонансом. Оно возможно, вследствие того что любая профессия, любая наука созданы, чтобы разрешить конкретные противоречия общественного бытия, позволить социуму эволюционировать дальше, причем не в рамках развития неочеловеченной природы и не по алгоритмам, задаваемым существующей системой общественной эксплуатации, а по логике свободного развития универсальной мыслительной способности человека.

Конечно, такого рода восприятие педагогической истины — как идеала свободной личности, способной к диалектическому саморазвитию, — в существенной мере противоречит современным педагогическим трендам, направленным на поиск и специализированное развитие талантов в узких профессиональных сферах. Педагогическая установка на формирование личности, которая воспринимает свою индивидуальную судьбу как осознанное движение по контуру истории, не совпадает с установкой на встраивание развитого профессионала в существующую структуру. Это противоречие лежит в основании различных философско-педагогических подходов к развитию цивилизации. Ильенковские чтения 2025 г. актуализировали этот вопрос в исторический период слома прежней цивилизационной

структуры, причем не на уровне глобальной философии истории, а обращаясь к микроисторическому основанию любого масштабного социального процесса: к формированию конкретной личности посредством ежедневного развивающего взаимодействия воспитателей и воспитуемых.

Сущность педагогического процесса

Непосредственно связана с проблемным кругом формирования личности в современном обществе **проблема педагогического процесса как «воспитания ума»** (формулировка О. А. Григорьевой). В свете этого вопроса задача педагога видится в организации таких условий, в которых ум, самостоятельное мышление смогли бы сформироваться. Здесь возникает острейшая проблема: перед институтом государства как основным организатором образовательного процесса стоит задача посредством реализации комплекса учебных программ сформировать мышление, воспроизводящее паттерны, необходимые для сохранения и развития данного общественно-экономического строя. Отсюда и направленность образовательной системы на отбор одаренных в конкретных предметных областях детей, без заботы о формировании универсальной способности мышления, без цели создания универсально развитой личности. Тот педагогический процесс, о котором говорила в своем докладе О. А. Григорьева, входит в определенное противоречие с современным официальным пониманием образовательного процесса. На это неоднократно указывал и Э. В. Ильенков, начиная с книги «Школа должна учить мыслить». О. А. Григорьева в своем докладе подчеркнула, что учитель с точки зрения развития универсальной мыслительной способности должен быть «представителем всего человечества». Но на деле он — представитель своего предмета (нередко понятого лишь абстрактно) и института государства, которое является его нанимателем.

Вокруг этого коренного противоречия также вращалось немало дискуссионных докладов на Ильенковских чтениях. В частности, Е. М. Дмитриевский в своем докладе логически продолжил эту тему: «Познание начинается с противоречия: от известного — перейти к неизвестному». Для того чтобы задействовать самостоятельное мышление, ученику необходимо вырабатывать новую мыслительную схему, позволяющую расширить область познания, совершить качественный скачок, дающий возможность самостоятельно познать неизвестное. Для этого, по утверждению Е. М. Дмитриевского, «педагог формулирует ситуацию целенаправленно заданного творческого порыва у ребенка». В данном контексте от педагога требуется «ювелирная точность выстраивания процесса обучения», чтобы, с одной стороны, не угасить активность мысли, а с другой, не допустить, «чтобы ребенка охватило пламя безудержной и совершенно беспочвенной фантазии». При таком диалектическом, проблемном подходе к обучению чрезвычайно важную роль приобретает взаимосвязь логического и исторического в педагогическом процессе. Действительно, если логика решения задачи не будет иметь твердого основания в историческом развитии предмета, последний станет восприниматься ребенком как абстрактный, оторванный от жизни; при таком раскладе образовательная ставка делается на некритическую зубрежку, и в дело вступает скука — страшный враг успешной педагогической деятельности. По Ильенкову, учебный процесс может считаться диалектическим лишь в том случае, если, со всей ясностью осознав противоречие, мы находим ему «предметно наглядное разрешение». В противном случае не происходит восхождения от абстрактного к конкретному в процессе познания, и громадный объем активного времени жизни учителя и ученика оказывается потрачен впустую, ибо усвоенные знания забываются почти сразу после

выполнения формальных требований по их контролю (вершина которых — ЕГЭ, многие вузовские зачеты и экзамены и т. п.).

В этом контексте В. А. Устюгов, характеризуя проблемы современного школьного/вузовского обучения, солидаризируется с выводами Э. В. Ильенкова, сделанными более чем полвека назад: школа, вместо того чтобы учить мыслить, учит оречевлять или визуализировать материал. Ильенков полагал отношение к противоречию самым точным критерием ума. Но овладеть противоречием можно лишь на очень высоком уровне интеллектуальной культуры. «Как овладеть им, если этой культуры в школе нет?» — такой ключевой вопрос был сформулирован В. А. Устюговым. Стоит акцентировать внимание на том, что оречевление действий у детей с замедленным развитием речи — предмет традиционного интереса коррекционной педагогики в общем и логопедии в частности. И соответственно, исходя из теоретических положений, которые разработали Л. С. Выготский, А. И. Мещеряков, Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, в коррекционной практике было выявлено эффективное формирование речевого навыка в том случае, если действие подкрепляется его оречевлением, осуществляемым как бы по контуру этого действия, в последовательности дело-слово. Однако в рамках традиционных приемов школьного обучения методом пересказа материала, почерпнутого из учебников или рассказа учителя, возникает вопрос: какое дело здесь оречевляется? Чтение учебника или слушание? А как тогда вскрываются те реальные противоречия, ради разрешения которых и существуют все учебные предметы?

Еще более обострила этот вопрос Т. Н. Ищенко в докладе «О проблеме вербализма в учебном процессе». «Вербализм и формализм» справедливо определяются как «болезнь современной педагогики». Есть мир мысли и мир языка. Миру мысли

присущ логический (формальный и диалектический) строй; миру языка более свойственен грамматический строй, а следовательно, нужно четкое воспроизводство языковых форм. Поэтому здесь работает элементарный принцип: «зазубри — выучи». Но такого рода формальный подход терпит фиаско, когда, зазубрив определения, ребенок не может решать задачи, поскольку здесь требуется качественный переход от вербального к логическому, от непосредственного — к опосредованному. Именно эту проблему перехода к понятию рассматривал Гегель. Э. В. Ильенков в статье «Гегель и проблема способностей» (Ильенков, 1991) специально останавливался на том, что проникновение в суть понятия через формализм определений происходит как через аналитические, так и через синтетические процедуры. Иными словами, ребенок в процессе освоения определений, их анализа, воспользовавшись средствами логики, должен овладеть понятием, произвести восхождение от вербальной абстракции к конкретно-логическому. Сначала надо обнаружить вместе с учеником противоположные начала в теме исследования, а потом вывести понятие. Однако обучение в школе производится в коллективе, поэтому нужно также преодолеть вербализм в ходе классного обучения. С этой целью Т. Н. Ищенко предлагает своего рода разделение труда, которое бы способствовало переходу всех членов учебного коллектива от вербального к логическому. В группе каждый должен сам выбрать себе посильное задание и взять на себя ответственность за него. Это путь к решению проблемы вербализма — через свободу выбора учеником той задачи, что является частью общей, коллективно решаемой проблемы.

В последовавшей за докладом Т. Н. Ищенко дискуссии было затронуто соотношение понятия и образа в непосредственной педагогической деятельности.

Чем богаче образное содержание понятия, тем большей дидактической силой оно обладает. И наоборот, чем меньше образности, тем больше формализации и тем сильнее в образовательном процессе развивается упомянутая «болезнь вербализма». Соответственно восходящая к Платону эйдетическая слитность понятия и образа служит эффективным лекарством от этого образовательного недуга.

В докладе В. Т. Кудрявцева «Школа должна учить воображению» говорилось, с одной стороны, о том, что такого рода тезис вновь моден в современной педагогической парадигме, с другой стороны, что эта сегодняшняя тенденция — очень неполное, лишь частичное продолжение тезиса, сформулированного Ильенковым в 1962 г. Единство воображения и мышления — условие успешного проблемного обучения. Однако В. Т. Кудрявцев рассматривает воображение не как обращение к фантастическому, а как забегающее вперед образное мышление, связанное с использованием «знаково-символической презентации». В качестве сущностного примера он приводит простейшую «зарубку на дереве в лесу»: оставить зарубку — действие, которое начинается с сотворенной воображением необходимости заботы о другом, совершенно неизвестном человеке, который может в этом лесу заблудиться.

И. А. Ляшко в докладе «Образование духа: Ильенков между классической философией и педагогикой» утверждает, что даже погружение человека в практическую ситуацию (метод кейс-стади) не решает проблемы догматизации и формализации образования и не гарантирует развития универсальной способности мышления, ибо сегодняшняя и завтрашняя практические обучающие ситуации могут быть совершенно не связаны друг с другом, а следовательно, учебная практика остается частичной. Ключевым понятием в деле развития познающего, а не вос-

производящего мышления является деятельность, в которой для Ильенкова выражается единство теории и практики. В идеале «методически созданные» в ходе учебного процесса противоречия дают некоторые гарантии того, что в итоге будет сформирована личность, мыслящий человек. Стихийный же опыт этих гарантий не дает. И ильенковская теория может быть руководством для педагогов, которые без теоретического основания способны лишь реагировать на потребности исторического момента.

Подчеркнем: проблема формальной вербализации учебного материала, невзирая на периодическую ее актуализацию в философской и педагогической литературе, по-прежнему не решена. Мало того, она качественно развивается. Активное использование текстов, сгенерированных искусственным интеллектом, — прямое следствие разрастания этой проблемы. Школьнику или студенту достаточно преподнести преподавателю машинный текст (который всё сложнее распознать по формальным признакам) и в ряде случаев озвучить его. Такого рода вербализация превращает процесс обучения в симуляцию. Борьба с ней в современных условиях представляется возможным посредством систематического использования названных ранее «методически созданных» противоречий, направленных на формирование не умения вербально воспроизводить материал, а способности реально превосходить противоречия, заключенные в нем. В таком случае процесс оречевления, о котором говорили докладчики, помимо коррекционного значения приобретает смысл «оречевления мысли» (Феофилов, Суров, 2019) как способности языка «разрешать противоречия только в идеальном пространстве, в пространстве смыслов» (Лобастов, 2025: 313).

Реализация философских методов и теорий

Немало докладов было посвящено тому, *насколько успешно реализуется метод восхождения от абстрактного к конкретному, а также используется ильенковская теория идеального в конкретных науках (истории, экономике, политэкономии, общественном знании, медицине катастроф, истории философии, культурологии и др.)*. В частности, в докладе Н. К. Попадюка был дан интереснейший анализ дихотомии экономического пространства и экономического времени современности. Важный вывод докладчика: «На первый план в организации экономического пространства выдвигается не собственность, но власть», которая старается организовать экономическое время к своей выгоде. Таким образом, сегодня вырабатывается новый формат экономической деятельности. Впрочем, взаимопереход экономического пространства в экономическое время происходит, по утверждению Н. К. Попадюка, не впервые: СССР, например, вытаскивал свои азиатские окраины из властно-собственнических отношений азиатского способа производства.

В докладе В. В. Пшенникова речь шла о том, насколько успешно применялся метод восхождения от абстрактного к конкретному в политэкономии. Докладчик солидаризовался со многими выступавшими до него в том, что данный метод — по сути, единственный в разработке научной теории, ибо вбирает в себя фактически весь категориальный аппарат диалектической логики. Важным моментом его применения является диалектический анализ противоречия. Однако даже такие видные ученые, как А. А. Зиновьев и Н. А. Цаголов, не смогли его должным образом использовать и извлекли из труда «Капитал» и диалектической логики лишь некую категориальную «сетку», а не полноценно работающий метод.

П. С. Максимов в докладе, посвященном «проблеме осмысления истории социализма

в XX в.», пришел к выводу, что целостного понимания советской истории можно достигнуть, лишь рассматривая ее как попытку выйти в сознательное творение истории.

С. Н. Бычков с весьма оригинальной точки зрения рассмотрел в своем выступлении разделение труда и характер отчуждения/овеществления как основание для развития различных цивилизаций.

Несколько интересных докладов было посвящено историко-философской сравнительной характеристике диалектического метода: с одной стороны, в понимании Э. Ильенкова и М. Лифшица и, с другой стороны, в интерпретациях западных философов-постмодернистов-неомарксистов. А. С. Сюткин задался вопросом соотношения философии Ф. Джеймсона и К. Маркса. Выводом стал обоснованный тезис о том, что Джеймсон (знакомый с трудами Лифшица) рассматривает диалектику как метод прочтения текстов и осуществления метакомментария, позволяющего разрешить конфликт множественных постструктуралистских интерпретаций, т.е. заново собрать воедино деконструированный текстуальный мир. А. Р. Третьяк, сравнивая концепции Э. Ильенкова и Л. Альтюссера, заключил, что обоих философов можно отнести к представителям неомарксизма. Хотя несомненно то, что Альтюссер, с его концепцией мульти-темпоральной общественной сверхдетерминации, пытается разрешить проблему уже постмодернистского кризиса философии, активно интерпретируя диалектическую марксистскую методологию (тогда как для Ильенкова рассмотрение западного философского деконструктивизма существенного значения не имело).

Наконец, оригинальный анализ диалектического материализма советского периода произвел В. А. Рыбин. В советском диамате, по его словам, четко определились два столпа: это диалектика, основывающаяся

на материалистическом прочтении гегелевского метода (сюда можно отнести и Ильенкова), и диалектическая интерпретация естествознания (московская школа философии, догматическая версия диамата). Причем школа Ильенкова производит «сдвиг в сторону человека», но, опираясь на Вygотского и Спинозу, в существенной мере усваивает фатализм последнего. Однако в условиях современной глобальной угрозы самому существованию человечества, по мнению В. А. Рыбина, опоры на Спинозу и Гегеля недостаточно для выработки метода, адекватного насущным проблемам. Нужно практическое марксистское «новое учение о жизни», которое только предстоит разработать

Отметим, что целая серия докладов, сделанных на Ильенковских чтениях 2025 г., фактически охватывает все обозначенные выше проблемные сферы. Они составили своего рода базовую смысловую матрицу конференции, на основании которой развивались дискуссии по итогам докладов и был заложен фундамент для ряда последующих научных событий в рамках изучения и развития ильенковской философской традиции. В частности, Г. В. Лобастов афористично указал на кризисное с точки зрения формирования творческого мышления состояние дел в современной школе, где имеет место «глубокий гнет мыслительной способности», поскольку таковая низводится до приспособления мышления к решению практических буржуазных задач, не более того. Фактически индивиды пытаются сформировать «по схеме искусственного интеллекта», т. е. делают ставку на усвоение определенного количества абстрактных алгоритмов решения учебных задач.

Доклад Вен Амина был посвящен практической интерпретации высказывания Э. В. Ильенкова о том, *как* нужно «смотреть глазами всего человечества». Очевидно, что как субъект общественно-исторического процесса человечество крайне противоре-

чиво и успешно натворить такие ужасы, что в нем впору десятикратно разочароваться. Следовательно, этот взгляд должен в снятом виде непременно содержать те достижения культуры, которые позволили людям подняться — как из жестко детерминированного мира природы, так и из царства социальной необходимости — в пространство свободы диалектического мышления (которое есть потенциальная способность к реализации действительного царства свободы). Исконные культурные достижения выражаются в форме понятий, категорий, в которых сливается логическое и образное содержание, ибо «понятие без образа — это безобразное понятие».

В докладе Н. В. Гусевой «Судьба и перспективы диалектической традиции в мировой философии» был поставлен вопрос: а возможна ли в принципе ситуация исчезновения диалектики? Отвечая на него, автор указала на ответственность «носителей диалектического понимания общества и природы» за сохранение традиции, невзирая на давление социально-экономических реалий, жизненных обстоятельств и т. п. «Диалектическое мышление должно быть не спящим, а воинствующим», т. е. активно развиваемым как для посильного изменения конкретных общественных институтов, так и для самосовершенствования. Конечно, государственные институты не настроены на реализацию диалектических принципов, поскольку в их основе лежит манипулятивная деятельность, в рамках которой человек рассматривается как функционер, а не обладатель диалектического метода. Однако Н. В. Гусева не считает это причиной для пессимизма. В силу того, что диалектика отражает развитие общества и природы, она обладает тем, что в древности называли «энергией». Такого рода энергетическая сущность диалектически становящегося идеального и не позволяет данной традиции погибнуть, поскольку сама является органическим аспектом объективного

развития мира в целом. Как нельзя отрицать развитие, так нельзя и уничтожить диалектику.

Наконец, на конференции прозвучал доклад А. Д. Майданского о готовящемся выпуске последней книги Э. В. Ильенкова «История одной пластической операции». Докладчик сравнил первичный текст книги и последующую его компиляцию, рассказал о мощнейшем критическом заряде, направленном против позднейшего советского марксистского официоза. Исследование этой книги позволяет многое прояснить в эволюции взглядов Ильенкова, в особенности в части понимания глубокого философско-идеологического кризиса позднего советского строя.

Выводы

На круглом столе в завершение Ильенковских чтений подведены итоги по каждой из рассмотренных больших проблем.

Проблема формирования личности в современном обществе во многом детерминирована крайне значимыми изменениями в мышлении детей, подростков и молодежи, обусловленными как длительным пребыванием в сетевой реальности, так и кризисом общественного идеала, каковой приобретает всё более манипулятивное значение. Наряду с этим никуда не исчезает противоречие между свободой личностного развития и государственным образовательным заказом. Этот комплекс проблем не разрешить в одночасье посредством очередного административного реформирования образовательной системы. Многие участники конференции резюмировали: и от понимания диалектической логики педагогического процесса, и от возможностей реального вхождения учащихся в логику диалектического развития того или иного осваиваемого предмета зависят судьбы гуманистического образования как такового.

Проблема истины в педагогическом плане предстала во многих докладах в процессуальной форме — как истина присвоения становящейся личностью мира культуры в его сущностных моментах, в том числе в категориях диалектической логики. Мышление, осуществляемое диалектически, позволяет присваивать культурные образцы посредством разрешения на теоретическом уровне острых противоречий, неизбежных при любом живом культурном развитии. Собственно, усвоение такого мышления и педагогами, и учащимися и есть искомая целевая диалектическая истина педагогического процесса.

Проблема педагогического процесса как «воспитания ума» включает в себя задачу развития продуктивного, «забегающего вперед», планирующего воображения, а также вопрос формирования умения выявлять существенные моменты тех противоречий, которые педагог должен создавать для учащихся. Участники конференции — профессиональные педагоги, психологи, философы — были единодушны во мнении, что основные препятствия «воспитанию ума» заключаются в формализации, вербализации и бюрократизации как самого педагогического процесса, так и процедур проверки и оценки. В результате огромный пласт данных, получаемых школьниками и студентами, навсегда остается невостребованным. Это тратит и время, и ресурсы значительной части общества. Таким образом, проблема «воспитания ума» выходит за рамки организации образовательного процесса и переходит на уровень ценностный, а следовательно, онтологический, поскольку ценность жизни пропорциональна качественно используемому времени этой жизни.

Проблема реализации диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному в различных научных дисциплинах — и гуманитарных, и математических, и естественных — состоит не в том, чтобы «применить на практике» те или иные

научные достижения. На уровне многих чисто теоретических дисциплин это вряд ли представляется возможным, а на уровне прикладных наук процедуры практической реализации прекрасно отработаны. Решение этой проблемы лежит в прямо противоположной плоскости: любое научное открытие есть разрешение противоречий не только той сферы бытия, которой занимается конкретная наука, но и противоречия в развитии действительности в целом. Соответственно каждая научная дисциплина — это момент всеобщего развития человечества и своего рода интеллектуальный механизм, имеющий смысл лишь ввиду существования других наук. Только целостная работа всего научного комплекса может сделать всеобщее развитие разумным, предсказуемым, ориентированным на общее благо, т. е. гуманным. В противном случае одни науки используются для созидания, другие для разрушения. Поэтому одним из парадоксальных выводов, сделанных по итогам работы конференции, стало утверждение: самая прагматическая наука останется предельно абстрактной, если будет решать лишь частные проблемы, обслуживать частный, нередко очень опасный интерес, не соотнося свой эвристический путь с диалектикой всеобщего развития, истина которого предельно конкретна: максимально стабильный, уравновешенный и справедливый прогресс.

Конечно, ввиду той разрушительной трансформации и бескомпромиссной борьбы за ресурсы, которую сегодня переживает человечество, выводы участников конференции могут показаться слишком оторванными от событий «на земле». Но с самого своего зарождения философия, решая коренные проблемы бытия, ставит предельные задачи, без чего невозможна какая-либо идея целостного развития вообще. Ход и результаты конференции прекрасно отразили эту диалектику пределов, проявляющихся в современном научно-педагогическом процессе.

Заключение

Таким образом, Ильенковские чтения 2025 г., собрав участников из многих городов нескольких стран мира, стали площадкой для обсуждения идей онтогносеологического, историко-философского и педагогического плана. При этом своеобразным методологическим рефреном конференции была полемика вокруг принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Это представляется особенно значимым в условиях тяжелого методологического кризиса, переживаемого в первую очередь гуманитарными науками в условиях кардинального слома глобалистской парадигмы развития цивилизации.

Список литературы и источников / References

- Выготский Л. С. *Вопросы теории и истории психологии*. М.: Педагогика, 1982. 488 с. Т. 1 из *Собрание сочинений*: в 6 т.
- Vygotsky L. S. *Questions of Theory and History of Psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982. 488 p. (In Russian). Vol. 2 of *Sobraniye sochineniy*. 6 vols.
- Ильенков Э. В. «Гегель и проблема способностей». Ильенков Э. В. *Философия и культура*: [сб.]. М.: Политиздат, 1991. 376–381.
- Ilyenkov E. V. “Hegel and the Problem of Abilities”. *Filosofiya i kul'tura*: [collection]. By Ilyenkov. Moscow: Politizdat, 1991. 376–381. (In Russian).
- Ильенков Э. В. «Школа должна учить мыслить». *Наука и жизнь* 8 (1984): 14–20.
- Ilyenkov E. V. “The School Must Teach to Think”. *Nauka i zhizn'* 8 (1984): 14–20. (In Russian).

Лобастов Г. В. Ильенков. *Внутри и вокруг*. М.: Русская панорама, 2025. 416 с.

Lobastov G. V. Ilyenkov. *Inside and Around*. Moscow: Russkaya panorama, 2025. 416 p. (In Russian).

Лобастов Г. В. *Субъектность как проблема*. М.: Русская панорама, 2023. 328 с.

Lobastov G. V. *Agency as a Problem*. Moscow: Russkaya panorama, 2023. 328 p. (In Russian).

Фефилов А. И., Суров М. *Оречевление мысли и осмысление речи. Творческая речевая компетенция: Афоризмы, миниатюры, интерпретации*. Ульяновск: УлГУ, 2017. 203 с.

Fefilov A. I., Surov M. *Verbalization of Thought and Comprehension of Speech. Creative Speech Competence: Aphorisms, Miniatures, Interpretations*. Ulyanovsk: UISU, 2017. 203 p. (In Russian).

Информация об авторе

Никишин Сергей Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета (Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86); участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247–30), mrshin@mail.ru, SPIN-код: 6380-2336.

Information about the author

Sergey V. Nikishin — Cand. Sci (Philos.), Associate Professor of the Department of Philosophy, Economics and Disciplines of Social Sciences and Humanities, Voronezh State Pedagogical University (Russia, 394043, Voronezh, Lenin st., 86); member of Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture” (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247–30), mrshin@mail.ru, SPIN code: 6380-2336.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025, одобрена после рецензирования 09.03.2026.

The article was submitted 10.12.2025, approved after reviewing 09.03.2026.

Соприкосновение: встреча с абсолютным (рецензия на книгу Г. В. Лобастова «Ильенков. Внутри и вокруг»)

А. П. Петров

Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

pochta-123@mail.ru

Аннотация. Автор книги «Ильенков. Внутри и вокруг» Г. В. Лобастов, обращаясь к наследию Ильенкова, вновь поднимает проблемные философские вопросы, исследованные Ильенковым. Объектом внимания Лобастова становятся основополагающие мировоззренческие принципы, определяющие позицию Ильенкова, — принцип тождества бытия и мышления, взгляд на единичное и особенное со стороны целого (всеобщего), предметная деятельность человека как высшая форма действительности, только в которой и утверждается тождественная связь бытия и мышления. Материал книги исследован Лобастовым с точки зрения глубоко обоснованного диалектического метода. Подвергнута тщательному анализу одна из центральных ильенковских тем, до сих пор вызывающая споры, — идеальное. Подробно рассмотрена и обоснована категория «чистых форм» как форм, несущих в себе всеобщие необходимые моменты и потому имеющих потенцию всеобщности. Автор книги предстает не только как глубокий исследователь наследия Ильенкова, но и как активный продолжатель его философских взглядов.

Ключевые слова: Ильенков, тождество бытия и мышления, единичное и особенное, идеальное, чистые формы, всеобщее, логика, цело-сообразность, самотождественность, сознание, категория, понятие, субъектность, предметная деятельность

Для цитирования: Петров А. П. «Соприкосновение: встреча с абсолютным (рецензия на книгу Г. В. Лобастова „Ильенков. Внутри и вокруг“)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m02s02a30.

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m02s02a30.hohubo> EDN: НОНУВО.

Review

**Touching: meeting with absolute
(review on a book “Ilyenkov. Inside and Around” by G. V. Lobastov)**

A. P. Petrov

Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

pochta-123@mail.ru

Abstract. The author of book “Ilyenkov. Inside and Around” G. V. Lobastov, referring to the legacy of Ilyenkov, once again raises problematic philosophical issues investigated by Ilyenkov. The object of Lobastov's attention is the fundamental ideological principles that determine Ilyenkov's position, — the identity principle of being and thinking, the view of the singular and special from the whole (universal) perspective, the objective activity of human as the highest form of reality, only in which the identical connection of being and thinking is confirmed. The book material is examined by Lobastov from the point of view of a deeply grounded dialectical method. One of the central Ilyenkov themes, which is still causing controversy, has been thoroughly analyzed — the phenomenon of ideal. The category of “pure forms” is considered in detail and justified as forms that carry universally necessary moments and therefore have the potential of universality. The author of the book appears not only as a deep researcher of Ilyenkov's legacy, but also as an active follower of his philosophical views.

Keywords: Ilyenkov, identity of being and thinking, singular and special, phenomenon of ideal, pure forms, universal, logic, integrity, self-identity, consciousness, category, concept, agency, objective activity

For citation: Petrov A. P. “Touching: Meeting with Absolute (Review on a Book ‘Ilyenkov. Inside and Around’ by G. V. Lobastov)”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m02s02a30. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m02s02a30.hohubo>

Автор книги «Ильенков. Внутри и вокруг» (Лобастов, 2025) д. ф. н. профессор Г. В. Лобастов — ученик советского философа-марксиста Эвальда Васильевича Ильенкова — предстает последователем его мировоззренческого кредо и продолжателем философской линии, наследующей лучшие традиции классической философии, что, несомненно, отразилось на всем строе книги. Его научные интересы сосредоточены на диалектике, истории философии, логике, психологии и педагогике. В своих исследованиях Лобастов анализирует проблемы личности, мышления, идеального, а также

вопросы взаимосвязи философии, психологии и педагогики, развивает идеи Ильенкова, уделяя особое внимание диалектической методологии. Геннадий Васильевич Лобастов является президентом Российского философского общества «Диалектика и культура» и председателем оргкомитета ежегодной Международной научной конференции «Ильенковские чтения». В книге он рассказывает о внутреннем мире Э. В. Ильенкова, — мире человека, не просто равнодушного, а страстного в своих чувствах и устремлениях, и мире глубокого, неординарного философа, приверженного классической

традиции, стремящейся понять человека в его сущности (а не просто описать внешнее данное). Эта книга и о его отношении к миру вне его, отношении философски активно-деятельном, творческом. Но также книга и не об Ильенкове, а о той философской линии, которую уверенно продолжал Ильенков вслед за великими греками, Спинозой, немецкими классиками, Марксом, Лениным. При этом автор книги Г. В. Лобастов предстает не как сторонний наблюдатель, роль которого заключается в точной передаче идей и мыслей Ильенкова, но как активный и заинтересованный собеседник его, подхватывающий начатое и продолжающий и развивающий его мысль в той же философской традиции.

Несколько предваряя содержание книги, следует выделить те главные, основополагающие принципы, которые определяли мировоззренческую позицию Ильенкова и которые красной нитью проходят через всё его творчество и, разумеется, через всю книгу. Речь идет о *монистическом принципе тождественности бытия и мышления*, который, в свою очередь, диктует императивность *диалектического метода* и необходимость анализа реальности со стороны ее *единства*, целостности. (С другой стороны, именно диалектический подход детерминирует и принцип монизма, и требование видеть реальность как целое.) Из этого вырастает и *метод исследования*, плодотворно разрабатываемый Ильенковым, — диалектический метод *восхождения от абстрактного к конкретному*.

Поэтому не удивительно, что уже в самом начале книги Лобастов делает акцент на необходимости исходить из принципа целостности, выступающего предпосылкой любого анализа, претендующего на диалектическое движение мысли: «...для диалектики предпосылкой и основанием анализа любой конкретной проблемы всегда служит целое» (Лобастов, 2025: 12). В этом

Лобастов следует Ильенкову, утверждавшему вслед за Спинозой «факт ЦЕЛОСООБРАЗНОСТИ, — как факт обусловленности частей со стороны ЦЕЛОГО» (Ильенков, 1997: 174).

Именно взгляд на единичное и особенное со стороны целого (всеобщего) позволяет увидеть процессы реальности в их связности, логической последовательности, собрать в мышлении эмпирическую раздельность в единую картину, отделить случайное от необходимого и прийти в итоге к понятию предмета. Целое как предпосылка «просвечивает» во всех актах диалектически действующего мышления, представая и как предполагаемое начало, пусть и временно незнание, и как результат движения, в итоге снятия движения единичности и особенности. А иначе картина мира рассыпается на мозаику случайностей. Эта позиция и проходит красной нитью через всю книгу.

Логика *цело-сообразности* как связи мышления о предмете и предмета мышления с точки зрения их общности есть «процесс идеального воспроизведения <...> процесс, находящий свой предел в своем противоположном, своем другом, в бытии» (Лобастов, 2025: 13), «логика, должна выступить пределом объективного содержания <...> как и наоборот, содержание бытия есть предел самой логики, логика завершает себя абсолютными определениями действительности. Это на языке философии и выражается как конкретное тождество мышления и бытия, как определение истины» (Лобастов, 2025: 13). Так трактуемый логический процесс, диалектически отождествляющий мышление и его предмет (бытие), выражающий в субъективном объективное путем их опосредствования логикой, и позволяет выразить в понятиях мышления сущность внешних ему предметов. С этим невозможно не согласиться, но хотелось бы сделать одно уточнение к авторской позиции. *Логика мышления* как идеальное воспроизведение бытия *должна иметь*

основание в этом же бытии, которое (основание) должно быть чем-то соответствующим, релевантным логике мышления — т. е. выражать то целое, *всеобщее*, что определяет обе стороны — и мышление, и бытие. Представляется, что таким общим основанием может быть *принцип логичности*, в своей чистоте, абстрактности предстающий как процесс (отношение), в котором всё последующее необходимо (и даже императивно) детерминруется предыдущим. Именно логичность как всеобщий принцип (всеобщее) детерминирует и целостность (цело-сообразность) реальности посредством всеобщей связи ее особенных форм (сторон, моментов) — бытия и мышления, — и тем самым тождественность этих форм. Другими словами, и бытию присуща логичность в виде логики материальных форм, проявляющейся в упорядоченности процессов реальности, в их явственной причинно-следственной зависимости. При таком видении *логика мышления и логика бытия* предстают как *модусы логичности*, — *логичности как всеобщности*, — как ее *особенное*.

Продолжим исследование мировоззренческих принципов Ильенкова, ставших объектом внимания автора книги. Принцип *цело-сообразности*, выводящий на историческую сцену логику идеальных форм мышления, естественным образом приводит к необходимости определения понятия идеального, без чего, в свою очередь, невозможно обосновать мышление; этому и посвящает Лобастов главу «Идеальное». Трактовка Ильенковым сущности идеального не только привела в свое время к серьезным дискуссиям, но и по сию пору остается предметом

споров и неоднозначных выводов¹. Особое возражение вызывает утверждение Ильенкова об объективности идеального. В детальном анализе Лобастов шаг за шагом последовательно раскрывает замысел Ильенкова, восполняя лакуны, которые тот не успел устранить. Исходным пунктом автор принимает ильенковское определение идеального, — определение посредством отношения «только внутри общественной системы производства человеком самого себя» (Лобастов, 2025: 13). В этом процессе идеальное возникает на том совершенно объективном основании, что «вещи с необходимостью, положенной самим этим процессом, начинают выражать собою нечто другое, чем есть они сами» (Лобастов, 2025: 13). Мышление же только рефлексивует, выражает в своей форме, в своих понятиях те функциональные отношения и связи — *общественные* отношения и связи, — которые вещи *представляют* собой (своим положением в общественных отношениях): «эта связь и есть *идеальное*, идеальное отношение, через которое проступает объективное содержание, отсутствующее в своей непосредственной предметной форме» (Лобастов, 2025: 14).

В общественных отношениях функциональные роли вещей отделяются от самих вещей и, как следствие, вещи своей формой представляют не самих себя, а свои роли, свое общественное значение, и потому «вещь может выступать знаком и символом любой сущности» (Лобастов, 2025: 14). Труд, предметно-практическая деятельность, втягивая в свою сферу вещи и преобразовывая их согласно потребностям человека, наделяет их функциями и качествами,

¹ С самой первой встречи с Э. В. Ильенковым у меня с ним сложились особенные отношения. Разумеется, это не была встреча «лицом к лицу» — слишком далеко во времени, пространстве и профессиях мы с ним разошлись. Но когда, пытаясь понять суть феномена идеального (а без этого невозможно вполне понять и материальную сторону реальности — вернее, всю реальность в ее целостности), я обратился к его концепции идеального, то был изумлен и, можно сказать, очарован той убедительностью его анализа и выводов, которая сразу показала всю неординарность и глубину его мысли и расположила к нему как к философу и человеку. В дальнейшем знакомство с работами Ильенкова только укрепило меня в этом мнении. И хотя я критически отношусь к некоторым моментам в его творчестве, тем не менее (а скорее и благодаря этому обстоятельству) стараюсь читать книги, авторы которых обращаются к наследию Ильенкова.

не свойственными самой вещи по ее природной сущности, тем самым вещь *идеально* представляет деятельность человека, воплощенную в ней. И напротив, в деятельности по созданию вещи последняя *идеально* представлена как ее понятие, и такая деятельность «воспроизводит собой объективный закон, объективную природу самого предмета. Она — объективная форма, не зависит ни от какой формы сознания...» (Лобастов, 2025: 19). Этот вывод означает, что в предметно-практической деятельности *сознание формируется* прежде всего и главным образом ее *объективными условиями*, а не субъективными пожеланиями.

Возвращаясь к ильенковской концепции идеального, отметим, что *идеальное в концепции Ильенкова* есть всецело сугубая принадлежность общественного человека, продукт его общественных отношений: т. е. *идеальное принадлежит к сфере единичного и особенного* (в отличие от всеобщности природы), — с чем полностью солидарен и Лобастов. Это утверждение Ильенкова вызывает серьезные возражения, и онтологического, и гносеологического характера. С этим связано и известное расхождение М. А. Лифшица с Ильенковым. Лифшиц в утверждении Ильенкова, с одной стороны, об объективности идеального и, с другой стороны, о принадлежности идеального только человеку, пусть и общественному, видит проявление субъективности, что несовместимо с первым утверждением и потому представляет противоречие. Лобастов полагает, что возражение Лифшица есть результат внутреннего противоречия самого идеального, но никак не концепции Ильенкова. Всецело соглашаясь с позицией Ильенкова и Лобастова как частным выводом, тем не менее нельзя обойти стороной и позицию Лифшица, выводящую идеальное в сферу всеобщего, природы. Проблема идеального — слишком важный вопрос, чтобы оставлять в нем недомолвки, ведь идеальное в форме мышления, если

верить Спинозе, есть атрибут субстанции, т. е. имеет статус всеобщности. Как видится, суть дела не во внутренней противоречивости идеального, что, конечно, имеет место, а в некотором пренебрежении принципом единства бытия и мышления (если более точно — идеального и материального) и требованием рассмотрения реальности со стороны целого, т. е. детерминации всеобщим особенного и единичного.

Заявленный в самом начале книги принцип целостности анализа (*цело-сообразности* по Ильенкову) требует в каждом единичном и особенном видеть воплощение всеобщего. Возникает вопрос *гносеологического* характера: что за *всеобщее* воплощено в рассмотренном идеальном, представленном в формах *единичного и особенного*?

И здесь же требует разрешения и *онтологический* аспект: если идеальное «это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи» (Ильенков, 1991: 269), то почему следует отказать в существовании такой — идеальной — формы применительно к деятельности природы? Ведь именно ее деятельности обязан своим появлением человек как носитель идеального. Если не дать ответа, то не остается ничего иного, как предположить, что идеальное человека возникает как бы из ничего, вдруг, не имея основания во всеобщем, т. е. в природе. Но против креационистских идей активно боролся сам Ильенков, и эту линию продолжает развивать Лобастов, — здесь явное противоречие.

Есть в этой теме и такой деликатный момент: до сих пор как-то стыдливо обходят стороной ремарки Ленина — «„в фундаменте самого здания материи“ можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением» (Ленин, 1967: 40) и «ощущение признается одним из свойств движущейся материи» (Ленин, 1967: 41), — дескать, чего не бывает, обмолвился великий. Но у великих и обмолвки великие.

Обратимся к авторитету Гегеля. У него этот феномен предстает во вполне определенной форме как важнейшая категория его логики — как самоотрицание, саморефлексия, что в результате завершается становлением внутреннего противоречия — источника самодвижения. Ленинское «ощущение» — это прозрачная аллюзия саморефлексии. И одновременно это указание направления движения мысли для углубления понятия материи до понятия субстанции — внутренне противоречивой материально-идеальной сущности, где каждая сторона субстанционального противоречия в силу саморефлексии является «своим иным» другой — т. е. обладающей статусом атрибутивности, всеобщности. Ко всему прочему, и принцип тождества бытия и мышления, обосновываемый Ильенковым и активно защищаемый Лобастовым, совершенно недвусмысленно утверждает равнозначность мышления как формы идеального и бытия (материального), т. е. *всеобщность* идеального наряду с материальным. И все-таки, несмотря на приведенные доводы, ставим здесь не точку, а многоточие: есть основания для глубокой философской рефлексии...

Продолжим рассмотрение феномена идеального в контексте книги. Для осуществления предметно-практической деятельности человеку необходимо идеально представить вещь в той форме, которая позволяет воспроизвести посредством труда именно те свойства, которые потребны человеку, а это не столько внешние параметры вещи, сколько ее внутренние, сущностные характеристики («целеполагающая и целесообразная деятельность требует опоры на чистые формы вещей» (Лобастов, 2025: 22)). Здесь Лобастов поднимает очень важную тему самых фундаментальных отношений в философии — отношений категориальных определений. Именно категории как концентрированные формы выражения логики внешнего мира, используемые в качестве базовых

логических конструкций, представляют собой всеобщие формы движения мышления и, будучи выраженными в логике языка, являются основой мышления. Особый интерес представляет категория «*чистых форм*» как форм, совершенно абстрактных и потому несущих в себе потенцию всеобщности. Чистая форма — это форма, «существующая вне содержания и без содержания» (Лобастов, 2009: 80). Под содержанием, о котором говорится в данном контексте, имеется в виду конкретно-содержательная сторона вещей реальности. Чистая же форма имеет совершенно иное содержание, а именно: «имеет свое собственное содержание, предстающее через всеобщие-необходимые моменты своей формы» (Лобастов, 2009: 80) как «*необходимой и всеобщей формы осуществления функции, ее закона, ее логики*» (Лобастов, 2025: 222). Тем самым в своей абстрактности как бессодержательности (бесконкретности) чистые формы несут всеобщие потенции и, наполняясь конкретикой реальности, предстают уже как понятия конкретных (особенных и единичных) вещей, процессов, отношений. В существовании чистых форм проявляется диалектика абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего — абстрактно-всеобщее (чистые формы), воплощаясь в особенном и единичном (детерминируя их), предстает уже как конкретно-всеобщее, внося необходимость и закономерность всеобщности в случайность особенности и единичности.

Разумеется, в этом отношении можно провести логическую линию к Платону и Аристотелю, но я склоняюсь к предположению, что здесь можно усмотреть преемственность между трактовкой чистых форм Лобастовым и чистыми формами у Гегеля. Так, гегелевские «чистое количество» и «чистое пространство» представляют собой *идеи* количества и пространства — «количественность» и «пространственность», — но не существование этих

категорий в конкретных формах. Именно *идеи* количественности и пространственности своей *всеобщностью* детерминируют *конкретные* (особенные и единичные) количественные и пространственные формы, предстающие в наличных, актуальных формах уже в виде «определенного количества» и «наполненного пространства». Чистая форма — это идея того, что еще должно *стать*, проявиться в особенном и единичном. Мышление извлекает из наличной вещи, «отягощенной» всеми ее актуальными связями, то, что определяет способность вещи к существованию и делает ее самостоительственной, наполняя тем самым чистую форму конкретным содержанием, — извлекает то, что предстает в итоге уже в виде понятия вещи, представляющей ее сущность. Понятие со стороны всеобщности и есть «*чистая форма* <...> собственная форма вещи, вещь, совпадающая со своей сущностью. В этом образе она есть истина» (Лобастов, 2025: 22). Всеобщность чистой формы конкретизируется в особенности и единичности понятия наличной вещи: абстрактно-всеобщее «перетекает» в конкретно-всеобщее.

Истина в себе есть противоречие как отношение, в котором присутствуют одновременно и утверждение вещью себя в самостоительственности (сторона актуальности, материальности), и отрицающий, противоположный момент, выраженный в понятии вещи (идеальное). Согласно такой внутренней диалектической истине и действует человек, воплощая свое идеальное (сущность вещей) в материале внешнего мира (орудиях и предметах труда), — такова суть целенаправленной деятельности. Сообразно так понимаемой истине — как активного момента человеческой деятельности — Лобастов проследживает движение понятия до его завершения, воплощения в *идеале* как форме предмета, «которая наиболее полно соответствует его, предмета, собственной природе или, выражаясь языком классической философии,

в которой предмет соответствует самому себе» (Лобастов, 2025: 25). Идеальное (понятие, *ideelle*) и идеал (*ideale*) в своем диалектическом тождестве представляют разные моменты движения вещи, ее саморазвития — от вещи-в-себе, потенции, до полного ее развития в соответствии со своей сущностью. Идеал (как и понятие) «в деятельности человека удерживается в формах его культуры и в сознании» (Лобастов, 2025: 31) и их посредством удерживается в статусе объективного.

Анализ диалектического отношения предмета и его понятия естественным путем приводит автора к рассмотрению феномена, опосредствующего стороны этого отношения, — к *деятельности* человека, являющейся «абсолютным основанием высшей формы действительности, которая немыслима в природе» и «воспроизводит собой абсолютную форму, которая может быть представлена только как субстанция-субъект. В этом и заключается исходный, основной и центральный вопрос философии Ильенкова» (Лобастов, 2025: 32). Именно в предметной преобразующей деятельности проявляется и воплощается объективная сторона реальности, детерминирующая идеальные формы мышления уже как вполне осознаваемый момент, в виде логических категорий, которые, в свою очередь, объективируются в предметах человеческой деятельности. Тем самым всеобщность природы конкретизируется в особенностях человеческой материально-идеальной деятельности, посредством которой силы природы познаются и применяются для преобразования ее самой, причем в соответствии с ее же сущностными определениями бытие (деятельность) и мышление предстают в своей тождественности. Человек, субъективность которого детерминируется (формируется) объективностью бытия, в итоге становится субъектом собственного развития и потому потенциально свободным.

Мышление, снимающее в себе все определения внешнего мира, в том числе и самой деятельности человека, опосредствующее ее, тем самым предстает как идеальная «всеобщая форма общественно-исторической предметно преобразовательной деятельности» (Лобастов, 2025: 36), и как таковая не зависит от индивидуального сознания, которое только воспроизводит формы общественно-практической деятельности, вырабатанные историческим движением. Утверждая, что «мышление является таким атрибутом, который в своей активности *превосходит* все формы движения материи, ибо оказывается, говоря словами Аристотеля, формой всех форм, универсальной формой» (Лобастов, 2025: 58), Лобастов совершенно логично продолжает философскую традицию Платона, Гегеля, Ильенкова, при этом понимая активность не в известном противопоставлении первичности-вторичности, а как форму, снимающую в себе и потому способную представить в своей логике (категориях, понятиях) — т. е. идеально — всё многообразие материального мира. По видимости разобщенный и случайный мир — в своих *сущностных* определениях — в идеальных формах — предстает в своей целостности и связности как вполне познаваемый мир.

Здесь уместно сделать ремарку. Лобастов, в поисках того начала, в котором становятся и расходятся бытие (деятельность) и мышление, видит почти неразрешимую антиномию: мышление «выходит» (становится) из деятельности, деятельность невозможна без мышления, — получается круговращение. Представляется, что в контексте диалектики эта ситуация предстает по-иному. Пресловутый круг постоянно разрывается то мышлением, то практикой, которые, выходя за пределы круга, постоянно снимают (рефлексируют) в себе друг друга и тем самым *всегда содержат в себе свое иное*. Находятся со своим *иным* в диалектическом отношении (взаимоотрицании, которое есть одновременно их

связь), противоречии, которое перманентно существует и перманентно разрешается, снова *воспроизводя себя в этом самодвижении в новом качестве*. Проблему начала (становления взаимоотношения, взаимодействия бытия и мышления) тем самым следует отнести к фундаментальным, субстанциональным основам противоречивого взаимодействия бытия (материального) и мышления (идеального), а это значит — обратиться к основоположениям, уже исследованным классиками, — к принципу субстанционального монизма Спинозы и идее саморазвития посредством внутреннего противоречия Гегеля. Полагаю, классики дали убедительный ответ: если Спиноза выдвинул гипотезу, то Гегель логическим анализом обратил ее в теорию.

Обращаясь далее к теме мышления, Лобастов рассматривает проблему преодоления противоречивого отношения *субъективности* (довлеющей в начале каждого исследования над объективностью как некая априорность предпочтений исследователя) и *объективности* (властно диктующей субъективности свои условия), — т. е., по сути, рассматривает проблему соотношения бытия и мышления. Проследивая генезис мышления, автор, идя по стопам Ильенкова, видит возможность разрешения такого противоречия в отождествляющем бытие и мышление процессе — «в предметно-преобразовательной общественно-практической деятельности человека» (Лобастов, 2025: 107). А потому исследование соотношения бытия и мышления есть единый процесс, осуществляющийся, однако, в форме, *снимающей* в себе обе стороны, и форма его «есть форма идеальная, мышление» (Лобастов, 2025: 107). В этом процессе исследовательское мышление необходимо обособляется от внешнего ему и обретает собственную форму — логическую форму, представляющую собой *абстрактную* форму «связи категориальных определений» (Лобастов, 2025: 107). Но для самого мышления такая логическая форма является вполне *конкретной* формой,

поскольку образы (понятия) мышления выражают вещи в полноте их наличных связей, их сущностную сторону, благодаря чему мир предстает в своей целостности. Именно в предметной деятельности человека, а не путем отвлеченных умозаключений, утверждается тождественная связь бытия и мышления, вследствие чего «мышление <...> движется по объективным связям исследуемого предмета. И потому выявляет природу целого» (Лобастов, 2025: 105). Здесь и получает разрешение упомянутое выше противоречие субъективного (мышления) и объективного (бытия): объективное (предмет) детерминирует субъективное (понятие) — и тем самым *понятие* в своей *субъективности* по сути представляет *объективность* мира.

Совершенно логично исходя из контекста книги, возникает вопрос соотношения феноменов мышления и сознания, что и анализирует далее Лобастов. Мышление как процесс идеализации внешнего мира и представления его в идеальном виде как «всеобщей форме» должно *явить* себя, одействоваться, что и осуществляется сознанием — «всеобщая форма, индивидуально удерживаемая, и есть сознание, образ бытия, его отражение» (Лобастов, 2025: 115). Однако сознание, олицетворяя феномен идеального, возникает все-таки не из идеального как такового, а исключительно в деятельности человека, в которой «человек различает объективную „схему орудия труда“ и субъективную схему своей смысловой деятельности. Здесь и возникает... сознание» (Лобастов, 2025: 149). Возникает вследствие отрицания объективного (природы) как внешнего сознанию, но одновременно и присвоения его в субъективной форме идеальных представлений (снятия объективного в понятиях мышления). В сознании в противоречивом тождестве «сходятся» субъективное и объективное. Субъективное как «схема смысловой деятельности» и объективное как практическое действие в соответствии со смысловой

схемой: «Сознание есть результат разрешения противоречия материального и идеального» (Лобастов, 2025: 214). Анализируя феномен сознания, Лобастов вновь возвращается к понятию идеального, но уже не абстрактного идеального как «чистой формы», как идеи идеальности, т. е. по сути еще пустой формы, а к идеальному в форме, способной к выражению *всеобщего* и *самодвижению*, — *логической* форме, в которой и происходит наполнение чистой формы реальным содержанием. Полагая идеальное в виде логических связей понятий (субъективное), снимающих (рефлексирующих) в себе предметы внешнего мира и их отношения (объективное), сознание «становится формой осознания всей действительности, т. е. формой всеобщей и универсальной. В такой обособленно-осознающей форме сознание содержит в себе мыслящее мышление — как мышление теоретическое» (Лобастов, 2025: 187). А это уже потенция достижения истины, вплоть до (в пределе) ее абсолютной формы. До сих пор феномены сознания, мышления, логического рассматривались в их всеобщей, абстрактной форме, но в деятельности человека они преобразуются в особенные (конкретные) формы — и здесь возникает вопрос о мыслящем субъекте, о его личностной форме, необходимость проследить, как субъективность становится тождественной субъектности — как появляется *Я*, личность. Суть дела заключается в том, чтобы определить исток субъективности и субъектности: являются ли они следствием исключительно индивидуальных усилий индивида, или же детерминируются некими всеобщими факторами. Лобастов в этом вопросе категоричен с самого начала: личностная форма «есть форма всеобщая и <...> не является некой изначальной определенностью индивида. Как всеобщая форма она есть форма общественная и живет в культурных определениях истории — и потому ее надо осваивать и присваивать» (Лобастов, 2025: 217). По сути это

иная форма представления именно ильенковского видения сущности личности.

По образному выражению Лобастова, «колыбелью личности» является объективность в форме культурно-исторической действительности. Именно в этом пространстве сходятся внешне случайные (для индивида) обстоятельства, которые внутренне детерминированы всем историческим развитием и потому несут в себе статус необходимости, той самой всеобщности, которая и определяет формирование субъективности. Сущность человека, личностная форма «вытекает» из этого истока и генетически определяется именно его культурно-историческим бытием, а не физиологическими особенностями. Но личностная форма есть все-таки форма *личная*, и будучи в пространстве всеобщности и необходимости культурно-исторической действительности, она тем не менее в своей особенности и единичности формируется активностью самого человека, чем и определяется уровень его субъективности и субъектности. Именно так формируется *человеческое Я* — как *становящееся в деятельности*. Лобастов подчеркивает — в общественно-практической деятельности. А потому «*истинная мера личности есть истина общественного бытия. <...> Тот образ человеческой действительности, который определяется логикой общественного развития*» (Лобастов, 2025: 229). Именно эта логика, логика культурно-исторического формирования общественного пространства и детерминирует онтогенез личности. Философское обоснование этого процесса Лобастов усматривает в том, что жизнедеятельность человека есть самовоспроизводящаяся форма, в которой «фиксируется покой — устойчивая самотождественная в своем воспроизведении форма бытия. Этот субстанциальный круг воспроизводится и в становлении человеческой субъективности» (Лобастов, 2025: 217). Другими словами, онтогенез личности возможен потому, что его основание — об-

щественная жизнедеятельность как субстанциональный процесс, обосновываемый самим собой, — есть в этой самообоснованности нечто устойчивое, тождественное самому себе, самовоспроизводящийся круг.

С утверждением Лобастова о самотождественности как покое можно поспорить. Здесь затрагивается серьезная диалектическая категория — тождественность (самотождественность), с которой следует обращаться внимательно. *Покой* в диалектике всегда есть *момент движения*: там, где есть покой, *также* (в-себе) есть и движение, изменение. Самотождественность только внешне, в моменте представляется как покой. Но в то же время это каждый раз *новая* самотождественность, измененная. Иначе ни о какой самотождественности говорить нельзя: самотождественность — это прежде всего *процесс*, — *процесс самоотождествления*. Это круг, который постоянно разрывается собой же. А иначе этот круг исчезнет из реальности, поскольку без движения, хотя бы внутреннего, он будет *ничто*. Развивая эту тему, можно сказать, что есть самотождественность и самотождественность. Во-первых, самотождественность *завершенного* движения в соответствии со своей логикой — достижение своего понятия (это соответствует второй форме идеального Лифшица, тому, что он идентифицирует как *ideale*). Если в отношении природных форм такое завершенное-идеальное означает их полную приспособленность к внешним условиям, гомеостаз, то применительно к человеку такой гомеостаз будет означать субъекта (как общество, так и личность), остановившегося в своем развитии, и такая самотождественность предстает уже как самодовольствие, отсутствие внутреннего потенциала развития. И во-вторых, самотождественность как *процесс* есть *постоянное снятие себя в себе же в новой форме* (снятие, опосредствующее внутреннее и внешнее) — развитие и постоянное становление субъектности. Полагаю,

что исторически перманентно формирующаяся, самовоспроизводящаяся культура человека представляет именно такую саморазвивающуюся форму самотождественности — покой движения, или движения покоя (как удобнее), — и то, и другое представляет постоянное движение, снимающее себя в себе же (в покое), или же покой, выходящий (вследствие всегда наличного внутреннего противоречия) за свою границу, в движение.

Отсюда вывод, что «самовоспроизводящийся круг» в подобном движении невозможен, ведь воспроизводится постоянно *иной* круг. Выше мне уже приходилось писать о круге, который постоянно разрывается самодвижением реальности. Мне понятна приверженность Лобастова к этой метафоре, ведь символ круга выражает бесконечность — бесконечность движения. Но, представляется, подобная бесконечность есть иное выражение так называемой дурной бесконечности прямой линии. В линии бесконечность вышла за границу конечного, напроочь отрицая конечное, в круге бесконечность замкнута в себе самой, — и там, и там нет *постоянного соотношения с конечным*, что только и определяет *истинную* бесконечность. Только потому, что круг постоянно разрывается в своем самодвижении самим собой же и выходит за собственную границу, он тут же возвращается в себя, но это уже другой, иной круг. В этом неразрывно-разрывном движении круг, постоянно находясь в собственной границе, с наименьшей постоянностью выходит за нее, к бесконечности, тут же возвращаясь, замыкаясь в себе как конечном. Такое движение перманентно имеет в себе отношение конечного и бесконечного — это истинно бесконечное движение, представляющее в диалектике конечного и бесконечного. В философии истории подобное движение было представлено в форме бесконечно раскручивающейся спирали, что сомнительно. Описанная абстракция (чистая форма, идея) разрывности-неразрывности

в действительности реализуется движением и разрешением конкретных, наличных противоречий, и потому движение может пойти по любому пути, определяемому этими обстоятельствами. Императив, детерминируемый чистой формой, здесь только один — прерывность (изменение, скачок) непрерывного движения, или, по-иному, непрерывность прерывности (непрерывность изменений).

Есть еще один момент в книге, на который хотелось бы обратить внимание. Лобастов, говоря о деятельности человека, совершенно справедливо усматривает в ней двойственность — «самоопределение, как зависимость от своего собственного результата и вместе с тем — как все большее освобождение от естественно-природной зависимости. Это и есть определения свободы» (Лобастов, 2025: 174). Действительно, создавая свою искусственную природу («вторую природу» по Энгельсу, «ноосферу» по Вернадскому), человек обретает относительную свободу от внешней природы, но одновременно вступает в противоречие с создаваемой им самим искусственной природой. И в такой трактовке свободы имплицитно содержится другая несвобода — несвобода от «своего собственного результата»: результат может быть и античеловечным (этому много примеров в реальности). Освобождаясь от естественно-природной зависимости, человек всё более попадает в зависимость от своего творения («зависимость от своего собственного результата») — искусственной природы. Все-таки свобода человека — не вне него, не во внешнем, свобода от природы — это только условие достижения подлинной свободы. Свобода человека — прежде всего внутренняя свобода, свобода отношений внутри общества, отрицание того в себе, что не соответствует сущности человека, свобода от всего, что ограничивает человека, и прежде всего — от самоотчуждения, что отмечали Гегель и Маркс. В конечном итоге основным

критерием, определяющим границу свободы для человека, предстает нравственность — одновременно как *самоограничение* и как свобода определять свой путь.

Однако вернемся к содержанию книги и рассмотрим принцип тождества бытия и мышления. Далее Лобастов обращается к феномену воображения — способности человека создавать образ внешнего мира, — обращается как к важнейшей способности, без которой невозможна разумная деятельность («Мышление нигде не обходится без воображения» (Лобастов, 2025: 254)). Воображение — разумеется, всецело субъективная способность, но ограничиться таким представлением, отмечает Лобастов, — значит разорвать целостность жизнедеятельности как единого процесса опредмечивания (объективирования) и распредмечивания (субъективирования) и обречь себя на непонимание ее сущности. *Принцип тождества бытия и мышления* непосредственно реализуется в функции воображения. Воображение, будучи субъективным образом, возникает тем не менее совершенно объективно, поскольку имеет основанием объективный мир вне себя, который предстает (снимается) в идеальных образах мышления (см. сущность идеального у Ильенкова). Субъективный образ воспроизводит цельный образ объективной предметности и является условием объективного же действия, воспроизводящего реальный предмет. В этом качестве образ выполняет функцию опосредования, — выполняет своей способностью удерживать в себе все условия идеально-материальной деятельности. В воображении связываются воедино *всеобщее* (сущность; принцип; идея вещи, процесса, отношения) с *особенным и единичным* (наличная вещь; процесс; отношение в своей актуальности). Опосредствующая роль воображения только и позволяет человеку создавать предметный мир культуры, опираясь на природу как целое, исходя из ее сущностных определений. «Воображе-

ние — это воссоздание форм культурно-исторического мира вне этого мира. То есть в сознании, в образе. <...> Эта снятая форма в культурной истории есть форма всеобщая. Она-то и выявляется <...> как универсальная способность человека и предстает как форма идеальная» (Лобастов, 2025: 254).

Но воображению и мышлению требуется инструмент для передачи смысла их идеального содержания, и потому совершенно необходимо возникает язык, чей собственный смысл, как точно определяет Лобастов, — «быть идеальным бытием смысла» (Лобастов, 2025: 309). Язык возникает необходимо (даже императивно) по совершенно объективным обстоятельствам:

- во-первых, для обеспечения возможности субъективного выражения объективного — представления посредством языка смысла процессов реальности в означающей деятельности человека — во внутренней логике субъективности, по выражению Лобастова;
- во-вторых, для осуществления этой логики в практике общественного труда, уже в логике *движения* материально-идеальной деятельности. Язык, удерживая в себе логику связи предметно-практической и отвлеченно-смысловой деятельности, опосредствует, отождествляет материальную и идеальную стороны жизнедеятельности человека, которая предстает уже в своем субстанциональном, субъектном обликии.

Мышление, оформляясь в языке как опосредствующем инструменте, тем самым получает относительную независимость от своего иного — объективно-материальных условий, — т. е. получает свободу (но и произвол). В этой независимости — исток и истинности мышления (свобода логического движения), и заблуждений (произвол, игнорирование логики реальности). Суть языка, как уже ясно видно, заключается в его опосредствующей функции: своей *материальностью* (звук,

знак) он представляет действительность, выступая как ее инобытие в *идеальной форме смысла*. Природа языка — в общественном бытии.

В завершающем разделе книги Лобастов обращается к таким, казалось бы, отвлеченным предметам, как вера и разум. Вера — то, «что непосредственно принимает нечто как истину» (Лобастов, 2025: 348). И разум — способность рефлексизирующего (опосредствующего) мышления понять *абсолютные*, т. е. самодостаточные, самостоительные, безусловные основания бытия. Будучи идеальными формами, разум и вера тем не менее в субъективности человека предстают как устойчивые моменты; но если мышление осуществляет активный поиск истины, то для веры истина представляет глубоко субъективное ее *ощущение* — чувственное, а не интеллигибельное. Но и в таком полагании вера основывается на фундаментальности бытия, что приводит к ее явленности в двух формах: «гносеологическая вера» (по Лобастову) — «форма удержания истины в процессе познания» (Лобастов, 2025: 355); религиозная форма веры — стремление представить *абсолют*, — без логического обоснования. В познании обеих форм веры предпринимается попытка преодолеть границы познаваемого, но не в логике бытия и мышления, а путем интуиции (гносеологическая вера) и прозрений (религиозная вера), мышление тем самым в вере остается в-себе, имплицитно. Но и религиозная вера не бездумна, она только поднимает руки перед противоречием — и предстает бессилием ума перед силами природы, неспособностью увидеть *абсолют* по сию сторону бытия. Религиозное сознание выражает бытие человека в своей, специфической форме. Но даже в такой форме через определение Бога человек выражает свою собственную сущность, по крайней мере ее идеальное видение: «Образ Бога... является *мерой человеческого в человеке*» (Лобастов, 2025: 393).

Обращаясь к Ильенкову, Лобастов приводит его анализ религиозных представлений о сущности человека в свете марксова понимания человека как исторического субъекта, развивающегося в интерьере общественных отношений и одновременно изменяющего их. В таком видении образ Бога видится как «самосознание отчужденного от своей сущности человека» (Лобастов, 2025: 382). Снятие отчуждения и присвоение человеком своей сущности возможно только реально, а не идеально — в общественно-практической деятельности, не спекулятивно — в мышлении, тем более в вере. Рассматривая «меру человеческого в человеке», Лобастов видит такую меру в «логических определениях абсолютного», выражающих сущность предмета в чистой форме как «*необходимой и всеобщей формы осуществления функции*, ее закона, ее логики» (Лобастов, 2025: 222). И поскольку «самоцелью человека является сам человек <...> личность есть самоцель его исторического развития» (Лобастов, 2025: 232), то мера бытия человека есть измерение идеальное и «с давних времен понято в трех измерениях — всеобще-объективных определениях человеческого бытия — истины, добра и красоты» (Лобастов, 2025: 394). С таким определением человеческого в человеке и его меры невозможно не согласиться: человек придет к себе, только достигнув своего понятия, но для этого надо прежде *понять себя*, что можно сделать исключительно в тождественной материально-идеальной деятельности, а не умозрительно.

В послесловии, подводя итог, Лобастов особо акцентирует основную идею книги — показать нераздельность, диалектическую тождественность бытия и мышления, а мышление — как внутренний момент материально-идеальной деятельности человека, однако относительно самостоятельный, способный преодолеть границы «малого бытия» (по М. А. Лифшицу). И выходя к «большому бытию», и выявляя его чистые формы,

и наполняя их живым, конкретным содержанием, воспроизвести в логике мышления (гносеологии) логику бытия (онтологию), чтобы снова войти в бытие со знанием его сущности, истины — в целеполагающей деятельности человека.

* * *

Книга «Ильенков. Внутри и вокруг» прочитана, и перевернута последняя страница, но в душе осталось чувство, что Ильенков всё еще рядом, и потому ждешь его отклика на свои вопросы и несогласия с ним, но тут же с грустью осознаешь, что ответы подсказать некому. И все-таки испытываешь благодарность к человеку, соприкосновение с мыслью которого будит твою собственную мысль, и понимаешь, что не только общность принципов и убеждений делает вас единомышленниками, но даже расхождения в некоторых моментах заставляют еще и еще раз обратиться к его идеям, увидеть их глубину, и оттого, отражаясь в них, лучше понять собственные доводы.

Возможно, что чувство живой сопричастности к мысли Ильенкова и не было бы таким ярким, если бы к этому не устремляла сама логика книги, весь ее строй, демонстрирующий (в лучших традициях философской классики) последовательностью глав движение — от абстрактного идеального к феноменам мышления и сознания, опосредствующим становление личности как общественного человека, предметно действующего в пространстве «культурно-исторического бытия», и в итоге — движение к пониманию меры человеческого в человеке, суть которой — «истина, добро, красота. С их освоением в свободе и творчестве» (Лобастов, 2025: 395).

Книга Г. В. Лобастова «Ильенков. Внутри и вокруг» — безусловно, неординарное явление не только как биографический жанр (и даже не столько). Главным образом, книга

отличается новизной представления творчества Э. В. Ильенкова: не фрагментарно — в одном-двух аспектах, — а путем воссоздания целостности его философской позиции и органической связи переходов мысли от понятия к понятию при исследовании главного объекта творчества Ильенкова — человека в его многогранности и глубине.

Спасибо Г. В. Лобастову за новую встречу с Э. В. Ильенковым, за возможность еще раз увидеть и глубже понять в его мировоззрении, идеях и взглядах то всеобщее, абсолютное, что составляет основу жизнедеятельности человека, на что человек опирается в этом сложном и пока еще неустроенном мире, но что необходимо ведет человека к очеловечению в Человеке. Несмотря на то что Лобастов скромно говорит: «всяк увидит неполноту Ильенкова, взявшись эту книгу читать. Не увидит и ильенковской мысли в ее чистоте» (Лобастов, 2025: 399), — фактически в книге концентрированно представлен весь Ильенков: видение им человека как активного субъекта саморазвития, сущности его «предметно-преобразовательной общественно-практической деятельности» и сопровождающих ее атрибутов, ведущий из которых — мышление — Ильенков и полагает основным предметом философской рефлексии. Главное: Ильенков предстает глубоко мыслящим диалектиком, творчески продолжающим эту философскую линию в непосредственной связи мышления и предметно-практической деятельности, тождественности бытия и мышления. Но сказать так — сказать еще не всё. Фактически это книга-диалог, в которой Лобастов, безусловно, показывает себя адептом Ильенкова, но и предстает как страстный защитник его философского кредо, продолжающий традиции классиков прошлого, как философ, глубоко и творчески развивающий идеи Ильенкова. Если отметить сложность стиля, о которой предупреждает сам автор, — да, действительно, такая сложность имеет место, но это ско-

нее сложность не столько стиля, сколько самого материала, изложить который проще — значит последовать пословице «простота хуже воровства». Эта книга не катехизис для неопитов, но и не эзотерическое послание посвященным, а *путеводитель* для активных, ищущих. Пройдите этот путь вместе с Э. В. Ильенковым и Г. В. Лобастовым.

Список литературы и источников / References

- Ильенков Э. В. «Диалектика идеального». Ильенков Э. В. *Философия и культура*: [сб.]. М.: Политиздат, 1991. 229–269.
- Ilyenkov E. V. “Dialectics of Ideal”. *Filosofiya i kul'tura*: [collection]. By Ilyenkov. Moscow: Politizdat, 1991. 229–269. (In Russian).
- Ильенков Э. В. «К докладу о Спинозе („История диалектики“»). *Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков = The Soviet Philosophy Drama. Ewald Vasilyevich Ilyenkov: книга-диалог*. Сост. В. И. Толстых. М.: ИФ РАН, 1997. 170–182.
- Ilyenkov E. V. “On Spinoza (The History of Dialectics)”. *The Soviet Philosophy Drama. Ewald Vasilyevich Ilyenkov: dialog book*. Comp. V. I. Tolstykh. Moscow: IPh RAS, 1997. 170–182. (In Russian).
- Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм*. М.: Политиздат, 1968. 525 с. Т. 18 из *Полное собрание сочинений*. 5-е изд.
- Lenin V. I. *Materialism and Empirio Criticism*. Forew. by N. Lenin. Whitefish, MT: Literary Licensing, 2011. 392 p. Vol. 13 of *Collected Works of V. I. Lenin*.
- Лобастов Г. В. «Деятельность и категориальная форма». *Вопросы философии* 6 (2009): 72–81. EDN: КМККЗН.
- Lobastov G. V. “Activity and Categorical Form”. *Voprosy filosofii* 6 (2009): 72–81. (In Russian).
- Лобастов Г. В. *Ильенков. Внутри и вокруг*. М.: Русская панорама, 2025. 416 с.
- Lobastov G. V. *Ilyenkov. Inside and Around*. Moscow: Russkaya panorama, 2025. 416 p. (In Russian).

Информация об авторе

Петров Александр Павлович — независимый исследователь, участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247–30), pochta-123@mail.ru, SPIN-код: 3495-1521.

Information about the author

Alexandr P. Petrov — Independent Researcher, member of the Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture” (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247–30), pochta-123@mail.ru, SPIN code: 3495-1521.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026, одобрена после рецензирования 20.04.2026.
The article was submitted 24.02.2026, approved after reviewing 20.04.2026.

Феномен войны сквозь призму метафизики

И. Ю. Привалова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

privalova912@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность исследования:* современный мир переживает этап масштабного политико-экономического передела. Одновременная эскалация множества вооруженных конфликтов по всему миру и глобальная геополитическая трансформация, свидетельствующие о предстоящей смене цивилизационных моделей, актуализируют проблему всестороннего исследования феномена войны. *Целью исследования* является выделение метафизических оснований природы человека, а также метафизической природы феномена войны в контексте современной геополитической перестройки. *Новизна исследования* заключается в подходе к пониманию оснований военных конфликтов с точки зрения богословия и христианской антропологии. Феномен войны рассматривается в ракурсе духовной психологии. Выделяются метафизические основания природы человека, обуславливающие выбор совокупного человечества, — выбор в пользу войны или мира, Любви. *Материалы и методы исследования:* обзор современных подходов к пониманию категорий войны и мира, комплексный анализ философских, богословских и психологических аспектов феномена войны. *Результаты исследования:* в ходе комплексного анализа феномена войны обосновывается необходимость обращения к исследованию метафизических оснований природы человека, детерминирующих его специфический этический выбор. Выведены положения, проясняющие метафизические первопричины военных конфликтов. Обозначена практическая применимость выведенных положений в сферах дипломатии, политического управления, образования и конфликтологии.

Ключевые слова: феномен войны, политико-экономический передел мира, вооруженные конфликты, Любовь, Бог, Ветхий Завет, Новый Завет, богословие, христианская антропология, этический кодекс, ценности Любви, духовная психология, человечество, метафизическая природа человека, метафизическая природа войны

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Привалова И. Ю. «Феномен войны сквозь призму метафизики».

Экономические и социально-гуманитарные исследования 13.2 (2026): m05s02a35.

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m05s02a35.emimsf> EDN: EMIMSF.

The phenomenon of war through the lens of metaphysics

I. Yu. Privalova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

privalova912@rambler.ru

Abstract. *Relevance:* the contemporary world lives through the stage of large-scale political and economic repartition. Simultaneous escalation of many armed conflicts throughout the world and the global geopolitical transformation bearing evidence of upcoming civilizational models change, make actual the problem of comprehensive study of war phenomenon. *The aim* of this study is to single out metaphysical bases of human nature and of metaphysical nature of war phenomenon in the context of present-day geopolitical overbuild. The study *novelty* is in an approach to war conflicts understanding from the perspective of religious studies and Christian anthropology. The phenomenon of war is considered in terms of spiritual psychology. Metaphysical bases of human nature conditioning the choice of collective humanity — war or peace and Love choice preference — are singled out. *Materials and methods:* overview of contemporary approaches to understanding war and peace categories, comprehensive analysis of philosophical, doctrinal and psychological aspects of war phenomenon. *Results:* in course of comprehensive analysis of war phenomenon the need has been substantiated to go to the study of human nature's metaphysical bases determining specific human ethical choice. The provisions have been derived clarifying metaphysical origins of war conflicts. Practical applicability of these provisions in the field of diplomacy, political directorate, education and conflict studies were suggested.

Keywords: war phenomenon, political and economic world repartition, armed conflicts, Love, God, Old Testament, New Testament, religious studies, Christian anthropology, ethical code, Love values, spiritual psychology, humanity, metaphysical human nature, war metaphysical nature

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Privalova I. Yu. “The Phenomenon of War Through the Lens of Metaphysics”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m05s02a35. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m05s02a35.emimsf>

Введение

Сегодня человечество претерпевает очередную мощную геополитическую трансформацию: очередной политико-экономический передел мира. Одновременно «разгораются» множество вооруженных конфликтов по всему миру. Это сигнал приближения человечества к опасной фазе мирового развития, которая характеризуется крупномасштабными войнами за мировое лидерство.

В мировой экономической науке эти явления хорошо описаны великим русским ученым Н. Д. Кондратьевым, разработавшим теорию экономических циклов (Кондратьев, 2015). Согласно этой теории, при переходе между сменяющими друг друга длинными экономическими волнами возникает экономическая, политическая и зачастую даже военная нестабильность. Настоящий момент можно отнести к пятой волне Кондратьева,

© Привалова И. Ю.

а именно к этапу спада: прогнозируются экстраординарные военные события, посредством которых человечество выйдет на новый этап своего развития. В связи с этим вновь актуализируется проблема всестороннего исследования феномена войны. Предпримем попытку философского, богословского и отчасти психологического исследования феномена войны (именно эти три проблемных ракурса являются, по нашему мнению, взаимодополняющими).

Обзор литературы и подходов к пониманию категорий войны и мира

Приступая к исследованию понятия «война», мы находим, что в рамках разных подходов оно значительно различается. С точки зрения, например, социобиологического подхода, под войной понимается форма межгрупповой агрессии, унаследованная человеком от животных. Эта агрессия может иметь реализацию в массовых убийствах. Ключевая идея, объединяющая исследователей — представителей данного подхода, такова: война — естественное явление, характерное для всех живых существ (Лоренц, 1994; Дарвин, 1939; Фрейд, 2015). С точки зрения исследователей, использующих политологический подход, война — это вооруженное противостояние разного рода политических общностей, имеющих специфические интересы. Ключевая идея данного подхода: война всегда появляется там, где имеет место борьба за власть и собственность (Клаузевиц, 1934; Маккиндер, 2021; Хантингтон, 2003; Пирогов, Растимешина, 2025).

Исследователи, представляющие технико-правовой подход, определяют войну как вооруженное противоборство между группами людей, но при этом особо подчеркивают необходимость наличия армии, высоко развитых средств вооружения и особых тактико-стратегических компетенций всех участников противостояния (Владимиров,

2013; Гольц, 1886). В рамках этого подхода также вводится количественный критерий, отличающий вооруженный конфликт от войны (Махонин, 2010).

Задача прояснить суть феномена войны требует рассмотрения его в паре с противоположным явлением. В философской и светской литературе принято считать, что понятие «война» антонимично понятию «мир». Мир — отсутствие войны и конфликтов. Мир, понимаемый как результат общечеловеческих усилий по достижению согласия интересов всех сторон потенциального конфликта. В философском словаре мир определяется как «состояние отношений между народами и государствами, для которого характерно соблюдение основных общепринятых международных норм взаимоотношений без применения вооруженных сил и их угрозы»¹. Один из известнейших философов эпохи Просвещения Т. Гоббс, размышляя о войне и мире, говорил, что «...война возможна только потому, что люди не знают причин войны и мира, ибо только очень немногие занимались исследованием тех обязанностей, выполнение которых обеспечивает упрочение и сохранение мира, т. е. исследованием истинных законов гражданского общества» (Гоббс, 1989: 1: 78).

Фокусируя внимание на объективных общественных процессах, исследователи определяют категории войны и мира скорее с позиции философии, чем богословия. Однако если рассматривать категорию войны с точки зрения христианского богословия, то необходимо в первую очередь акцентировать внимание на понимании не внешних социальных процессов, а внутренней духовной жизни человека. Именно духовное состояние человека обуславливает тип социального взаимодействия, который принято называть войной или миром.

¹ Фролов И. Т., ред. *Философский словарь*. М.: Республика, 2001. 333.

Обращаясь к корпусу книг Священного Писания, мы видим неоднозначную трактовку феномена войны. В текстах Ветхого Завета, например, фигурируют множественные примеры божественного пощужения войн народов друг с другом (Втор. 20:1–4, 16–18; Нав. 6:1–20; Суд. 11:27; Лев. 26:14–46)². Однако в Новом Завете Христос провозглашает в качестве одной из заповедей блаженств миротворчество (Мф 5:9)³. Этическая регламентация «норм» *мести* в Ветхом Завете (Исх. 21:23–25; Лев. 24:19–20; Втор. 19:21)⁴ видимым образом входит в противоречие с новозаветными призывами прощать обидчиков, возрастая в духе, вплоть до любви к врагам. Возможно ли разрешение этого противоречия?

Из книг Ветхого Завета нам известно, что первый человек, совершив грехопадение в Раю, отпал от Бога и был изгнан из Рая. Человек нарушил божественное установление, вкусив запретный плод. Ослушавшись Бога, человек тем самым открыто вступил на путь противостояния со своим Творцом. Вся последующая история человечества, изобилующая войнами, является следствием того первого противостояния человека с Богом. Очевидно, причина первой и всех последующих войн лежит в плоскости проблематики свободы воли человека. Любящий Бог, сотворивший человека, даровал ему свободную волю, однако заповедал ему не вкушать плода до времени полного духовного созревания. Человек же воспользовался этим даром преждевременно и во вред самому себе. Не будучи готовым к принятию «твердой пищи» — полноты знания, — он утратил единство с Богом, повредив тем самым свою природу. Бог, понимаемый в христианстве

как Любовь, был отторгнут первым человеком. Человек отмежевался от Творца и, соответственно, сепарировался от Любви. Верховный падший ангел (дьявол), одно из имен которого — «разделяющий», успешно завершил свою работу в отношении человека. Человек встал на путь самостоятельного бытия вне Бога, тем самым добровольно обрек себя на страдания и смерть.

С точки зрения христианского богословия Бог есть Любовь, Творец и пантократор, сотворивший мир по законам Любви и удерживающий мир от хаоса посредством Любви. Войны, ведущие к хаосу, происходят от недостатка Любви в сепарировавшемся от Бога человеке. Следовательно, антонимом войны с точки зрения христианского богословия следует считать не мир, а Любовь (Бога). Вопреки устоявшемуся пониманию причин войны как несовершенства принятия политических и экономических решений, отметим здесь, что именно недостаток Любви в человеке, свободно отказавшемся от «жития в Боге», является первопричиной всех социальных катаклизмов и войн. Современные Отцы Церкви, равно как и ветхозаветные Пророки, подтверждают это, говоря: «Война человека с человеком — плод войны человека с Богом»⁵; «Нет мира нечестивым» (Ис. 57:21)⁶.

Ветхозаветное пощужение Богом войны, вероятно, следует интерпретировать как вынужденные педагогические меры Творца, адаптированные к текущему уровню духовного развития человека, отстранившегося от Бога. Эта позиция позволяет согласовать кажущуюся жестокость Ветхого Завета с новозаветными идеалами милосердия и миротворчества. Здесь ключевым становится

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Ветхий завет. М.: Российское Библейское общество, 2014. 1377 с. [Второзаконие, гл. 20, ст. 1–4, 16–18, с. 189; Иисус Навин, гл. 6, ст. 1–20, с. 209–210; Судей, гл. 11, ст. 27, с. 243; Левит, гл. 26, ст. 14–46, с. 124–125.]

³ Там же [Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 9, с. 1015].

⁴ Там же [Исход, гл. 21, ст. 23–25, с. 74; Левит, гл. 24, ст. 19–20, с. 121; Второзаконие, гл. 19, ст. 21, с. 189].

⁵ Святитель Николай Сербский (Велимирович). *Война и Библия*. М.: Сибирская благовонница, 2023. 4.

⁶ Библия... М., 2014. [Исаия, гл. 57, ст. 21, с. 722].

различение между вечными божественными нравственными принципами, «проистекающими» из Любви, и вынужденными временными историческими формами их реализации.

В силу того что в материальном мире все процессы развернуты во времени и протекают согласно законам диалектики через борьбу противоположностей, весьма логичной выглядит и мысль К. Маркса: «Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества» (Маркс, 1968: 46: 46).

Интересным представляется и тот факт, что, например, в русском языке понятие «мир» связано с покоем, понимаемым как отсутствие движения (вплоть до наименования умершего человека покойником, практики молитв об упокоении бессмертной души или фразы «покойся с миром», употребляемой при погребении умершего). Мир сознательно или бессознательно связывается человеком с внутренней тишиной, упокоением и благой вечностью. Однако же достижение этого мира обеспечивается непрерывной духовной бранью (войной) человека (Духа), живущего в теле. Исход этой войны детерминирован ресурсом, к которому человек прибегает при жизни, а именно ресурсом Духа, к стяжанию которого призваны христиане. Напомним, что согласно христианству, человек понимается трехсоставным, имеющим тело, душу и Дух. Тело и душа временны и уничтожимы, а Дух — это та бессмертная часть существа человека, которая живет вечно, это инструмент богообщения. Человек свободно может пренебречь Духом — и то-

гда он не будет спасен в вечности (не попадет в Рай). Но человек способен попасть в Рай еще при жизни в теле (Привалова, 2014). В Писании сказано: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк 17:21)⁷. Прибегая к святым церковным таинствам, соблюдая заповеди Господа Бога своего, человек способен воссоединиться с Творцом еще при жизни. Высшее призвание христианина — обожение. Бог-Любовь способен произвести акт воссоединения со своим возлюбленным творением, но только при условии, если человек изъявит желание, направив свою свободную волю к Богу. По сути, исполняя заповеди любви, человек вновь обретает утраченное при грехопадении целомудрие. Тело, душа и Дух, прежде разорванные (разделенные), воссоединяются в целостность.

Как мы уже говорили, одно из имен дьявола — разделяющий. Именно функцию разделения, отделения человека от Бога и человека от человека падший ангел (прежде Денница Бога) и реализовал в Раю. С тех пор целью жизни человека должно было стать воссоединение с Богом и всеми его творениями.

Исток любых конфликтов, включая войны, всегда заключается в разделении, несовпадении интересов участников⁸ (Циндренко, 2025). Соответственно преодоление конфликтов возможно только за счет обратной разделения диалектической формы — объединения целей, интересов, ценностей и пр. Уместно привести в качестве аналогии разработку коллектива ученых российского Научно-исследовательского института моделирования будущего (НИИМБ), а именно — манифест, призывающий к объединению цивилизаций во имя построения единого «Гармоничного Человечества»⁹. Основная

⁷ Там же [Лука, гл. 17, ст. 21, с. 1112].

⁸ Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. *За Русь Святую: Патриотизм и вера*. М.: Изд-во Моск. Патриархии Русской Православной Церкви, 2024. 89.

⁹ Буданов В. Г., Малков С. Ю., Сухонос С. И., Шербаков А. В. «Манифест». 2022. *НИИ Моделирования Будущего: официальный сайт*. 30.05.2026. <<https://niimb.ru/manifesto>>.

идея авторов манифеста заключается в том, что современное человечество стоит на этапе последней объединяющей «пересборки» — и если этот этап не будет успешно пройден, то человечество погубит себя. Объем накопившихся политических и экономических противоречий и в связи с этим опасность применения разработанных военных технологий настолько велики, что в случае непроехждения последнего этапа пересборки — «провала» так называемого большого антропологического перехода — человечество погибнет в огне ядерной войны.

По словам ученых, основателей НИИМБ, сутью грядущих глобальных перемен должен стать переход совокупного человечества к состоянию Вселенской Цивилизации. «Люди полностью выполнили наказ из Ветхого Завета — расплодились и заполнили планету. Но это лишь первый этап плана их развития. Если оставаться в христианской традиции, то дальше нам нужно искать согласно Новому Завету Царствие Небесное, где и стать осознанными соработниками и товарищами (сотрудниками) Бога. И если опираться на идеи русского космизма, то на следующем глобальном этапе нам предстоит понять Высший замысел в отношении Человека. Ближайший этап этого замысла — создание Гармоничного Человечества. А логика развития жизни через освоение всё новых и новых экологических ниш подсказывает нам, что дальше — освоение Солнечной системы. В конечном же итоге в этом замысле есть этап превращения человечества во Вселенскую Цивилизацию. Поэтому вся прошедшая история — всего лишь подготовительный этап освоения территории планеты, на которой предстоит строительство нового Гармоничного Человечества»¹⁰. Солидарно с мнением основателей НИИМБ отмечаем, что рождение новой «Вселенской Цивилизации» невоз-

можно, если мир останется раздробленным, дисгармоничным и полным противоречий. Необходимо произвести инвентаризацию, переосмысление и пересборку всего человечества на принципиально иных ценностных основаниях. Построение Вселенской Цивилизации возможно только посредством преодоления идеологии разделения, конкуренции и вражды существующих ныне цивилизаций. Необходимо создать единое и целостное человечество, которое имеет шанс выжить и прогрессивно развиваться в будущем.

Взгляд на проблему всестороннего исследования феномена войны сквозь призму психологии и христианской антропологии

С точки зрения психологической науки и христианской антропологии бесконечная конкуренция и борьба за ресурсы — это признаки «животного» человека, — человека, отказавшегося от Бога и поэтому постоянно пребывающего в страхе. Страх парализует человека, ведет к утрате творческих способностей. Не случайно в Библии¹¹ часто употребляется фраза «Не бойся!» Человек, стесавший Дух, находится в богообщении и лишен какого-либо страха. Он способен жить полноценной жизнью, творить и самореализовываться, не конкурируя с себе подобными. Исчезают разделение, разобщенность, устраняются причины конфликтов и войн, восстанавливается целостность Богочеловеческого организма.

Обратимся к событиям в мировом политическом процессе: председатель компартии Китая Си Цзиньпин предостерегает президента США Д. Трампа от резких и необдуманных политических шагов и решений, которые в исторической науке принято называть попаданием в «ловушку Фукидида». Суть этого исторического явления в следующем: страны, утрачивающие лидерское

¹⁰ Там же.

¹¹ Библия... М., 2014. 1377 с.

положение в геополитике, зачастую из страха перед тем конкурентом, кто активно завоевывает лидерские позиции, принимают решение о развязывании войны. Такая война не оправдана, но безотчетный, животный страх потери своих позиций не позволяет ее избежать. Этот витальный страх зачастую подталкивает людей к неправильным действиям, губительным как для них самих, так и для их оппонентов. Преодоление страха, а значит и разобщенности, ведущей к конфликтам и войнам, возможно только при наличии общей системы целей и ценностей. Корпус текстов христианского Священного Писания мог бы служить таким универсальным инструментом объединения, но по причине религиозной дифференциации народов это практически неосуществимо. Поэтому необходим поиск внерелигиозных объединяющих идей и ценностей. Вероятно, именно философская мысль могла бы оказаться весьма полезной в деле формирования образа будущего, построения «Гармоничного Человечества». Очевидно, что для реализации этой задачи необходимо отказаться от устаревших деструктивных идей, способствующих превосходству одной нации или цивилизации над другой и неминуемо порождающих конфликты и войны. Необходимо учитывать и сохранять культурные коды всех народов, при этом четко осмысляя и формулируя национальные ценности как вклад в общее дело объединенного человечества, выстраиваемого на бионических основаниях (как организма). Эта сложная задача может быть выполнена лишь на основании построения новой этики, с условием, что основные ее положения примут все участники объединения. В любой инсталляции новая универсальная идеология должна базироваться на этических принципах крупнейших мировых религиозных систем, веками ведущих работу по совершенствованию нравственного облика

человека. Например, христианские ценности, идеалы любви, жертвенности, взаимовыручки, добра и высокой нравственности, включенные в новый этический кодекс, полезны общему делу сохранения человечества, как минимум, прогрессивному развитию цивилизации, как максимум. Должно произойти осознание тупиковости траектории развития, избранной странами Запада, характеризующейся упором на бесконечное материальное потребление, которое в итоге ведет к исчерпанию как природных, так и человеческих ресурсов. Рассмотрим примеры моделей общества, исследуемых М. Фуко и А. Эренбергом. Модель дисциплинарного общества (Фуко, 1999) предполагает страдание человека от необходимости интериоризации жестких внешних предписаний. Согласно модели постдисциплинарного общества (Ehrenberg, 1998), страдания человека также неизбежны, хотя общество и сменило инструмент давления с явного внешнего на неявный внутренний. Человек претерпевает страдания по причине бесконечной гонки за материальными благами.

Не меняя ценностного вектора, человек не сможет избавиться от депрессивных настроений, неврозов и психофизического саморазрушения. Человеку, желающему вернуться в нормальное психическое состояние, а в идеале превзойти его и с энтузиазмом двигаться по жизни дальше, необходимо для начала обратиться к этимологии слова «энтузиазм». Энтузиазм происходит от греческого *ἐνθουσιασμός*, означающего наполненность Богом¹². В этом слове сокрыто божественное присутствие, попадая в которое человек и обретает вдохновение жить, творить и прогрессивно развиваться.

Заключение

Понимание категорий войны и мира в ракурсе философского и богословского исследования позволяет вывести положения, дающие основания переосмыслению

¹² Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 541.

обществом метафизической природы человека, а также метафизической природы войны:

1. Социобиологический, политологический и технико-правовой подходы описывают внешние формы войны, но не объясняют ее глубинных метафизических причин.
2. Первопричиной всех войн являются не политические просчеты, а духовное состояние человека, сепарация человека от Бога.
3. Ветхозаветные попущения войн Богом могут быть интерпретированы как педагогические меры Творца, согласуемые с новозаветными идеалами милосердия.
4. В качестве антитезы войны необходимо использовать не понятие «мир», а понятие «Любовь».
5. Для перехода к «Вселенской Цивилизации» человечеству необходимо произвести «пересборку» на основании нового этического кодекса.
6. Конкуренция, борьба за ресурсы, ориентация на материальные блага — признаки «животного» человека — в страхе. Страх парализует человека и подталкивает его к губительным решениям. Человек, стяжавший Дух и находящийся в богообщении, лишен страха, способен к мирному сосуществованию с другими и творчеству без конкуренции, что ведет к устранению первопричин войны.

7. Человеку, желающему построить будущее, в котором нет войн и конфликтов, необходимо прежде всего совершить переосмысление метафизических оснований своей природы.

Данные положения могут иметь практическое применение в сферах:

- дипломатии и безопасности (новая «Этика Любви» — для предотвращения попадания в «ловушку Фукидида» и снижения рисков эскалации военных конфликтов);
- политического управления (учет уровня духовности, разобщенности и страхов — для оценки риска конфликтов);
- образования (программы, формирующие ценности любви, милосердия, взаимовыручки, — для ухода от конкуренции как первопричины конфликтов);
- конфликтологии (медиация с целью выявить общие интересы и ценности).

Научные исследования, направленные на прояснение первопричин военных конфликтов, могут быть продолжены в рамках следующих направлений: психология религии, антропология, социология, политология и др., — как в конкретно-научном, так и в междисциплинарном формате. Также возможно моделирование перехода к «Вселенской Цивилизации», учитывающее технологические, социальные и духовные компоненты.

Список литературы и источников / References

- Владимиров А. И. *Основы теории войны*. М.: Синергия, 2013. 832 с. Ч. 1 из *Основы общей теории войны*: в 2 ч.
- Vladimirov A. I. *Foundations of War Theory*. Moscow: Sinergiya, 2013. 832 p. (In Russian). Pt. 1 of *Osnovy obshchey teorii voyny*. 2 parts.
- Гоббс Т. *Сочинения*: в 2 т. Т. 1. Пер. с лат. и англ. Н. Федоров, А. Гутерман. М.: Мысль, 1989. 622 с. Философское наследие.
- Hobbes T. *The Elements of Law, Natural and Politic*. Ed. with an introd. and notes by J. C. A. Gaskin. Oxford: Oxford Up, 1999. 284 p.

- Гольц Кольмар ф. д. *Вооруженный народъ*. Пер. съ нѣм. К. А. Есаулов. С.-Петербургъ: Воен. тип., 1886. 449 с.
- Goltz, Colmar Freiherr von der. *Das Volk in Waffen: ein Buch über Heerwesen und Kriegführung unserer Zeit*. Berlin: R. Decker Verlag, 1883. 516 S. (In German).
- Дарвин Ч. *Происхождение видов путем естественного отбора*. Под ред. А. Д. Некрасова. М.: Ленинград: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1939. х, 831 с. Т. 3 из *Сочинения*: в 9 т.
- Darwin Ch. *The Origin of Species*. New York: P. F. Collier, 1909. 552 p.
- Клаузевиц К. *О войне*. Пер. с нем. А. К. Рачинского. [2-е изд.]. М.: Гос. воен. изд-во, 1934. xvi, 692 с.
- Clausewitz Carl von. *Vom Kriege*. Berlin: F. Schneider & Co., 1880. 610 S. (In German).
- Кондратьев Н. Д. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*: избр. труды. М.: Альма матер; Академический проект, 2015. 638 с. Избранные экономические труды.
- Kondratieff N. *Long Wave Cycle*. Transl. by G. Daniels. Introd. by J. M. Snyder. New York: E. P. Dutton, 1984. 138 p.
- Лоренц К. *Агрессия. Так называемое зло*. Пер. с нем. М.: Прогресс-Универс, 1994. 272 с. Б-ка зарубежной психологии.
- Lorenz K. *On Aggression*. New York: HarperCollins, 1974. 324 p. Harper Paperbacks.
- Маккиндер Х. *Географическая ось истории*. Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021. 285 с. Мировой порядок.
- Mackinder H. J. *The Geographical Pivot of History*. London: Royal Geographical Society, 1904. 444 p.
- Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов*. М.: Политиздат, 1968. xxiv, 559 с. Т. 46, ч. 1 из *Сочинения*. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 40–50.
- Marx K. *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy (Rough Draft)*. Transl. with a forew. by M. Nicolaus. London: Penguin Books, 1993. 912 p. Penguin Classics.
- Махонин В. А. «Вооруженные конфликты: понятия, классификация, причины возникновения». *Военная мысль* 8 (2010): 3–14. EDN: MUVAFB.
- Makhonin V. A. “Armed Conflicts: Notions, Classification, Causes of Occurrence”. *Voyennaya mysl'* 8 (2010): 3–14. (In Russian).
- Пирогов А. И., Растимешина Т. В. «Философия гибридных войн: онтологические аспекты». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.2 (2025): 94–107. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-94-107>. EDN: SCHEVG.
- Pirogov A., Rastimeshina T. “The Philosophy of Hybrid Warfare: Ontological Aspects”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.2 (2025): 94–107. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-2-94-107>
- Привалова И. Ю. «„Дорога в рай“: философские, синергетические и теологические аспекты». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 3-4 (2014): 65–68. EDN: TJIORH.
- Privalova I. Yu. “‘The Way to Heaven’: Philosophical, Synergetic, and Theological Aspects”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 3–4 (2014): 65–68. (In Russian).
- Фрейд З. «В духе времени о войне и смерти (1915)». *Малое собрание сочинений*. Фрейд. Пер. с нем.: Р. Додельцев, О. Медем, Я. Коган. СПб.: Азбука, 2015. 328–356.
- Freud Z. *Zeitgemasses Über Krieg Und Tod — Warum Krieg?* Hrsg.: J. Le Rider. Wien: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2025. 143 S. (In German).
- Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Пер. с фр. В. Наумов. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с. Университетская б-ка.
- Foucault M. *Surveiller et punir : Naissance de la prison*. Paris : Gallimard, 1975. 352 p. (In French).
- Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Пер. с англ. Ю. Новиков. М.: АСТ, 2003. 603 с. Philosophy.
- Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Penguin Books, 1997. 367 p.

Циндренко Ю. П. «Взаимосвязь религии, войны и мира». *Цивилизация знаний: российские реалии: сб. материалов XXVI Междунар. науч. конф.* (01–25 апреля 2025 г.). М.: РосоУ, 2025. 598–605. EDN: OABSNP.

Tsindrenko Yu. P. “Interconnection between Religion, War and Peace”. *Tsivilizatsiya znaniy: rossiyskiye realii: sb. materialov XXVI Mezhdunar. nauch. konf.* (01–25 aprelya 2025 g.). M.: Russian New U, 2025. 598–605. (In Russian).

Ehrenberg Alain. *La fatigue d'être soi. Dépression et société*. Paris : Odile Jacob, 1998. 320 p. (In French).

Информация об авторе

Привалова Ирина Юрьевна — кандидат философских наук, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), privalova912@rambler.ru, SPIN-код: 6183-3206.

Information about the author

Irina Yu. Privalova — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), privalova912@rambler.ru, SPIN code: 6183-3206.

Статья поступила в редакцию 23.05.2026, одобрена после рецензирования 02.06.2026.

The article was submitted 23.05.2026, approved after reviewing 02.06.2026.

Технологии «мягкой силы» в реалиях цифровизации: социально-философский анализ

Н. Н. Равочкин¹✉, В. И. Красиков²

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

¹ Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкова,
г. Кемерово, Россия

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Россия

✉ nickravochkin@mail.ru

Аннотация. С позиции социальной философии авторы рассматривают технологии «мягкой силы» в реалиях цифровизации. *Актуальность темы исследования* определяется тем, что в эпоху информационного перенасыщения соревнование за внимание и симпатии глобальной аудитории выходит на первый план. «Мягкая сила» в цифровую эпоху всё чаще пересекается с методами киберопераций, дипфейками и манипуляциями, требуя переосмысления границ между привлечением и принуждением. *Научная новизна* обусловлена переходом от описания инструментов цифровой «мягкой силы» к анализу ее сути и факторов проявления в современном мире. *Методология исследования:* феномен «мягкой силы» не может быть адекватно изучен исходя из одного методологического принципа, это явление полифункциональное и многофакторное, поэтому его изучение основано на системном подходе — на синтезе структурно-функционального анализа и диалектического метода. *Основной результат исследования* заключается в утверждении, что понятие «мягкой силы», предложенное американским политологом Дж. Наем (Joseph Samuel Nye Jr.) в конце XX в., подразумевает способность государства добиваться своих целей за счет привлекательности культуры, политических идеалов и программ, а не путем принуждения или финансовых посулов. Определены магистральные направления использования «мягкой силы» в современном мире.

Ключевые слова: «мягкая сила», цифровизация, глобальная аудитория, государство, политика, ценность, влияние, общество, практики, норма

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Красиков В. И. «Технологии „мягкой силы“ в реалиях цифровизации: социально-философский анализ». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m03s02a40.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m03s02a40.hqbunf> EDN: HQBUNF.

Original article

Soft power technologies in the digitalization realities: A socio-philosophical analysis

N. N. Ravochkin¹✉, V. I. Krasikov²

¹Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

¹Kuzbass State Agricultural University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russia

²All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

✉ nickravochkin@mail.ru

Abstract. From the perspective of social philosophy, the authors consider soft power technologies in the digitalization realities. The research theme *relevance* is determined by the fact that in the era of information saturation, competition for the attention and sympathy of a global audience comes to the fore. Soft power in the digital age is increasingly intersecting with methods of cyber operations, deepfakes and manipulation, requiring a rethink of the boundaries between attraction and coercion. The *scientific novelty* is conditioned by the transition from describing the tools of digital soft power to analyzing its essence and the factors of its manifestation in the modern world. *Research methodology:* the phenomenon of soft power cannot be adequately studied based on a single methodological principle, this phenomenon is multifunctional and multifactorial, and therefore its study is based on a systemic approach — on the synthesis of structural and functional analysis and the dialectical method. The *main research result* is the assertion that the concept of soft power proposed by the American political scientist Joseph Nye at the end of 20th century implies the government ability to achieve its goals through the attractiveness of culture, political ideals and programs, and not through coercion or financial promises. The fundamental directions of using soft power in the modern world have been identified.

Keywords: soft power, digitalization, global audience, government, politics, value, influence, society, practices, norm

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Ravochkin N. N., Krasikov V. I. “Soft Power Technologies in the Digitalization Realities: A Socio-Philosophical Analysis”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m03s02a40. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m03s02a40.hqbnf>

Введение

Ненасильственные методы влияния, или методы «мягкой силы», обретают свою актуальность в постмодернистских реалиях. Понятие «мягкой силы» введено в оборот политическим деятелем и ученым Дж. Наем (Joseph Samuel Nye Jr.). В самом общем виде данным термином названа форма политической власти, которая предполагает способ-

ность и возможность социальных (и в частности политических) институтов добиваться желаемых результатов за счет участия в них граждан на добровольной основе, симпатии и привлекательности. Подобное понимание контрастирует с трактовкой феномена «жесткой силы», суть которой состоит в различного рода принуждении. Представленная концепция сразу после ее введения в научный

© Равочкин Н. Н., Красиков В. И.

оборот вызвала бурную критику со стороны как политического сообщества, так и научно-го, что обуславливается рядом причин. Среди них центральной причиной имеет смысл считать позицию ученых, согласно которой в представленной концепции нет ничего принципиально нового, поскольку в той или иной степени политические субъекты применяют «мягкую силу». Вместе с тем существенным оказывается состояние эйфории в США, опосредованное «концом истории», в период после окончания противостояния между двумя блоками — НАТО и ОВД (Лебедева, 2017).

Однако в начале XXI в. в ходе ряда событий, в том числе террористических актов 11 сентября 2001 г., принципиально встал вопрос о выстраивании отношений между США и странами арабского мира, исключая физический (силовой) принцип влияния. Позднее к подобному подходу присоединились и Россия, и ряд других стран, для которых «мягкая сила» представляет собой значимый и весомый способ влияния на участников международного политического процесса (Наумов, Белоусова, 2022).

Многоликость «мягкой силы»

Джозеф Най не дает однозначного определения «мягкой силе», но при этом привлекательность полагается им в качестве фундаментального принципа, а именно: не важно, сколько врагов убил тот или иной человек, но значимо, сколько друзей он приобрел. Предполагается, что традиционное понимание политического лидера состоит в том, что этот политический субъект пользуется, по сути, прямыми силовыми методами реализации властных полномочий: он «физически продавлиывает» желанные для него решения. Однако сущность «мягкой силы» определяется в первую очередь тем, что политический лидер получает желаемое без применения угроз или подкупа. О. Г. Леонова высказывает идею: «Страна может получить необхо-

димые ей результаты в мировой политике уже только потому, что другие страны, восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости, желают следовать ее примеру» (Леонова, 2018: 1: 102).

По своему содержанию «мягкая сила» есть феномен, позволяющий сделать привлекательным некоторый образ, следование которому воспринимается как желанное, вожаемое. Рассматриваемый тип власти можно определить через способность формирования предпочтений других индивидов, так или иначе сопряженных через нематериальные активы, под которыми мы понимаем харизму, аксиологические конструкты и структуры, связанные с властью, а также саму политику, обладающую свойствами легитимности и моральной авторитетности. Содержательно мы видим, что феномен «мягкой силы» определяется наличием трех важнейших элементов: знание — эмоции — действия. Внешние, выраженные в рациональной форме способы влияния основаны на грубой силе, внешнем принуждении, что требует существенных финансовых вливаний и порой не приводит к желаемому эффекту. Практика реализации «мягкой силы» отныне оказывается более эффективной благодаря именно эмоциональному (говоря шире, ценностному) влиянию со стороны источника властных отношений.

Идеи привлекательности и дружелюбности становятся основанием деятельности политических акторов, направленной на помощь в достижении общих целей. Механизм такой деятельности связывается с формированием в субъекте, на который вы оказываете влияние, потребности помочь вам в достижении того, чего вы хотите. Представленный метод позволяет полностью исключить силовые способы решения проблем и заменить их эффектом привлекательности. Так, экономическая помощь и миротворчество оказываются ценным основанием для

формирования позитивного образа государства на международной арене, что фундирует применение «мягкой силы» в условиях современного международного политического процесса (Леонова, 2018). Кроме того, механизм реализации данного феномена связывается учеными со способностью государств создавать нормативное измерение на международном уровне. Речь идет о законах и правилах, которые позволяют стране реализовывать ее национальные цели и учитывать потребности граждан, что в конечном счете приводит к привлечению политических акторов. Аналогичный механизм работает при следовании государств определенным правилам, которые позволяют стимулировать других участников международных отношений действовать в обозначенном «русле». Поэтому имеет смысл говорить, что содержательно «мягкая сила» предполагает использование принципа привлекательности в разных областях — от политики, культуры до сфер образования и ценностного измерения коллективного (в частности политического) бытия в различных государственных институтах.

Широко распространен подход, согласно которому «мягкая сила» отождествляется с пропагандой. В самом общем виде понятие пропаганды имеет негативную коннотацию, что делает возможным перенести это отношение на восприятие понятия «мягкой силы». Вместе с тем следует напомнить, что «мягкая сила» категоризируется через принцип привлекательности. Пропаганда, наоборот, далеко не всегда базируется на привлекательности. В таком ракурсе достаточно четко проявляются неолиберальный подход к международным отношениям и реалистская установка, транслируемая большинством современных исследователей политических процессов. Дж. Най, отстаивая трактовку введенного им понятия, уточняет, что «мягкая сила» базируется на дипломатии негосударственных участников политического процесса, что делает обозначаемый им социальный феномен принципиально

отличным от пропаганды как формы политических процессов (Леонова, 2018).

«Мягкая сила» может реализовываться за счет ресурсов абсолютно разных областей коллективного бытия, среди них — образование, культура, спорт и другие. Так, феномен «мягкой силы» реализуется в рамках образовательной деятельности: представители ряда стран (среди которых имеет смысл отметить США, Китай, страны ЕС) «прекрасно осведомлены о том, что образование является одним из наиболее важных инструментов для достижения в перспективе доминирования на мировой политической арене» (Антюхова, 2019: 10.2: 87). Общая цель реализации «мягкой силы» через ресурсы образования заключается в том, чтобы перенести вполне определенные ценностные и познавательные ориентиры в уже подготовленную «почву» — т. е. в сознание иностранной аудитории. Сюда «вбрасываются» «семена идей и идеалов», а также принципы эстетических и политических ориентиров (Антюхова, 2019: 10.2: 87). На основании образовательных программ, регламентируемых вполне конкретными юридическими нормами (в частности программой Фулбрайта, финансируемой государственным департаментом США), становится возможным реализовывать так называемую публичную дипломатию, выраженную в трансляции механизмов образовательного процесса по всему миру (Антюхова, 2018).

Направления применения «мягкой силы»

Следует говорить о том, что подобная форма публичной политики дает возможность находить методы решения ряда принципиально важных проблем. Так, в США для решения внешнеполитических вопросов в рамках образования используется воздействие «мягкой силы» на движения студенчества. При этом огромную роль в реализации «мягкой силы» через образование играют частные фонды и негосударственные институты. Е. А. Антюхова указывает на десяток

наиболее известных частных фондов, которые практикуют различные направления поддержки студентов, в том числе оказание помощи женщинам с высшим образованием и (или) ученой степенью (предоставляют гранты и стипендии), а также организацию научно-образовательных мероприятий (Антюхова, 2019: 10.2: 89).

Не менее ценным направлением воздействия «мягкой силы» в системе образования следует считать формирование кадрового потенциала — как внутри страны, так и за ее пределами. Частным случаем является образовательная политика Китая, благодаря которой за последние три десятилетия удалось решить проблему низкого качества образования. Ряд исследователей указывают на стратегию увеличения числа образованных сотрудников во всех областях и сферах в Китае (Зуляр, 2023; Сунь, 2025). Были реализованы две известные программы: «Проект 211» и «Проект 985», цель которых состояла в увеличении числа студентов и вузов в стране, а также в увеличении числа иностранных студентов, обучаемых по китайским программам как внутри Китая, так и вне страны (Ло, 2022). Всё это привело к резкому повышению уровня подготовленности специалистов на внутреннем рынке, повышению степени доверия к китайской системе образования, равно как и к политической системе государства.

Вместе с тем следует заметить, что представленные механизмы «мягкой силы» трактуются как традиционные, реализуемые в классическом и современном международном сообществе. Концептуализируется точка зрения, согласно которой эффективность описанных нами методов и приемов не вызывает сомнений, однако говорится о том, что благодаря внедрению в повседневное использование новых технических (в частности электронных) инструментов, реализация «мягкой силы» становится более эффективной.

В условиях цифровой «революции» границы государств оказались размытыми, появилась техническая возможность преодолеть политические и иные границы между странами. Технология «мягкой силы», базирующаяся на трансляции ценностей страны, ее культуры и внешней политики, приобрела новые инструменты воздействия, это — «цифровая дипломатия, (интернет-дипломатия, дипломатия социальных сетей или Web 2.0 дипломатия), то есть использование Интернета и информационно-коммуникационных сетей для решения дипломатических задач» (Алешкина, 2018: 18.1: 144). В цифровом обществе важен транзит от государственных институтов к негосударственным, что детерминировано использованием интернет-технологий и развитием виртуальных способов трансляции информации. Отметим, что принципиальным оказался тот факт, что «мягкая сила» в условиях цифровой среды реализуется в так называемой цифровой дипломатии, т. е. такой форме дипломатии, которая фундируется цифровыми способами влияния и трансляции информации. Так, механика ее распространения в США представлена аккумуляцией либертарианских сил в цифровой среде, что позволяет транслировать соответствующие ценностные ориентации на просторах глобальной сети.

Цифровая дипломатия как форма проявления «мягкой силы» в цифровом обществе обладает важными преимуществами. К таковым ученые относят «расширение присутствия в социальных сетях и доступный Интернет, в который входит разработка технологии для обхода цензуры; распространение демократии через обучение представителей оппозиции авторитарных стран работать в социальных сетях, а также внедрение мобильной связи, с помощью которой можно обмениваться информацией в обход запретов властей» (Алешкина, 2018: 18.1: 144).

Когда образование было наиболее востребованным способом передачи ценностного измерения силы как таковой, оно выполняло поставленные перед ним задачи. Однако сегодня оказалось, что существует два препятствия, затрудняющие использование образовательных технологий и, как следствие, снижающие эффективность применения «мягкой силы». К таковым имеет смысл отнести наличие внутри каждого конкретного государства комплекса идей и ценностей, которые транслируются через систему образования. Именно это определяет становление и сохранение единства идейно-идеологического ценза в структуре мировоззрения общества и государства. Принципиальной оказывается потребность государств в транслировании контента, позволяющего передавать и закреплять в мировоззрении потребителей ценности, свойственные образу жизни конкретного государства.

Вхождение в государственную систему обучения со стороны довольно затратно финансово и требует весьма внушительных временных инвестиций. В связи с этим проблеме составляют материальные и иные затраты, которые необходимо вкладывать в продвижение классической «мягкой силы». Использование цифровой дипломатии как варианта данной формы влияния дает возможность минимизировать различные формы затрат. Кроме того, получение информации в цифровой форме предполагает облегченный способ обхода и минимизирования цензуры, «стоящей» между источником и потребителем информации. Различные электронные ресурсы дают возможность обойти классические запреты, что делает более эффективным влияние на потребителей информации.

«Мягкая сила» в цифровой реальности

Ценность цифровой дипломатии как формы проявления «мягкой силы» определяется использованием в первую очередь

социальных сетей, которые представляют собой ключевой канал объединения молодежи. Влияние на последнюю оказывается едва ли не определяющей целью общественной дипломатии: цифровые ресурсы зарубежных стран становятся, по версии ряда исследователей, платформами пропаганды ценностей недружественных государств и их идеологии (Глебова, Воробьев, Хабибрахманова, 2024; Мусаева, 2019).

Интересно отметить, что цифровое общество, благодаря символическому сетевому капиталу новой культуры, позволяет формировать принципиально новую природу «мягкой силы». Созидающие методики реализации «мягкой силы» ориентированы в первую очередь на формирование привлекательного образа коллективного *Мы*. Однако технологии интернет-коммуникации придают данной форме влияния порой инверсионный характер: возможна реализация негативных форм и способов «мягкой силы», формирующих общественное мнение, как отмечается в научной литературе (Рейнгольд, 2006). В системе негативных методик данной силы создается негативный образ *Другого* как врага. Полагается идея о том, что противник имеет некоторое *Я*, которое необходимо очернить и использовать полученный эффект для создания позитивного собственного образа. Это выражается в том, что в ряде случаев «мягкие» признаки и характеристики ресурса влияния утрачиваются и заменяются на более или даже совсем «жесткие» инструменты влияния. В частности, Г. Рейнгольд высказывает утверждение о том, что организация массовых акций через социальные платформы и мессенджеры может находиться в пределах от достаточно позитивных воздействий до весьма негативных. К первым следует отнести акции, направленные на созидательную деятельность, создание позитивного образа/актора, укрепление доверия и добрососедства. Частным примером является организация

дней Италии в Москве, франкофония в различных ее вариациях. Ко вторым Г. Рейнгольд откровенно относит деструктивные, организованные извне, в том числе включающие противостояние правоохранительным органам (Рейнгольд, 2006). Например, события «арабской весны» или протесты в Гонконге в 2019 г. Так, протесты в Гонконге координировались через Telegram-каналы, что делалось для того, чтобы активисты знали, где может потребоваться их помощь. Некоторые каналы создавались для единственной цели — следить за действиями полиции. Кроме того, другие соответствующие каналы использовались для трансляции профессиональной медицинской информации, а также решений со стороны юристов, которые консультировали протестующих. Также участники могли голосовать за последующие решения по действиям, реализуемым в ходе протестов. Официальные лица данной социальной сети (мессенджера) жаловались на DDOS-кибератаки на серверы компании в «самые горячие дни в Гонконге».

Историю «горячих дней» в Гонконге 2019 г. можно интерпретировать вполне определенно: «мягкая сила» как форма влияния на поведение человека и его менталитет плавно перетекает в область интернет-технологий и ряда социальных сетей, которые используются для влияния на поведение человека. При этом отметим возможность негативного влияния на субъекта-интерпретанта и отказ от фиксации географического места, из которого осуществляется воздействие (Абрамов, 2006). Более того, ряд косвенных данных подтверждает, что крайне сложно определить личность субъекта, оказывающего влияние: анонимность и способы шифрования данных способствуют сокрытию дистанционного источника.

Справедлива мысль Г. Рейнгольда о том, что социальные сети и мессенджеры ускоряют мобилизационные процессы, результатом чего становится так называемая *умная*

толпа. Это понятие образно выражается так: «Умные толпы состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Люди, составляющие умные толпы, сотрудничают невиданным прежде образом благодаря имеющимся у них устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления. Переносные устройства соединяют их владельцев как с другими информационными устройствами поблизости, так и с телефонами других людей» (Рейнгольд, 2006: 8). Обозначенные свойства «умной толпы» делают ее восприимчивой к тем формам и способам трансляции информации, которые передает запрограммированный контент, действительно необходимый политическим элитам и ценный для них. Наличие у реципиентов мобильных технических устройств дает возможность проводить желаемую политику через «мягкую силу» достаточно эффективно и быстро.

Содержание «умной толпы» включает описание самоструктурирующейся социальной организации, основанной на использовании высоких технологий. Главный признак — способность действовать согласованно благодаря средствам массовой информации и информационно-коммуникационным системам.

На примере анализа феномена электронного аукциона eBay Г. Рейнгольд демонстрирует, как социальные сети дают возможность согласовывать взаимодействие между участниками любого коммуникационного процесса. Такое взаимодействие основывается на совместных и взаимных оценках качества общения. В свою очередь, полученные оценки становятся основанием для имиджа субъектов коммуникации, формирующего социальную репутацию и доверие к субъекту цифровой коммуникации (Рейнгольд, 2006).

Предложенная точка зрения позволяет говорить о том, что в рамках политической цифровой коммуникации действует *аргумент по аналогии*. Точно такие же принципы

доверия и формирования позитивной репутации создают возможность для продвижения на политическом уровне необходимых идей. Образовательные технологии, реализуемые в цифровом формате, традиционные средства массовой информации, переведенные в цифровой формат, предполагают необходимость влияния, основанного на репутации лидеров мнений как на политическом ресурсе конкретного государства. Важно понимать, что цифровая дипломатия как средство влияния зиждется на репутационном капитале, что делает ее фундаментом «мягкой силы» в цифровой среде.

Особое место в трансляции «мягкой силы» следует отвести феномену киберсимулякров, сущность которого заключается в создании образов-подделок, по своему содержанию не имеющих ничего общего с реальным положением дел. Формируется определенный образ, который выгоден тем, кто его транслирует. В научной работе А. В. Агеевой и Г. В. Красноцветова приводится ряд политически ангажированных примеров, анализ которых позволяет говорить о внедрении в общественное сознание готового оценочного нарратива с ценностными окрасками. В качестве отправной точки воздействия используются резонансные события, к ним добавляются оценочные, ничем не подтвержденные высказывания (Агеева, Красноцветов, 2020). Полученный нарратив демонстрируется через социальные сети и иные каналы массовой (в первую очередь цифровой) коммуникации, так формируются образ врага и образ друга. Перед нами классический пример использования политического антипиара как средства формирования негативного образа конкурента. Вопрос ставится не об ангажированности журналистов, которые проводят расследование, а о том, насколько открытые цифровые источники фальсифицируемы и компрометируемы. Как следствие, получаемое финальное отношение к поступающей информации, образу детер-

минируется не интерпретатором, подающим информацию, а скорее доверием к первоисточнику, на который оказывается первоочередное влияние.

Не менее интересной формой проявления «мягкой силы» в цифровой среде следует считать цифровую стигматизацию, суть которой заключается в создании маркеров на конкретного субъекта политических отношений (Володенков, Федорченко, 2018). Появляется возможность не только маркировать конкретного оппонента, явление или ситуацию, но также и фиксировать, и сохранять поддержку этого маркера. Частным примером такой формы «мягкой силы» имеет смысл считать введение в ряде государств специального электронного раздела (обозначенного как «фейки») для контроля за новостными ресурсами внутри информационного поля государства. Как показывают А. В. Агеева и Г. В. Красноцветов, данный метод имеет две противоположные формы реализации. Во-первых, конкретное государство борется против симулякров и фейковой информации о деятельности государственных структур. Во-вторых, государство использует фейковые новости в целях дестабилизации политической силы в иной стране и государстве (Агеева, Красноцветов, 2020). Вывод очевиден: представленные методы «мягкой силы» являются средствами борьбы с привлекательностью образа конкурентов как политических субъектов. Негативные средства направлены на нивелирование позитивного и привлекательного образа и преднамеренное создание отталкивающего образа коллективного «они». Через его конструирование появляется возможность создать собственное позитивное *Мы*, выгодно отличающееся от созданного образа «они». Частным примером такого метода воздействия служит следующий факт: «Журналисты подсчитали, что за время избирательной кампании Дональд Трамп сделал в два раза больше твиттов, чем Х. Клинтон, которая

убеждена, что лживая информация о ней, распространенная через Фейсбук¹, стала одной из главных причин поражения» (Алешкина, 2018: 18.1: 147). Данному примеру подобен феномен позитивной информации, размещенной в социальных сетях. Так, И. Маск (Elon Musk) демонстрирует ряд технических изделий (скафандры и ракеты), созданных его компанией; и утверждает, что они могут быть использованы для колонизации планеты Марс. Однако следует понимать, что перед нами — цифровая форма информации о так называемых товарах двойного назначения, которые могут быть использованы как в гражданской сфере, так и в военной. Образ данных товаров может считаться формой продвижения достижений не только отдельных инвесторов и глав компаний, но также и государств.

Вместе с тем следует говорить о некоторых потенциальных последствиях всей совокупности негативных методов реализации «мягкой силы» в цифровой среде. Интернет-троллинг, сетевое хулиганство, иные формы социальной провокации приводят к необходимости обращения к «эпичному троллингу» как новой форме политической коммуникации (используемой в цифровой среде) (Сурма, 2015). Используются провокационные хэштеги, призванные привлечь внимание к малозаметным и порой бесполезным для анализа событиям. Подобного рода действия, с точки зрения ряда исследователей, способствуют падению политической культуры, в том числе в дипломатических ведомствах, предполагающих высокие стандарты моделей отношений.

Заключение

В целом можно говорить о том, что «мягкая сила» в современных условиях цифрового взаимодействия реализуется в сетевых формах интеракции через ресурсы социальных сетей. Современные технологии позволяют транслировать позитивный образ ценностей и создавать и использовать негативный образ соперника/противника/конкурента в политической среде.

«Мягкая сила» в современном мире превратилась в многомерный и сложный инструмент влияния, затрагивающий все сферы общественной жизни. Как было показано, ее магистральные направления затрагивают многочисленные сферы — от культуры и образования до технологий и туризма, — что открывает возможности для формирования новой архитектуры международных отношений, где привлекательность и убеждение играют не меньшую роль, чем традиционные рычаги власти. При этом важно понимать, что «мягкая сила» не заменяет «жесткую», а дополняет ее, создавая более сбалансированный и эффективный арсенал внешнеполитического влияния.

Перспективным для научного сообщества представляется выяснение эффективности конкретных кейсов применения «мягкой силы» в регионах и сферах общественной жизни. Целесообразно с этой целью определять степень аутентичности посыла масштабу вложенных ресурсов, соответствие заявленных ценностей реальной повестке и возможность создания новых устойчивых связей между субъектами.

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в России.

Список литературы и источников / References

- Абрамов Р. Н. «Мобильные коммуникационные технологии и повседневность: Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.». *Журнал социологии и социальной антропологии* 9.4 (2006): 185–192. EDN: MUKHWN.
- Abramov R. “Mobile Communicative Technology and Everyday Life: Howard Rheingold's ‘Smart Mobs’”. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology* 9.4 (2006): 185–192. (In Russian).
- Агеева А. В., Красноцветов Г. В. «„Мягкая сила“ в онлайн-пространстве: практический опыт применения технологий интернет-коммуникаций». *Власть* 28.2 (2020): 96–100. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7140>. EDN: YDXBLC.
- Ageeva A. V., Krasnotsvetov G. V. “Soft Power in Online Space: Practical Experience of Online Communication Technologies Application”. *Vlast' = The Authority* 28.2 (2020): 96–100. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7140>
- Алешкина Н. С. «„Цифровая дипломатия“: новые инструменты „мягкой силы“». *Вестник Поволжского института управления* 18.1 (2018): 143–150. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-1-143-150>. EDN: YUGKKS.
- Aleshkina N. S. “ ‘Digital Diplomacy’: New Tools of ‘Soft Power’ ”. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration* 18.1 (2018): 143–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-1-143-150>
- Антохова Е. А. «Образование как „мягкая сила“ в современных зарубежных и российских политологических исследованиях». *Вестник ВолГУ сер. 4 История. Регионоведение. Международные отношения* 23.4 (2018): 197–209. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17>. EDN: XWHHVR.
- Antukhova E. A. “Education as a Soft Power in Modern Foreign and Russian Politological Research”. *Vestnik VolGU ser. 4 Istoriya. Regionovedeniye. Mezhhdunarodnyye otnosheniya = Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations* 23.4 (2018): 197–209. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17>
- Антохова Е. А. «Фактор образования в „мягкой силе“ США, Китая и ЕС: Сравнительный анализ». *Сравнительная политика* 10.2 (2019): 86–98. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018>. EDN: BHMSPE.
- Antukhova E. A. “Factor of Education in Soft Power of the United States, China and the EU: A Comparative Analysis”. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia* 10.2 (2019): 86–98. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018>
- Володенков С. В., Федорченко С. Н. «Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества». *Социологические исследования* 11 (415) (2018): 117–123. <https://doi.org/10.31857/S013216250002791-3>. EDN: VNKCRX.
- Volodenkov S., Fedorchenko S. “Digital Stigmata as a Tool of Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of Modern State and Society”. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 11 (415) (2018): 117–123. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250002791-3>
- Глебова И. С., Воробьев А. А., Хабибрахманова Р. Р. «Современные ценности поколения Z в сравнительном анализе молодежи России и Китая: мифы и реалии». *Казанский социально-гуманитарный вестник* 1 (64) (2024): 51–61. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.51-61>. EDN: TQJFIT.
- Glebova I. S., Vorobiev A. A., Khabibrakhmanova R. R. “Modern Values of Generation Z in a Comparative Analysis of the Youth of Russia and China: Myths and Realities”. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik = Kazan Socially-Humanitarian Bulletin* 1 (64) (2024): 51–61. (In Russian). <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.51-61>
- Зуляр Р. Ю. «Обзор деятельности институтов государственной молодежной политики Китая на современном этапе». *Российско-китайские исследования* 7.4 (2023): 397–405. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).397-405](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).397-405). EDN: MKTFJC.

- Zulyar R. Yu. "Review of State Youth Policy in China at the Present Stage". *Rossiysko-kitayskiye issledovaniya = Russian and Chinese Studies* 7.4 (2023): 397–405. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).397-405](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).397-405)
- Лебедева М. М. «„Мягкая сила“: понятие и подходы». *Вестник МГИМО-Университета* 3 (54) (2017): 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>. EDN: ZAOVVX.
- Lebedeva M. M. "Soft Power: the Concept and Approaches". *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations* 3 (54) (2017): 212–223. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
- Леонова О. Г. «Джозеф Най и „мягкая сила“: попытка нового прочтения». *Социально-гуманитарные знания* 1 (2018): 101–114. EDN: YPLPTX.
- Leonova O. G. "Josef Nye and 'Soft Power': An Attempt to Read it Again". *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge* 1 (2018): 101–114. (In Russian).
- Ло М. «Современные системы социального управления молодежью в Китае». *Вестник Московского университета сер. 18 Социология и политология* 28.4 (2022): 277–292. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-277-292>. EDN: TNTYWF.
- Luo M. "Modern Systems of Social Management for Adolescents". *Vestnik Moskovskogo universiteta ser. 18 Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin ser. 18 Sociology and Political Science* 28.4 (2022): 277–292. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-277-292>
- Мусаева Г. К. «Цифровая дипломатия США как инструмент „умной силы“». *Научно-методический электронный журнал «Концепт»* 4 (2019): 159–165. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-13022>. EDN: BUGNEX.
- Musaeva G. "US Digital Diplomacy as an Instrument of 'Smart Power' ". *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Koncept" = Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"* 4 (2019): 159–165. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-13022>
- Наумов А. О., Белоусова М. В. «Эволюция концепции “мягкой силы” Дж. Найа: от рождения идеи до наших дней». *Вестник Московского университета сер. 21 Управление (государство и общество)* 2 (2022): 3–21. EDN: ITPPNG.
- Naumov A. O., Belousova M. V. "The Evolution of the Soft Power Concept by J. Nye from Its Formation to the Present Day". *Vestnik Moskovskogo Universiteta ser. 21 Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin ser. 21 Public Administration* 2 (2022): 3–21. (In Russian).
- Рейнгольд Г. *Умная толпа: новая социальная революция*. [Пер. с англ. А. Гарькавого]. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 415 с.
- Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, MA: Basic Books, 2002. 266 p.
- Сунь М. «Ценности в жизненном пространстве современного Китая». *Гуманитарный вектор* 20.1 (2025): 147–153. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2025-20-1-147-153>. EDN: WTAPIE.
- Sun M. "Values in the Living Space of Modern China". *Gumanitarnyy vektor = Humanitarian Vector* 20.1 (2025): 147–153. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2025-20-1-147-153>
- Сурма И. В. «Цифровая дипломатия в мировой политике». *Государственное управление: Электронный вестник* 49 (2015): 220–249. EDN: TTGYMJ.
- Surma I. V. "Digital Diplomacy in Global Politics". *Gosudarstvennoye upravleniye: Elektronnyy vestnik = E-Journal Public Administration* 49 (2015): 220–249. (In Russian).

Информация об авторах

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В. Н. Полецкого (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Красиков Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, 117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1), krasvladiv@gmail.com, SPIN-код: 5959-4314.

Авторский вклад

Равочкин Н. Н. — изучение концепции; формализованный анализ данных; обеспечение ресурсами; критический анализ и доработка текста. Красиков В. И. — научное руководство; курирование данных; подготовка начального варианта текста.

Information about the authors

Nikita N. Ravochkin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya st., 28); Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5), nickravochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1247-8231.

Vladimir I. Krasikov — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Russia, 117638, Moscow, Azovskaya st., 2 bldg. 1), krasvladiv@gmail.com, SPIN code: 5959-4314.

Author Contributions

N. N. Ravochkin — concept study; formalized data analysis; resources provision; writing — text critical analysis and revision.

V. I. Krasikov — scientific guidance; data curation; writing — initial text preparation.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026, одобрена после рецензирования 14.04.2026.

The article was submitted 13.03.2026, approved after reviewing 14.04.2026.

Музей как институциональный медиатор популяризации книги и библиотек: цифровые модели взаимодействия в социокультурном пространстве

Т. В. Растимешина

Государственная публичная научно-техническая библиотека России, Москва, Россия

✉ rast-v2012@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена разрывом между сохраняющимся высоким символическим статусом чтения и снижением интенсивности реальных читательских практик в цифровом социокультурном пространстве. Цель исследования — выявить и эмпирически обосновать модели взаимодействия музея и библиотеки, в которых музей выступает в роли медиатора, конвертирующего общий интерес к культурному досугу в устойчивую практику чтения. Новизна заключается в комплексном сопоставлении данных четырех опросов ВЦИОМ 2015–2026 гг. и анализе российских музейных практик, на основе которого впервые выделены и теоретически обоснованы четыре модели синергии музея, библиотеки и книги. Основные выводы: музей как более динамичное и событийное пространство способен выступить эффективным проводником, возвращающим читательскую аудиторию в библиотечную среду. Продemonстрирована эффективность моделей «музей как витрина книги», «библиотека в музее», «цифровой мост» и «событийные форматы», которые позволяют преодолеть инфраструктурные и когнитивные барьеры, превращая ситуативный интерес к библиотеке как «хабу знаний» в вовлеченность в чтение.

Ключевые слова: музей как медиатор, популяризация чтения, гибридное культурное потребление, библиотека, цифровая трансформация культуры, модели взаимодействия музеев и библиотек, музейная педагогика

Финансирование: публикация подготовлена в рамках Государственного задания ГПНТБ России на 2026 г. и плановый период 2027 и 2028 гг. № 075-00550-26-00 по выполнению работы № 126011215423-8 по теме «Электронное библиотековедение и развитие библиотечно-библиографической деятельности научных библиотек в условиях цифровой трансформации и цифровой зрелости информационной и образовательной среды (FNEG-2025-0006)».

Для цитирования: Растимешина Т. В. «Музей как институциональный медиатор популяризации книги и библиотек: цифровые модели взаимодействия в социокультурном пространстве». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m05s02a50.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m05s02a50.ebmmzb> EDN: EBMMZB.

Original article

Museum as an institutional mediator of book and library popularization: Digital models of interaction in the sociocultural space

T. V. Rastimeshina

Russian National Public Library for Science and Technology, Moscow, Russia

✉ rast-v2012@yandex.ru

Abstract. The *relevance* of this study stems from the gap between the persistently high symbolic status of reading and the declining intensity of actual reading practices in the digital sociocultural space. The *aim* of the study is to identify and empirically substantiate models of interaction between museums and libraries in which the museum acts as a mediator, converting a shared interest in cultural leisure into sustainable reading practices. The novelty lies in the comprehensive comparison of data from four WCIOM surveys conducted between 2015 and 2026 and the analysis of Russian museum practices, which for the first time identifies and theoretically substantiates four models of synergy between museums, libraries, and books. *Key findings:* the museum, as a more dynamic and eventful space, can act as an effective conduit, returning audiences to the library environment. The effectiveness of the “museum as a book showcase”, “library within a museum”, “digital bridge”, and “event formats” models is demonstrated, which help overcoming infrastructural and cognitive barriers, transforming situational interest into engagement in reading.

Keywords: museum as mediator, reading popularization, hybrid cultural consumption, library, digital transformation of culture, museums and libraries interaction models, museum pedagogy

Funding: the publication has been prepared within the State assignment of RNPLS&T for the year 2026 and the 2027–2028 planning period no. 075-00550-26-00 to perform the work no. 126011215423-8 on topic “Electronic library science and development of library and bibliographic activities of scientific libraries in conditions of digital transformation and digital maturity of information and educational environment (FNEG-2025-0006)”.

For citation: Rastimeshina T. V. “Museum as an Institutional Mediator of Book and Library Popularization: Digital Models of Interaction in the Sociocultural Space”. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m05s02a50. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m05s02a50.ebmmzb>

Введение

В современном социокультурном пространстве цифровой эпохи книга, библиотека и музей сосуществуют в едином, высококонкурентном цифровом культурном подпространстве. Основным вызовом для этих традиционных институтов становится борьба за время и внимание аудитории, рассредоточенное между потоками аудио- и видеоконтента, социальными сетями и множе-

ством других форматов проведения досуга. При этом, как показывают многочисленные социологические опросы, книга, библиотека и музей сохраняют исключительно высокий символический статус и пользуются значительным общественным доверием. В государственной культурной политике России поддержка чтения, развитие библиотечного дела и музейной деятельности являются стратегическими приоритетами, что находит

© Растимешина Т. В.

отражение в национальных проектах и федеральных программах, направленных на укрепление единого культурного пространства страны.

Однако данные социологических исследований фиксируют парадоксальный разрыв между высокой декларируемой ценностью чтения и реальной вовлеченностью граждан в соответствующие практики. Согласно данным опроса ВЦИОМ «Книга в эпоху цифры»¹ (ноябрь 2025 г.), 66 % россиян идентифицируют себя как «любящих читать», однако 26 % не читают книг совсем, а средний объем чтения за три месяца составляет 5,3 прочитанных и 2,7 недочитанных книги. Таким образом, почти треть декларирующих любовь к чтению не вовлечена в соответствующие практики. Аналогичная ситуация наблюдается и с библиотеками: как показало исследование «Как пройти в библиотеку?»², 89 % граждан когда-либо посещали библиотеки, но 63 % не делали этого более двух лет. Среди ключевых причин отказа от посещения респонденты называют нехватку времени (33 %) и возможность читать и скачивать книги в интернете (23 %, что демонстрирует трехкратный рост по сравнению с 2009 г.). При этом сами же респонденты указывают на меры, способные повысить привлекательность библиотек: обновление книжного фонда (28 %), доступ к электронным версиям (26 %), наличие компьютеров с выходом в интернет (26 %) и проведение культурно-просветительских мероприятий (24 %).

В то же время музеи демонстрируют более позитивные тенденции вовлеченности посетителей. Согласно опросам «Пошли

в музей?»³ (2024 г.) и «Идем в музей?»⁴ (2026 г.), около половины россиян посещали музеи за последние два года, а за последний год — 36 %. Примечательно, что доля желающих ходить в музеи чаще стабильно растет: с 53 до 66 % за 15 лет. Наибольший интерес к музейно-выставочному пространству демонстрирует молодежь 18–24 лет (58 %) и жители крупных городов. Важно отметить, что, согласно опросам, цифровые каналы — официальные сайты, социальные сети, онлайн-анонсы — усиливают интерес к музеям. Это свидетельствует о том, что музей уже успешно встроен в цифровое поведение аудитории и воспринимается ею не просто как хранилище артефактов, а как динамичное, событийное пространство, отвечающее на запрос современного человека о получении нового опыта, знаний и позитивных эмоций.

Таким образом, наблюдается общая для всех трех институций тенденция: высокий декларируемый интерес к чтению, библиотекам и музеям сочетается с менее интенсивными реальными практиками их потребления. Эта расщепленность между «интересом вообще» и конкретным действием формирует актуальную исследовательскую проблему: какие институциональные модели и форматы сотрудничества способны канализировать высокий символический престиж чтения в реальную, устойчивую читательскую культуру и привычку? Мы полагаем, что ключевым институциональным медиатором в этом процессе может выступить музей. В отличие от библиотеки, которой всё сложнее «достучаться» до потенциального читателя напрямую, музей уже воспринимается аудиторией как более яркое и событийное

¹ Смак Т. «Книга в эпоху цифры». 17.11.2025. ВЦИОМ Новости: [сайт]. 02.03.2026.

<<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kniga-v-ehpokhu-cifry>>.

² «Как пройти в библиотеку?». 08.06.2015. ВЦИОМ Новости: [сайт]. 02.03.2026.

<<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-projti-v-biblioteku>>.

³ «Пошли в музей?». 20.06.2024. ВЦИОМ Новости: [сайт]. 02.03.2026. <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poshli-v-muzei>>.

⁴ Атаева М. «Идем в музей?». 11.02.2026. ВЦИОМ Новости: [сайт]. 02.03.2026.

<<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idem-v-muzei>>.

социокультурное пространство соучастия, где, по точному замечанию Е. С. Шараповой, происходит «налаживание коммуникации и поиск новых языков и сигналов для активизировавшейся зрительской аудитории» (Шарапова, Растимешина, 2020: 1 (25): 110).

Цель настоящей работы — на основе вторичного анализа данных ВЦИОМ и обобщения российских музейных и библиотечных практик выявить и эмпирически обосновать цифровые модели взаимодействия музея и библиотеки, в которых музей выступает институциональным медиатором, конвертирующим общий интерес к культурному досугу в устойчивую практику чтения. В рамках исследования рассмотрены следующие проблемы: каковы точки пересечения и точки расхождения читательских, библиотечных и музейных практик россиян в цифровую эпоху? Какие форматы сотрудничества музея и библиотеки наиболее эффективно превращают ситуативный интерес в системную вовлеченность в чтение? Каким образом цифровые технологии могут не конкурировать с книгой, а служить мостом, ведущим к ней?

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении данных о читательских, библиотечных и музейных практиках россиян за период 2015–2026 гг. и выделении на этой основе четырех моделей синергии: «музей как витрина книги», «библиотека в музее», «цифровой мост» и «событийные форматы». В отличие от существующих работ, фокусирующихся, как правило, на одной из институций, данное исследование предлагает интегративный взгляд на проблему, помещая в центр анализа фигуру музея как «проводника» в мир книги и библиотеки.

Материалы и методы

Дизайн исследования базируется на вторичном анализе данных, полученных в ходе всероссийских опросов общественного мнения, а также на анализе кейсов институциональных практик. Эмпирическая база исследования:

- аналитический обзор ВЦИОМ «Книга в эпоху цифры»¹ (ноябрь 2025 г., всероссийский телефонный опрос);
- аналитический обзор ВЦИОМ «Пошли в музей?»³ (июнь 2024 г.);
- аналитический обзор ВЦИОМ «Идем в музей?»⁴ (февраль 2026 г.);
- аналитический обзор ВЦИОМ «Как пройти в библиотеку?»² (июнь 2015 г.);
- кейсы российских музейных и библиотечных проектов: концепция «Музей для читающих»⁵, проект «Русские чтения в музее Набокова»⁶, Музей книги Российской государственной библиотеки⁷.

Обзор литературы

Проблематика взаимодействия библиотек и музеев в контексте популяризации чтения и культурного наследия находится в фокусе внимания современных исследователей. Значительный пласт работ посвящен цифровой трансформации этих институций. Так, О. В. Кононова рассматривает виртуальный музей как перспективную форму раскрытия и популяризации уникальных книжных фондов, отмечая, что библиотеки пока недостаточно активно используют эту форму, несмотря на ее потенциал для обеспечения доступа к культурным ценностям (Кононова, 2025). В нашей работе с Е. С. Шараповой анализируется феномен виртуального музея и рождение новой философии экспозиционного пространства и подчеркивается, что музей оказывается «встроенным

¹ «Музей для читающих». Сор. 2023–2024. *Мир музея*: сайт журнала. 04.03.2026. <<https://мирмузея.рф/prj1>>.

² «Русские чтения в музее Набокова». 20.03.2021. *Московская губернская универсальная библиотека*: сайт. 04.03.2026. <<https://gubmo.ru/projects/events/russkie-cheniya-v-muzee-nabokova/>>.

³ «Музей книги». Сор. 1999–2025. *Российская государственная библиотека*: официальный сайт. 04.03.2026. <<https://www.rsl.ru/ru/events/halls/muzej-knigi>>.

в современность» институтом, способным к гибкой коммуникации с цифровой аудиторией (Шарапова, Растимешина, 2020). В русле проблем цифровой интеграции институтов памяти большое значение имеет работа Е. Д. Жабко, которая рассматривает создание интегрированной исследовательской среды библиотек, музеев и архивов, выделяя ключевые барьеры такого объединения: ведомственную разобщенность, отсутствие единой технологической среды и системы научно-методического обеспечения (Жабко, 2023). С практической точки зрения показателен проект «Пространство Ломоносова», описанный специалистами Архангельского краеведческого музея (Куковякин, Ляпин, 2017): функциональная интеграция виртуального гипермедиаатласа и полнотекстовой электронной библиотеки создает модель «цифрового моста», позволяющую пользователю переходить от географической локации к книжным ресурсам через автоматические поисковые запросы.

Вопросы синергии библиотек и музеев в просветительской деятельности также активно обсуждаются в профессиональном сообществе. Исследования показывают, что партнерские отношения между этими учреждениями необходимы для гармоничного воспитания и развития личности, а также для привлечения аудитории. Международный опыт в этом контексте представлен исследованием П. Ло с соавторами (Lo, But, Trio, 2014), которые на примере Гонконгского морского музея и его библиотеки анализируют операционные преимущества и вызовы коллаборации, подчеркивая, что интеграция позволяет удовлетворять более широкий спектр информационных потребностей пользователей. Украинские исследователи Л. Д. Березовская и О. П. Михно (Berezivska, Mikhno, 2025), изучая сотрудничество науч-

ной библиотеки и Педагогического музея, вводят понятие «синергии опыта», показывая, как библиотека выступает генератором научного знания (биографические исследования), а музей — площадкой для его визуализации и популяризации, обогащая библиотечные ресурсы своими коллекциями. Е. Р. Фашаян, исследуя инновационные концепции музейного пространства, акцентирует внимание на том, что музей в эпоху цифры становится пространством соучастия, где налаживается коммуникация и происходит поиск новых языков для взаимодействия с аудиторией (Фашаян, 2023). Коммуникативный потенциал взаимодействия музеев, библиотек и архивов как единой просветительской системы обобщен в материалах международных музейных чтений под редакцией Н. А. Паршикова, где рассматриваются гибридные форматы привлечения аудитории и делается вывод о необходимости перехода от конкуренции к кооперации этих институций (Паршиков, гл. ред., 2018).

Отдельное направление исследований — музейная педагогика, которая рассматривает музей как образовательную систему и направлена на оптимизацию его взаимодействия с посетителем. Д. В. Васюткин и И. М. Яныкина подчеркивают, что музей обладает уникальным потенциалом социально-воспитательной работы и формирования культурной идентичности, а интеграция музейного дела, образования и культуры способствует популяризации русского языка и литературы⁸. А. А. Кашина исследует волонтерство как механизм формирования патриотического сознания (Кашина, 2024), что также имеет прямое отношение к деятельности музеев и библиотек как институтов социализации молодежи. Эффективность библиотечно-музейных коллабораций в вовлечении молодежи в чтение

⁸ Васюткин Д. В., Яныкина И. М. «Литературный интерактивный музей — путь к культурной идентичности». 03.07.2025. *Инфоурок*: [сайт]. 04.03.2026.
<<https://infourok.ru/literaturnyj-interaktivnyj-muzej-put-k-kulturnoj-identichnosti-7827338.html>>.

подтверждается зарубежными исследованиями: в отчете о реализации американской программы The Big Read, осуществленной при поддержке Института музейных и библиотечных служб (IMLS), показано, что партнерство с музеями и школами является ключевой стратегией для привлечения молодой аудитории к книге (Sloan, Honeyford, Bass, 2008).

Однако несмотря на значительный интерес к теме, комплексный анализ моделей взаимодействия музея и библиотеки именно как канала популяризации чтения в цифровую эпоху, основанный на эмпирических социологических данных, представлен в литературе недостаточно, что составляет важный аспект актуальности нашей работы.

Теоретическая основа исследования

Мы полагаем, что современные стратегии взаимодействия музеев и библиотек в цифровую эпоху не могут не учитывать концепций, описывающих трансформацию культурного потребления и институциональной среды. Теоретическая рамка исследования базируется на нескольких ключевых подходах.

Во-первых, это концепция гибридного культурного потребления, которая описывает, как современный пользователь распределяет свое время и внимание между множеством форматов, включая офлайн-мероприятия, цифровые платформы и социальные сети. В этой парадигме важным становится не столько носитель информации, сколько удобство и контекст доступа к ней. Как показывают исследования ВЦИОМ, формируется норма гибридного чтения, когда формат выбирается по ситуации, жанру, месту и времени.

Во-вторых, мы опираемся на теорию институционального медиаторства. В условиях цифровой фрагментации внимания музей как «встроенный в современность» институт, обладающий высоким уровнем доверия

и эмоциональным потенциалом, способен выступить посредником между аудиторией и более сложными для восприятия форматами, такими как систематическое чтение и посещение библиотеки. Музей, в отличие от библиотеки, уже воспринимается как событийное пространство соучастия, что делает его естественной «точкой входа» для вовлечения в более глубокие культурные практики.

В-третьих, мы исходим из положений музейной педагогики, которая рассматривает музей не просто как хранилище артефактов, а как динамичную образовательную систему, направленную на оптимизацию взаимодействия с посетителем и способную переводить сложные культурные и научные сюжеты в визуально-эмоциональную форму. Как подчеркивают исследователи, интеграция музейного дела, образования и культуры способствует популяризации литературы и формированию культурной идентичности.

Наконец, теоретически значимой является концепция цифрового моста, разрабатываемая в библиотековедении (Кенгурова, 2012; Ивановская, Березовская, 2023; Варганова, 2024). Согласно ей, виртуальные музеи и совместные онлайн-платформы музеев и библиотек могут решать задачи обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания, при этом музейный контент используется как входной канал в библиотечные сервисы.

Таким образом, мы исходим из следующих теоретических посылок: (1) цифровая трансформация не отменяет потребности в книге и знании, а «перестраивает» траектории доступа к ним; (2) музей, будучи более ярким и событийным социокультурным пространством, может выступить «проводником», через который книга и библиотека входят в практики большего числа людей; (3) объединенные цифровыми сервисами институты могут стать новым социокультурным микрокосмом, где музей выступает как «генератор интереса», библиотека как

«инфраструктура доступа», а книга как «инструмент погружения».

Результаты

Анализ данных ВЦИОМ выявил общие паттерны и разрывы в практиках чтения, посещения библиотек и музеев, а также обозначил точки их потенциального пересечения.

Книга, библиотека и музей: эмпирическая рамка разрывов. Сравнение данных четырех опросов ВЦИОМ за 2015–2026 гг. позволяет зафиксировать общую для трех институций тенденцию: высокий декларируемый интерес к чтению, библиотекам и музеям сочетается с менее интенсивными реальными практиками их потребления (табл. 1).

Таблица 1. Декларируемый интерес и реальные практики чтения, посещения библиотек и музеев
Table 1. Declared interest and real practices of reading, libraries and museums visiting

Показатель	Декларируемый интерес/охват	Реальная практика/интенсивность	Источник данных
Чтение	66 % «любящих читать»	26 % не читают книг совсем; средний объем — 5,3 прочитанных и 2,7 недочитанных книг за 3 мес.	ВЦИОМ, ноябрь 2025 г.
Библиотеки	89 % когда-либо посещали	63 % не были более двух лет	ВЦИОМ, июнь 2015 г.
Музеи	66 % желают ходить чаще (рост с 53 % за 15 лет)	36 % посетили за последний год; 10 % не посещали никогда	ВЦИОМ, 2024, 2026 гг.

Как видно из табл. 1, расщепленность между «интересом вообще» и конкретным действием наиболее характерна для библиотек, тогда как музеи демонстрируют более позитивную динамику и по росту желания посещать их, и по доле реальной аудитории. Эти данные свидетельствуют, что книга, библиотека и музей разделяют общий тренд, но обладают разным потенциалом для его преодоления.

Чтение и библиотеки в эпоху цифровизации: вызовы и ресурсы. Данные ВЦИОМ по опросу «Книга в эпоху цифры» детализируют картину читательского поведения. Бумажная книга сохраняет лидерство: 71 % читающих предпочитают печатный формат, однако чтение с телефона уже занимает второе место — 40 % в целом и 67 % среди «поколения цифры». В интерпретации ВЦИОМ это формирует норму гибридного чтения, когда формат выбирается по ситуации, жанру,

месту и времени. Важно подчеркнуть смену парадигмы: современному пользователю важен не столько носитель, сколько удобство доступа к книге.

Опрос «Как пройти в библиотеку?» показывает аналогичную институциональную динамику (табл. 2).

Как показывают данные табл. 2, цифровая конкуренция является одним из главных, но не единственным вызовом. Сами респонденты видят решение в модернизации библиотек: обновлении фондов и интеграции в цифровую среду. Соответственно мы можем утверждать, что цифровая трансформация не отменяет потребности в книге, а «перестраивает» траектории доступа — и именно здесь музей, обладающий собственной цифровой инфраструктурой и событийным потенциалом, может выступить «проводником» для возвращения читателя в библиотечное пространство.

Таблица 2. Причины отказа от посещения библиотек и меры повышения их привлекательности
Table 2. Reasons for not visiting libraries and measures to increase their attractiveness

Причина	%	Мера повышения привлекательности
Нехватка времени	33	Обновление книжного фонда
Возможность читать/скачивать в интернете	24	Доступ к электронным версиям
Наличие домашнего книжного фонда	26	Компьютеры с интернетом
Другие причины	17	Культурно-просветительские мероприятия

Музей как точка входа: интерес, барьеры, поколенческие различия. Согласно опросу «Пошли в музей?», почти каждый второй россиянин за последние два года был в музее, еще 10 % никогда не посещали музеи, но общая доля желающих ходить в них чаще выросла с 53 до 66 % за 15 лет. Исследование «Идем в музей?» уточняет: 36 % респондентов посетили музеи за последний год, при этом наибольший интерес к музейно-выставочному пространству демонстрируют молодежь (58 % среди 18–24-летних) и жители крупных городов. Барьеры для посещения музеев во многом перекликаются с библиотечными: дефицит времени, транспортная доступность, стоимость билетов и сопутствующие расходы. В опросах ВЦИОМ фиксируется важный момент: цифровые каналы (сайты, соцсети, онлайн-анонсы) усиливают интерес к музеям. Таким образом, музей

уже встроен в цифровое поведение аудитории и может транслировать сигналы о книге и библиотеке.

Гибридное культурное потребление и роль музея. Сопоставление данных опросов ВЦИОМ о чтении, посещении библиотек и музеев позволяет говорить о едином паттерне гибридного культурного потребления. Пользователь, с одной стороны, декларирует высокую ценность чтения и искусства, с другой — распределяет свое время между множеством форматов: смартфон, видео, социальные сети, офлайн-мероприятия. Чтение «переезжает» на экран и в наушник, визит в библиотеку заменяется запросом к электронным ресурсам, а музей всё чаще воспринимается как событийный опыт.

При этом опросы ВЦИОМ показывают различия в мотивации (табл. 3).

Таблица 3. Доминирующие мотивы и барьеры в культурном потреблении
Table 3. Dominating motives and barriers in culture consumption

Институция	Доминирующие мотивы	Ключевые барьеры
Музей	Получить новые знания, испытать позитивные эмоции	Дефицит времени, транспортная доступность
Чтение	Саморазвитие, интерес, развлечение	Сложность (для научной литературы), отсутствие связи с жизнью
Библиотека	Доступ к книгам, информация, атмосфера	Нехватка времени, доступность книг в интернете

Как видно из табл. 3, музей способен переводить сложные научные и культурные сюжеты, вызывающие у читателей когнитивные барьеры («сложно», «не связано с жизнью»), в визуально-эмоциональную, событийную форму, а библиотека — обеспечивать последующее углубление интереса через книги и электронные ресурсы.

нию»), в визуально-эмоциональную, событийную форму, а библиотека — обеспечивать последующее углубление интереса через книги и электронные ресурсы.

Тезис о перспективах популяризации книги через музей подтверждается сложившимися практиками.

Концепция «Музея для читающих»⁹, артикулированная в профессиональной среде, предлагает рассматривать музей как пространство сопротивления поверхностному потреблению контента. Здесь фигура «человека читающего» противопоставляется «человеку листающему» и «человеку смотрящему», а великая русская литература позиционируется как ядро экспозиционных и просветительских активностей. Такой подход подтверждает, что при высокой доле любящих читать и одновременном возрастании доли чтения с гаджетов музей может стать местом «замедления» и возвращения к глубинному чтению.

Сетевые выставочные проекты (например «Русские чтения в музее Набокова»¹⁰) демонстрируют, как музейное пространство превращается в живую площадку для работы с текстом: публичных чтений, сценических интерпретаций, дискуссий. Эти практики напрямую конвертируют эмоциональное впечатление от экспозиции в интерес к книгам, что особенно актуально для молодежной аудитории, которую данные ВЦИОМ фиксируют как наиболее активную в музейных посещениях и преимущественно пользующуюся смартфоном для чтения. «Музей книги» РГБ¹¹ — пример институционального синтеза: книга как экспонат (рукописи, инкунабулы, редкие издания, образцы графики и полиграфии) апеллирует одновременно к визуальному и текстовому восприятию. Такой музей показывает, что библиотека может предложить уникальный офлайн-опыт, не заменимый цифровым доступом. Массовые акции наподобие «Библионочи»,

«Библиосумерек», где участвуют библиотеки, книжные магазины и литературные музеи, строят совместную событийность вокруг книги: ночные экскурсии, квесты по литературным сюжетам, театрализованные чтения и специальные выставки. Здесь музейная форма (ночной визит, игра, иммерсия) становится для горожан естественным поводом обратиться к книге, а библиотеки выступают партнерами и поставщиками контента. Таким образом, эти кейсы позволяют выделить несколько моделей взаимодействия музей — библиотека — книга.

Обсуждение

Обобщение эмпирических данных и рассмотренных кейсов позволяет выделить четыре ключевые модели взаимодействия, которые дополняют одна другую, формируя новую экосистему популяризации чтения.

1. Музей как витрина книги. Экспозиции, построенные на литературных сюжетах или истории книги, сопровождаются рекомендательными списками и QR-кодами, ведущими на электронные версии и в каталоги библиотек. Как показывает опыт сотрудничества музеев и библиотек¹², такое объединение усилий позволяет решать информационные задачи и усиливать образовательную составляющую.
2. Библиотека внутри музея. Создание небольших читальных залов и предоставление доступа к электронным базам данных в музейных зданиях снимают инфраструктурные барьеры (нехватка времени, неудобство отдельного похода), позволяя конвертировать разовый музейный визит в длительный контакт с книгой. Эта модель, как подчеркивают

⁹ «Музей для читающих»... <<https://мирмузея.рф/prj1/>>.

¹⁰ «Русские чтения в музее Набокова»...

<<https://gubmo.ru/projects/events/russkie-chteniya-v-muzee-nabokova/>>.

¹¹ «Музей книги»... <<https://www.rsl.ru/ru/events/halls/muzej-knigi>>.

¹² См., напр.: «Успешное сотрудничество музея и библиотеки». 27.10.2025. *Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа»*: сайт. 04.03.2026. <<https://torummaa.ru/uspeshnoe-sotrudnichestvo-muzeya-i-biblioteki/>>.

исследователи, способствует гармоничному воспитанию и развитию личности подрастающего поколения.

3. Цифровой мост. Совместные онлайн-платформы музеев и библиотек, где после виртуальной экскурсии пользователь получает персональные книжные рекомендации и возможность записаться в библиотеку, отвечают на запрос гибридного потребления. Как отмечает О. В. Кононова (Кононова, 2025), посредством виртуальных музеев можно решать задачи обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания.
4. Событийные форматы. Фестивали, ночные акции, квесты, объединяющие музейные и библиотечные площадки, базируются на высокой готовности жителей городов, особенно молодежи, участвовать в культурных событиях и компенсируют нерегулярность посещения институций по отдельности. Как показывает практика, подобные партнерские отношения необходимы любой библиотеке для привлечения читателей.

Эти модели не противоречат одна другой, но создают целостную экосистему, в которой музей выступает «генератором интереса», библиотека — «инфраструктурой доступа», а книга — «инструментом погружения». Перспективы популяризации книги через музей связаны с его переосмыслением как пространства не только созерцания, но и осмысленного чтения; интеграцией библиотечных сервисов в музейные маршруты (физически и через цифровые платформы), а также с использованием цифровых инструментов как связки между впечатлением от экспоната и обращением к книге.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что в условиях цифровой фрагментации внимания и расщепления культурных

практик музей может выступить эффективным медиатором между широкой аудиторией и практиками чтения. Сохраняя высокий символический статус и доверие, музей, в отличие от библиотеки, уже воспринимается как динамичное, событийное пространство, что делает его удобным «проводником» для возвращения читателя в библиотечную среду. Анализ данных ВЦИОМ показывает, что при высокой готовности россиян признавать ценность чтения и искусства реальные практики фрагментируются под влиянием цифровой конкуренции и нехватки времени.

В этих условиях устойчивое чтение и обращение к библиотеке могут быть не восстановлены директивно, а заново сконструированы через синергию институтов. Выделенные модели — «музей как витрина книги», «библиотека в музее», «цифровой мост» и «событийные форматы» — предлагают конкретные механизмы такой синергии. Они позволяют использовать эмоциональный и событийный потенциал музея для генерации интереса к книге, а библиотечную инфраструктуру — для его углубления и поддержания. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку эффективности каждой из предложенных моделей и изучение их влияния на читательскую активность в долгосрочной перспективе.

Можно утверждать, что при высокой готовности россиян признавать ценность чтения и искусства и одновременном «расщеплении» практик на фрагменты времени и внимания музеи уже стали важной формой культурного досуга для горожан и молодежи, тогда как библиотеки нуждаются в перезагрузке форм и сервисов, в том числе через цифровизацию и синергию с музеями.

Итак, в условиях цифровой фрагментации внимания устойчивое чтение и обращение к библиотеке могут быть не восстановлены, а заново сконструированы — через «встроенный в современность» (Шарапова,

Растимешина, 2020) музей как медиатор, который, с опорой на доверие и эмоциональный потенциал, переводит интерес к искусству и истории в интерес к книге, а цифровую среду превращает из конкурента в канал доступа к чтению.

Список литературы и источников / References

- Варганова Г. В. «Публичная библиотека как общественное благо: от цифрового разрыва к цифровой инклюзии». *Библосфера* 2 (2024): 5–12. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-2-5-12>. EDN: DIPMXU.
- Varganova G. V. “Public Libraries in Foreign Countries: From Digital Gap to Digital Inclusion”. *Bibliosfera = Bibliosphere* 2 (2024): 5–12. (In Russian). <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-2-5-12>
- Жабко Е. Д. «Интеграция ресурсов библиотек, музеев и архивов: вместе или самостоятельно?». *Библиотековедение* 72.2 (2023): 103–115. <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2023-72-2-103-115>. EDN: YMHQZB.
- Zhabko E. D. “Integration of Library, Museum and Archive Resources: Together or Independently?”. *Bibliotekovedeniye = Library and Information Science (Russia)* 72.2 (2023): 103–115. (In Russian). <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2023-72-2-103-115>
- Ивановская Е. В., Березовская А. А. «Языки, книги и люди: как создать мосты между народами и культурами». *Приоритеты национальной книжности: фонды или читатель? (к 70-летию ОНЛ): тез. докл.* (С.-Петербург, 24–25 ноября 2023 г.). СПб.: РНБ, 2023. 20–21. EDN: ZEWZHD.
- Ivanovskaya E. V., Berezovskaya A. A. “Languages, Books and Humans: How to Build Bridges between Peoples and Cultures”. *Prioritety natsional'noy knizhnosti: fondy ili chitatel'? (k 70-letiyu ONL): tez. dokl.* (S.-Peterburg, 24–25 noyabrya 2023 g.). SPb.: RNB, 2023. 20–21. (In Russian).
- Кашина А. А. «Волонтерство как механизм формирования патриотического сознания: социально-политический анализ». *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки* 3 (2024): 259–264. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-259-264>. EDN: KIGXTV.
- Kashina A. A. “Volunteering as a Mechanism for the Formation of Patriotic Consciousness: Socio-Political Analysis”. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes* 3 (2024): 259–264. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-259-264>
- Кенгурова С. Л. «Библиотека и музей — мир культуры». *Библиотечная орбита: сб. науч.-метод. материалов*. Вып. 21. Хабаровск: РИО ДВГНБ, 2012. 209–213.
- Kengurova S. L. “Library and Museum are World of Culture”. *Bibliotchnaya orbita: sb. nauch.-metod. materialov*. Iss. 21. Khabarovsk: RIO DVGNB, 2012. 209–213. (In Russian).
- Кононова О. В. «Виртуальный музей как способ раскрытия фондов российских библиотек». *Библосфера* 3 (2025): 89–99. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-3-89-99>. EDN: GGORKN.
- Kononova O. V. “Virtual Museum as a Way to Open the Collections of Russian Libraries”. *Bibliosfera = Bibliosphere* 3 (2025): 89–99. (In Russian). <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-3-89-99>
- Куковякин А. В., Ляпин С. Х. «Пространство Ломоносова: опыт функциональной интеграции виртуального атласа и полнотекстовой библиотеки». *Культура и технологии* 2.1 (2017): 6–12. EDN: YXAVIG.
- Kukovyakin A. V., Lyapin S. Kh. “Lomonosov’s Space: The Experience of Virtual Atlas and Full-Text Library Functional Integration”. *Kul'tura i tekhnologii = International Culture & Technology Studies* 2.1 (2017): 6–12. (In Russian).
- Паршиков Н. А., гл. ред. *Коммуникативные возможности современных музеев, библиотек и архивов (к 45-летию ОГИК и 60-летию ОМИИ): сб. материалов VIII Междунар. музейн. чтений «Современные проблемы музеологии»* (Орел, 16–17 мая 2017 г.). Вып. 6. Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2018. 397 с. EDN: YQRIRN.

- Parshikov N. A., chief ed. *Communicative Possibilities of Modern Museums, Libraries and Archives (To the 45th Anniversary of OGIK and 60th Anniversary of OMII)*: proceedings of 8th International Museum Readings “Sovremennyye problemy muzeologii” (Oryol, 16–17 May 2017). Iss. 6. Oryol: Oryol State U of Culture, 2018. 397 p. (In Russian).
- Фашаян Е. Р. «Инновационная концепция музейного пространства: новаторство и консерватизм в эпоху цифровой трансформации». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 2 (38) (2023): 148–156. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-148-156>. EDN: FUFULZ.
- Fashaian E. R. “Innovative Concept of Museum Space: Innovation and Conservatism in the Era of Digital Transformation”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 2 (38) (2023): 148–156. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-148-156>
- Шарапова Е. С., Растимешина Т. В. «Виртуальный музей и рождение новой философии экспозиционного пространства». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 1 (25) (2020): 109–115. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2020-1-109-115>. EDN: CTOKFO.
- Sharapova E. S., Rastimeshina T. V. “Virtual Museum and the Birth of a New Philosophy of Exhibition Space”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 1 (25) (2020): 109–115. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2020-1-109-115>
- Berezivska L., Mikhno O. “Implementation of Biographical Research Results of the V. Sukhomlynsky State Scientific and Educational Library of Ukraine into the Practice of the Pedagogical Museum of Ukraine: A Synergy of Experience”. *Herald of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine* 7.2 (2025): 1–4. <https://doi.org/10.37472/v.naes.2025.7212>
- Lo P., But K., Trio R. “Links Between Libraries and Museums: A Case Study of Library-Museum Collaboration at the Hong Kong Maritime Museum”. *JLIS.It* 5.1 (2014): 103–120. <https://doi.org/10.4403/jlis.it-8916>
- Sloan K., Honeyford M., Bass K. *A Book Club for a Nation, Built Chapter by Chapter: The Big Read, Final Report*. Washington: National Endowment for the Arts, 2008. 47 p.

Информация об авторе

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки (Россия, 123298, Москва, ул. 3-я Хорошевская, 17), rast-v2012@yandex.ru, SPIN-код: 6991-7190, ORCID: 0009-0003-9186-2393, ResearcherID: HXT-6334-2023.

Information about the author

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Principal Researcher, Russian National Public Library for Science and Technology (Russia, 123298, Moscow, 3rd Khoroshevskaya st., 17), rast-v2012@yandex.ru, SPIN code: 6991-7190, ORCID: 0009-0003-9186-2393, ResearcherID: HXT-6334-2023.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026, одобрена после рецензирования 02.06.2026.
The article was submitted 15.05.2026, approved after reviewing 02.06.2026.

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ:
ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ,
РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM:
EDUCATION, UPBRINGING,
HUMAN DEVELOPMENT**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 2. Art. ID m04s03a10.

Economic and Social Research. 2026. Vol. 13. No. 2. Art. ID m04s03a10.

Научная статья

УДК 378.146:53

DOI: <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s03a10.hcrvbp>

EDN: <https://elibrary.ru/HCRVBP>

**Модернизация диагностики знаний студентов: анализ
эффективности современных форматов тестирования**

Н. Н. Жаринова¹ ✉, И. В. Федоренко²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

✉ *ZharinovaN@yandex.ru*

Аннотация. *Актуальность исследования:* сегодня возрастают требования к объективности контроля качества образования и обновляются стандартизированные форматы тестовых заданий, что обуславливает необходимость их апробации. С этой целью проводится оценка остаточных знаний студентов по базовой дисциплине «Физика. Механика. Термодинамика», с применением современных диагностических средств, в соответствии с процедурами государственной аккредитации в сфере образования. Разработка и использование таких средств согласуются с требованиями федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования. *Методы исследования:* диагностика остаточных знаний студентов с использованием тестов двух форматов. *Цель исследования* — апробировать диагностические тесты, разработанные в соответствии с методическими рекомендациями до и после 2024 г., сравнить их результативность, когнитивные аспекты восприятия их студентами и статистику выполнения заданий. *Новизна исследования:* впервые на материале базовой дисциплины разработаны тестовые задания по методическим рекомендациям 2024 г. и проведено их экспериментальное сопоставление с традиционным форматом тестирования. Анализ результатов выполнения заданий студентами, при переходе к новым оценочным средствам, позволил выявить факторы, определяющие успешность усвоения знаний. *Результаты исследования:* установлено, что тесты, разработанные по методическим рекомендациям 2024 г., обладают более высокой дифференцирующей способностью по сравнению с традиционными форматами тестирования — позволяют уверенно выделять группы студентов по уровню знаний и дают более сбалансированное распределение баллов за тест. Особую диагностическую ценность показали задания с развернутым ответом, выполнение которых тесно коррелирует с прогнозируемой успешностью освоения инженерных дисциплин. *Практическая значимость исследования:* представленный

© Жаринова Н. Н., Федоренко И. В.

методический подход к конструированию диагностических тестов (сочетание заданий разного формата) носит универсальный характер и становится действенным инструментом планирования индивидуальной работы. Подход может быть использован для оценки остаточных знаний по дисциплинам любого профиля — от инженерных и естественно-научных до гуманитарных.

Ключевые слова: форматы тестовых заданий, апробирование тестов, качество образования, образовательные программы, базовая дисциплина, остаточные знания, объективность оценки знаний, усвоение знаний, аккредитация вузов

Финансирование: работа выполнена в рамках образовательной деятельности.

Для цитирования: Жаринова Н. Н., Федоренко И. В. «Модернизация диагностики знаний студентов: анализ эффективности современных форматов тестирования». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m04s03a10.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s03a10.hcrvbp> EDN: HCRVBP.

Original article

Modernization of diagnostics of student knowledge: Analysis of the modern testing formats effectiveness

N. N. Zharinova¹ ✉, I. V. Fedorenko²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

✉ ZharinovaN@yandex.ru

Abstract. *The research relevance:* today, the requirements for the objectivity of education quality control are increasing and standardized formats of test assignments are being updated, which necessitates their approbation. For this purpose, the assessment of students' residual knowledge in the basic discipline "Physics. Mechanics. Thermodynamics" is carried out using modern diagnostic tools, in accordance with the procedures of state accreditation in the field of education. The development and use of such tools are consistent with the requirements of federal state control (supervision) in the field of education. *Research methods:* diagnostics of students' residual knowledge using tests of two formats. *The research purpose* is to approve diagnostic tests developed in accordance with methodological recommendations before and after 2024, to compare their effectiveness, cognitive aspects of students' perception of them, and task completion statistics. *The research novelty:* for the first time, based on the basic discipline material, test tasks were developed according to the 2024 methodological recommendations and their experimental comparison with the traditional testing format has been carried out. The results analysis of the students' assignments, during the transition to new assessment tools, made it possible to identify the factors determining the success of knowledge acquisition. *Research results:* it has been established that the tests developed according to the 2024 methodological recommendations have a higher differentiating ability compared to traditional testing formats, thus allowing for confident identification of students groups by their knowledge level and giving a more balanced distribution of test scores. Tasks with detailed answers have shown a special diagnostic value, the fulfillment of which closely correlates with the predicted success of mastering engineering disciplines. *Practical significance:* the presented methodological approach to the design of diagnostic tests (a combination of different formats tasks) is universal and becomes an effective tool for planning individual work. The approach can be used to assess residual knowledge in disciplines of any profile, from engineering and natural sciences to the humanities.

Keywords: test assignments formats, tests approbation, education quality, educational programs, basic discipline, residual knowledge, knowledge assessment objectivity, knowledge assimilation, university accreditation

Funding: the work has been carried out within the framework of educational activities.

For citation: Zharinova N. N., Fedorenko I. V. "Modernization of Diagnostics of Student Knowledge: Analysis of the Modern Testing Formats Effectiveness". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m04s03a10. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m04s03a10.hcrvbp>

Введение

Современная модернизация системы высшего образования России охватывает широкий спектр преобразований (Петров,

Егорова, 2023), где особое место занимает стандартизация оценки качества подготовки будущих специалистов. Повышение объективности этой оценки представляет собой

© Жарина Н. Н., Федоренко И. В.

неотъемлемую составляющую реформ в сфере высшего образования. Сегодня для оценки усвоения дисциплин программы высшего образования применяются унифицированные критерии и методика их расчета, утвержденные Министерством науки и высшего образования на период 2023–2029 гг.¹

Особое значение в рамках применения аккредитационных показателей приобретает оценка остаточных знаний по базовым дисциплинам с использованием современных диагностических средств, соответствующих *новым нормативам* (Алтыникова, 2024). Такой подход не просто дополняет традиционные формы аттестации, а радикально меняет парадигму контроля качества, фокусируясь на долгосрочной устойчивости усвоенного материала. Подход позволяет перейти от поверхностной проверки «свежего» знания к верификации его «выживаемости» во времени, что особенно актуально в условиях цифровизации и ускоренного обновления профессиональных компетенций.

Остаточные знания (или *residual knowledge* в международной терминологии) — это объем информации, навыков и компетенций, сохраняющийся у студента через значительный период после завершения изучения дисциплины (обычно 6–18 месяцев). В отличие от стандартных экзаменов, проводимых сразу после изучения курса, диагностика остаточных знаний ориентирована не на проверку кратковременного запоминания, а на определение глубины понимания и готовности применять знания при решении новых задач. Это имеет принципиальное значение для базовых естественно-научных дисциплин, таких как физика, математика, химия.

В основе оценки остаточных знаний лежат современные диагностические техноло-

гии, которые минимизируют роль человеческого фактора, тем самым обеспечивая объективность оценивания знаний.

Пробное тестирование студентов Национального исследовательского университета «МИЭТ» проведено с целью проверки остаточных знаний по дисциплине «Физика. Механика. Термодинамика».

Обоснование использования тестового контроля в системе оценки качества обучения физике в вузе

Тестирование было проведено с использованием двух комплектов тестов, составленных в соответствии с требованиями, действовавшими до и после 2024 г. В дальнейшем изложении тесты, составленные в соответствии с требованиями до 2024 г., будут именоваться *тестами старого формата*, а тесты, соответствующие требованиям, действующим с 2024 г., — *тестами нового формата*.

Исследование было выполнено в весеннем семестре 2025 г. среди студентов первого курса, изучавших дисциплину «Физика. Механика. Термодинамика» в осеннем семестре 2024 г. Согласно рабочей программе, общая трудоемкость дисциплины составляет 180 ч, включая 32 ч лекционных занятий, 16 ч практических работ и 16 ч лабораторных работ. В тестировании приняли участие 112 студентов, обучающихся по следующим направлениям подготовки: «Прикладная математика» (01.03.04), «Математика и компьютерные науки» (02.03.01), «Информационная безопасность» (10.03.01) и «Радиотехника» (11.03.01). Следует заметить, что студенты данных направлений зачислены в Национальный исследовательский университет «МИЭТ» на основе результатов ЕГЭ по информатике или физике (на выбор абитуриента). Данные приемной комиссии МИЭТ свидетельствуют о том, что при поступлении на технические

¹ «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования: Приказ Минобрнауки РФ от 18.04.2023 № 409». 4.09.2025. *Рособрнадзор*. 11.06.2026. <<https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2023/05/prikaz-minobr-409.docx>>.

направления примерно 50 % абитуриентов предпочитают сдавать ЕГЭ по информатике, что создает в дальнейшем комплекс проблем. Можно сказать, что это системная «болевая точка» современного высшего технического образования в России. Перечислим проблемы, связанные с выбором экзамена по информатике вместо экзамена по физике.

Во-первых, физическое мышление подразумевает умение строить идеализированные модели, представлять процессы в пространстве и времени, анализировать конкретную ситуацию. Информатика (в школьном формате обучения) развивает иной тип мышления — алгоритмический, дискретный, структурный.

Во-вторых, студенты, поступившие в вуз по результатам ЕГЭ по информатике, имеют «нулевой» уровень подготовки по физике, в то время как программа вуза опирается на базовую подготовку по предмету и ориентирована на углубление знаний, полученных в школе. Преподаватель вынужден либо снижать уровень сложности изучаемого курса, либо излагать материал, который большинство студентов усвоить не способны. Когда «физики» повторяют и углубляют школьный курс, «информатики» его впервые осваивают. Это резко замедляет темп лекций и семинаров, создает дисбаланс в студенческой группе.

В-третьих, студенты, выбравшие ЕГЭ по информатике вместо ЕГЭ по физике, часто ориентированы на программирование и вычислительную технику. От обучения в техническом вузе (особенно на таких направлениях, как «Математика и компьютерные науки», «Прикладная математика», «Информационная безопасность»), они ожидают сразу погружения в написание компьютерных кодов. А вместо этого сталкиваются с глубокой и сложной физической теорией, лабораторными работами по механике, электричеству, волновой оптике. Для «информатиков» часто шокирующим является сам формат обучения в вузе: физический эксперимент,

работа с реальными приборами, оценка погрешностей, построение графиков вручную, анализ экспериментальных зависимостей (Жаринова, Харач, 2025). У них нет «чувства физики», интуитивного предсказания результата опыта. Это вызывает разочарование, психологические и мотивационные проблемы.

В-четвертых, физика использует математику как язык (Федоренко, 2017). Проблема выбора адекватного математического аппарата при обучении физике тесно связана с одним из фундаментальных дидактических принципов — наглядностью. Можно говорить о наглядности записанных формул или уравнений, если их использование в рамках выбранной математической схемы позволяет учащемуся уверенно анализировать рассматриваемые явления и получать правильные, согласующиеся с экспериментом результаты. Школьная информатика использует математический аппарат иначе: на первый план выходит не анализ явлений и их согласованность с опытом, а алгоритмическая реализуемость и корректность работы программы. Очевидно, что данная проблема носит системный характер. Она возникла из-за разрыва между школьными экзаменами (где информатика является тактическим выбором, в целях получения количества баллов) и реальными требованиями технического вуза. Студенты, поступившие в вуз без базовых знаний по физике, оказываются в ситуации «хронического отставания» и стресса. Решение проблемы требует усилий и от преподавателей вузов (адаптация программ, вводные курсы, использование современных средств диагностики знаний), и от абитуриентов, которые должны осознанно подходить к выбору экзаменов, понимая, что поступление в вуз и успешная учеба в нем — это разные вещи.

Адаптация образовательных программ невозможна без систематического мониторинга фактического состояния знаний студентов (Мурсенкова, Лубенченко,

Лапицкий, 2024). Для объективной оценки степени усвоения учебного материала и выявления зон необходимой коррекции проведена проверка остаточных знаний, в рамках которой студентам предложили два типа тестов:

- 1) *тест старого формата*² — содержит пять заданий с выбором одного верного ответа из предложенных;
- 2) *тест нового формата*³ — содержит одно задание с выбором одного верного ответа из предложенных, одно задание с выбором двух верных ответов из числа предложенных, одно задание на установление соответствия, одно задание на установление последовательности, одно задание с развернутым ответом.

Тест старого формата составлен в привычной для студентов форме, используемой в ходе семестрового обучения и на экзамене (Федоренко, 2011, 2022).

Тест нового формата разработан в соответствии с актуальными методическими рекомендациями, применяемыми в ходе государственной аккредитации и при проведении федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования (Алтыникова, 2024).

Тест старого формата было предложено написать 58 студентам, тест нового формата — 54 студентам. Максимальная оценка за каждое задание теста — 2 балла, максимальный балл за тест — 10.

Сравнение эффективности разных подходов к оценке остаточных знаний студентов

Оценивание каждого задания в тестах осуществлялось с учетом полноты и корректности письменного обоснования выбранного ответа, что позволило минимизировать

эффект случайного угадывания и оценить фактическое понимание материала.

Анализ результатов выполнения теста старого формата. Средний балл за тест — 5.1. Результаты тестирования представлены на гистограмме 1.

Из анализа гистограммы следует, что примерно 50 % студентов набрали 4 балла и менее, 50 % — более 4 баллов. При этом 25 % студентов получили ≤ 2 балла, 75 % — ≤ 6 баллов. Минимальный балл — 0 (1 чел.), максимальный — 10 (6 чел.). Результаты выполнения теста большинством студентов оказались в интервале от 2 до 5 баллов (31 чел., 53 %). Максимумы гистограммы в 2 и 5 баллов свидетельствуют о поляризации групп студентов по уровням подготовки: первая группа справляется с базовыми заданиями 2 и 5, но не решает сложные задания 3 и 4; вторая группа стабильно решает четыре или пять заданий теста, набирая 5 баллов и более.

Анализ результатов по отдельным заданиям показал, что наибольшие трудности вызвало задание 3 (по теме «Динамика твердого тела»): его выполнили успешно лишь 24 % студентов, что резко контрастирует с результатами выполнения остальных заданий (см. гистограмму 2).

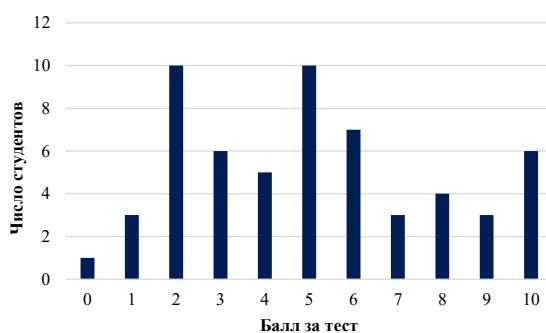
Анализ результатов выполнения теста нового формата. Средний балл за тест — 6,3. Результаты тестирования представлены на гистограмме 3.

Из анализа гистограммы 3 следует, что 81,5 % студентов получили ≥ 5 баллов, 37 % — ≥ 7 баллов.

Максимумы гистограммы в 5 и 6 баллов (44,4 % студентов) и в 9 и 10 баллов (20,4 %) можно интерпретировать следующим образом. Выявлены три группы студентов

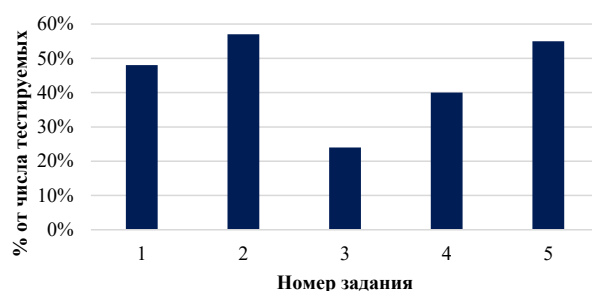
² Проверка остаточных знаний. Демонстрационный вариант теста старого формата. См. в: «Архив: ИБ-1, ПМ-1, МК-1, РТ-1 (2024–2025 уч. год)». Федоренко Ирина Владимировна. <https://iv-fedorenko.ru/test_starogo_formata.pdf>.

³ Проверка остаточных знаний. Демонстрационный вариант теста нового формата. См. в: «Архив: ИБ-1, ПМ-1, МК-1, РТ-1 (2024–2025 уч. год)». Федоренко Ирина Владимировна. <https://iv-fedorenko.ru/test_novogo_formata.pdf>.

Гистограмма 1. Результаты выполнения теста старого формата

Histogram 1. Results of the old format test

Гистограмма 2. Успешность выполнения отдельных заданий теста старого формата

Histogram 2. Success rate of individual tasks in the old format test

с разным уровнем подготовки: примерно 44,4 % студентов показали стандартный уровень остаточных знаний (5–6 баллов); 25,9 % студентов обнаружили глубокое понимание предмета (9–10 баллов); 18,5 % студентов имеют пробелы в базовых знаниях (1–4 балла).

Анализ результатов по отдельным заданиям (см. гистограмму 4) показал:

- 1) задание 1 (выбор одного верного ответа из предложенных) выполнили успешно 74 % студентов — базовый уровень, усвоен большинством;
- 2) задание 3 (на установление соответствия) и задание 4 (на установление последовательности) выполнили 54–59 % студентов;
- 3) задание 2 (выбор двух верных ответов из числа предложенных) оказалось критически сложным, его выполнили 35 % студентов.

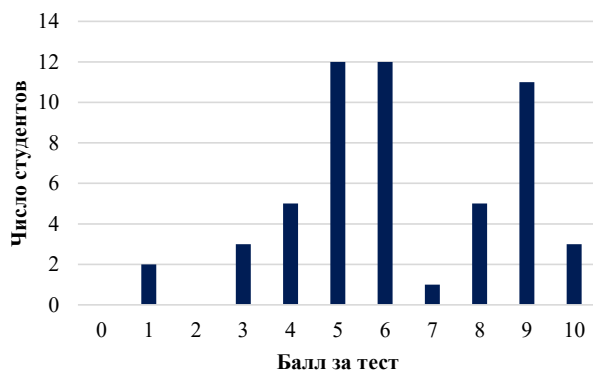
Сравнительная характеристика тестов старого и нового формата. Тест старого фор-

мата может быть избыточно сложным для студентов с низкой успеваемостью, что снижает его эффективность как инструмента проверки остаточных знаний, — тест, скорее, выявляет неспособность справиться с заданием, чем дает объективную оценку.

Тест *нового формата* выявляет пробелы (задание 2), но не «заваливает» студентов, что наиболее соответствует цели проверки остаточных знаний. Тест в таком формате лучше дифференцирует студентов с разным уровнем подготовки (на гистограмме 3 выделены три группы студентов).

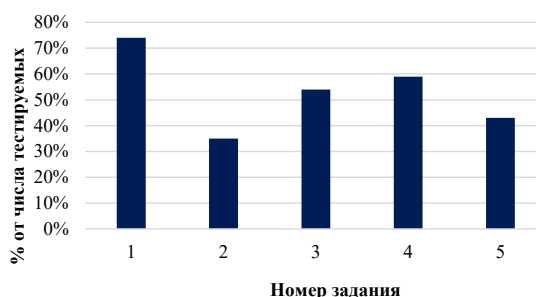
При проверке остаточных знаний тест является эффективным инструментом диагностики, если соответствует следующим критериям:

- 1) тест показывает, какие темы студенты забыли, т. е. выявляет пробелы в знаниях;
- 2) тест не слишком сложный — иначе большинство студентов получат низкие баллы, и диагностика будет бесполезной;

Гистограмма 3. Результаты выполнения теста нового формата

Histogram 3. Results of the new format test

Гистограмма 4. Успешность выполнения отдельных заданий теста нового формата

Histogram 4. Success rate of individual tasks in the new format test

3) тест дифференцирует уровни знаний: глубокое понимание предмета; стандартный уровень; недостаток базовых знаний.

В соответствии с данными критериями *тест нового формата* лучше выявляет сохранившиеся знания, позволяет разделить студентов по уровню подготовки: 5–6 баллов — «удовлетворительно»; 7–9 — «хорошо»; 10 — «отлично».

Особую диагностическую ценность представляет включение в тест заданий с развернутым ответом. Именно выполнение этой части наиболее тесно коррелирует с прогнозируемой успешностью освоения инженерных дисциплин («Сопротивление материалов», «Теоретическая механика», «Электротехника»). Задания закрытого типа позволяют оценить преимущественно узнавание и степень запоминания, тогда как посредством заданий открытого типа выявляются сформированность физического мышления,

способность к логическим рассуждениям, построению моделей и применению законов в измененной ситуации, — т. е. те компетенции, которые важны для профессиональной подготовки специалиста.

Выводы

Тестирование студентов по дисциплине «Физика. Механика. Термодинамика» показало, что системная оценка остаточных знаний является необходимым условием эффективного управления образовательным процессом. Реформа должна начинаться не с внедрения нового, а с диагностики и укрепления старого — того базиса, на котором только и может быть построено качественное и осмысленное образование. Важным методическим условием успешной диагностики является оптимальная трудность теста. Завышенная сложность теста приводит к невозможности содержательно интерпретировать результат, так как велика доля

невыполненных заданий. Сбалансированный по типам заданий тест нового формата позволяет получить распределение результатов — от удовлетворительных до отличных, — что дает возможность четко выделить группы студентов по уровню знаний. Это превращает тестирование из процедуры констатации неуспеваемости в действенный инструмент планирования индивидуальной работы.

Представленный в статье подход к конструированию диагностических тестов (сочетание заданий разного формата) носит универсальный характер. Подход может быть использован для диагностики остаточных знаний по дисциплинам любого профиля — от инженерных и естественно-научных до гуманитарных.

Дефицит фундаментальных физических знаний у значительной группы студентов первого курса ведет в последующем к снижению уровня усвоения дисциплин инженерного цикла и специальных курсов. Игно-

рирование этого факта создает риск выпуска специалистов с фрагментарными, бессистемными знаниями, не способных к комплексному анализу, моделированию реальных процессов и решению междисциплинарных профессиональных задач.

В условиях цифровизации высшего образования, сокращения аудиторной нагрузки и быстрого обновления профессиональных требований подход к диагностике остаточных знаний, основанный на рекомендациях Н. В. Алтынниковой, становится не просто желательным, а необходимым элементом управления качеством образования. Такой подход позволяет оперативно получать объективную обратную связь, адаптировать методы преподавания под студентов с разным уровнем подготовки и принимать обоснованные педагогические решения, направленные на подготовку конкурентоспособных специалистов, обладающих системным мышлением.

Список литературы и источников / References

Алтынникова Н. В. *Диагностическая работа в государственной регламентации образовательной деятельности: высшее образование: методические рекомендации для экспертов*. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2024. 42 с.

Altynikova N. V. *Diagnostic Work in State Regulation of Academic Activity: Higher Education: instructional guidelines for experts*. Moscow: Ay Pi Ar Media, 2024. 42 p. (In Russian).

Жаринова Н. Н., Харач О. Г. «Методические аспекты введения в теорию погрешностей в лабораторном практикуме по физике в современном вузе». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 12.3 (2025): 88–101. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-3-m06s03a10>. EDN: UQQJSO.

Zharinova N. N., Harach O. G. “Methodical Aspects of Introduction to the Theory of Errors in Laboratory Practice in Physics in a Modern University”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 12.3 (2025): 88–101. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2025-12-3-m06s03a10>

Мурсенкова И. В., Лубенченко О. И., Лапицкий К. М. «Разработка тестов для проверки остаточных знаний по общему курсу физики у студентов НИУ МЭИ». *Вестник Московского университета* сер. 20 *Педагогическое образование* 22.4 (2024): 103–121. <https://doi.org/10.55959/LPEJ-24-28>. EDN: LDYENA.

Mursenkova I. V., Lubenchenko O. I., Lapitsky K. M. “Development of the Residual Knowledge Tests on the General Course of Physics for the Students of the National Research University MPEI”. *Vestnik Moskovskogo universiteta ser. 20 Pedagogicheskoye obrazovaniye = Lomonosov Pedagogical Education Journal* 22.4 (2024): 103–121. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/LPEJ-24-28>

Петров В. Л., Егорова Л. Е. «Концептуальные подходы и модели ФГОС ВО нового поколения». *Высшее образование: новые вызовы и современные решения при реализации образовательных программ:*

сб. материалов III Всерос. науч.-метод. конф. (19–20 дек. 2022 г.). М.: Центр полиграфических услуг «Радуга», 2023. 6–12. EDN: VPPAOU.

Petrov V. L., Egorova L. E. “Conceptual Approaches and Models of New Generation Federal State Educational Standard in Higher Education”. *Vyssheye obrazovaniye: novyye vyzovy i sovremennyye resheniya pri realizatsii obrazovatel'nykh programm: sb. materialov III Vseros. nauch.-metod. konf.* (19–20 dek. 2022 g.). Moscow: Tsentr poligraficheskikh uslug “Raduga”, 2023. 6–12. (In Russian).

Федоренко И. В. «Принципы решения физических задач». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 2 (14) (2017): 81–86. EDN: YUJKJH.

Fedorenko I. V. “Principles for Solving Physical Problems”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 2 (14) (2017): 81–86. (In Russian).

Федоренко И. В. *Механика. Молекулярная физика*: сб. тестовых заданий по физике. М.: МИЭТ, 2011. 55 с.

Fedorenko I. V. *Mechanics. Molecular Physics*: collection of physics test problems. Moscow: MIET, 2011. 55 p. (In Russian).

Федоренко И. В. *Механика. Молекулярная физика*: сб. тестовых заданий. М.: МИЭТ, 2022. 63 с.

Fedorenko I. V. *Mechanics. Molecular Physics*: collection of test problems. Moscow: MIET, 2022. 63 p. (In Russian).

Информация об авторах

Жаринова Наталья Николаевна — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент Института физики и прикладной математики Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), ZharinovaN@yandex.ru, SPIN-код: 8125-8384.

Федоренко Ирина Владимировна — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент Института физики и прикладной математики Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), iv_fedorenko@mail.ru, SPIN-код: 4557-7336.

Авторский вклад

Жаринова Н. Н. — доработка концепции; разработка теста в старом формате; сбор данных; форматирование и доработка текста.

Федоренко И. В. — разработка концепции; разработка теста в новом формате; сбор данных; анализ результатов тестирования; визуализация и представление данных в тексте; подготовка начального варианта текста.

Information about the authors

Natalya N. Zharinova — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Institute of Physics and Applied Mathematics, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), ZharinovaN@yandex.ru, SPIN code: 8125-8384.

Irina V. Fedorenko — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Institute of Physics and Applied Mathematics, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), iv_fedorenko@mail.ru, SPIN code: 4557-7336.

Author Contributions

N. N. Zharinova — research concept update; old format test design; data collection; writing — formatting and editing.

I. V. Fedorenko — conceptualization; new format test design; data collection; test results analysis; data visualization and presentation; writing — original draft.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026, одобрена после рецензирования 21.04.2026.

The article was submitted 06.04.2026, approved after reviewing 21.04.2026.

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ YOUNG SCIENTIST

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2026. Т. 13. № 2. Art. ID m12s04a10.

Economic and Social Research. 2026. Vol. 13. No. 2. Art. ID m12s04a10.

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a10.ichhgo>

EDN: <https://elibrary.ru/ICNHGO>

Идея справедливой войны в философии русского зарубежья первой половины XX в. (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. В. Карташёв)

В. Л. Бондарев¹✉, А. В. Леонов²

^{1, 2} Государственный университет просвещения, Москва, Россия

✉ kaf-filosof@guppros.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что идеи философов русского зарубежья о «справедливой войне», которые долгое время оставались за рамками системного анализа, позволяют по-новому взглянуть на проблему соотношения силы и любви, жертвенности и насилия. В современную эпоху, когда стираются моральные границы в вооруженных конфликтах, обращение к интеллектуальному наследию русской эмиграции способствует выработке критериев духовно оправданного применения силы. *Цель исследования* — раскрыть общее и особенное в подходах к пониманию «справедливой войны» философами русского зарубежья первой половины XX в. *Новизна исследования:* выполнен комплексный сравнительный анализ принципов «справедливой войны» в позициях И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и А. В. Карташёва. Особое внимание уделено реконструкции взглядов А. В. Карташёва, чья позиция ранее не становилась предметом специального историко-философского исследования в контексте проблемы «справедливой войны». *Методология исследования:* работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов историко-философской реконструкции и герменевтики. *Результаты исследования:* выявлена общая для всех современных исследователей отправная точка в теме «справедливой войны» — отказ от толстовского непротивления злу, — а также рассмотрена специфика каждого подхода. Сделан вывод, что философы русского зарубежья углубили западную теорию «справедливой войны» до онтологического и религиозно-этического уровня. Для них война — духовно-нравственный акт в «падшем мире», оправдывающий силу исключительно как крайнее средство любви и жертвы, требующее от человека высочайшей духовной чистоты, чтобы самому не стать орудием зла. *Теоретическая и практическая значимость:* результаты исследования могут быть использованы как в целях повышения уровня философского профессионализма у преподавателей философских дисциплин, так и для получения знаний, умений и навыков философствования обучающимися.

Ключевые слова: справедливая война, философы-эмигранты, интеллектуальное наследие, христианский дух, сопротивление злу, насилие, эсхатология войны, духовно-нравственный акт, высшие ценности, жертвенность, любовь

© Бондарев В. Л., Леонов А. В.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Бондарев В. Л., Леонов А. В. «Идея справедливой войны в философии русского зарубежья первой половины XX в. (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. В. Карташёв)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m12s04a10.

<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a10.ichhgo> EDN: ICHHGO.

Original article

Idea of just war in the Russian diaspora philosophy in the first half of the 20th century (I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. V. Kartashev)

V. L. Bondarev¹✉, A. V. Leonov²

^{1, 2} State University of Education, Moscow, Russia

✉ kaf-filosof@guppros.ru

Abstract. The study *relevance* lies in the fact that the ideas of Russian diaspora philosophers about the “just war”, which have long remained outside systematic analysis, allow taking a fresh look at the relationship problem between power and love, sacrifice and violence. In the modern era, when moral boundaries are being erased in armed conflicts, the appeal to the intellectual heritage of Russian emigration contributes to the development of criteria for the spiritually justified use of force. The study *purpose* is to reveal the common and special approaches to understanding the “just war” by Russian diaspora philosophers in the first half of the 20th century. The study *novelty*: a comprehensive comparative analysis of the principles of “just war” in the positions of I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, S. L. Frank and A. V. Kartashev has been carried out. Special attention is paid to A. V. Kartashev’s views reconstruction, whose position had not previously been the subject of special historical and philosophical research in the context of the “just war” problem. *Methodology*: the work is based on a systematic approach using the methods of historical and philosophical reconstruction and hermeneutics. *Results*: a common starting point for all modern researchers in the topic of “just war” has been identified — the rejection of Tolstoy’s non-resistance to evil — and the specifics of each approach have been considered. It is concluded that the Russian diaspora philosophers have deepened the Western theory of the “just war” to an ontological and religious-ethical level. For them, war is a spiritual and moral act in a “fallen world” that justifies force solely as an extreme means of love and sacrifice, requiring the highest spiritual purity from a person so as not to become an instrument of evil himself. *Theoretical and practical significance*: the study results can be used both to increase the level of philosophical professionalism among teachers of philosophical disciplines, and to gain knowledge, abilities and philosophical skills for students.

Keywords: just war, emigrant philosophers, intellectual heritage, Christian spirit, resistance to evil, violence, war eschatology, spiritual and moral act, higher values, sacrifice, love

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Bondarev V. L., Leonov A. V. “Idea of Just War in the Russian Diaspora Philosophy in the First Half of the 20th Century (I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. V. Kartashev)”. *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research* 13.2 (2026): m12s04a10. (In Russian).
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a10.ichhgo>

Введение

Идея справедливой войны в философии русского зарубежья первой половины XX в. представляет собой уникальный синтез традиционной христианской мысли и трагического исторического опыта, — интеллект-

ального наследия, обусловленного русской революцией, Гражданской войной и Второй мировой войной, а также острой необходимостью осмыслить борьбу со злом в новых, тоталитарных формах. Именно такой тяжелый исторический контекст вывел тему

© Бондарев В. Л., Леонов А. В.

«справедливой войны» на новый уровень остроты именно в эмигрантской среде. Следует отметить, что философия в среде русской эмиграции была весьма неоднородной, демонстрируя разновекторность в понимании как судьбы России в целом, так и судьбы отдельного человека, обнаруживая как общие черты, так и различия в подходах. Здесь можно увидеть и акцент на духовном преодолении, и акцент на праве силы, и глубинную рефлексию в рамках этической дилеммы.

Однако общей отправной точкой для всех философов-эмигрантов стал отказ от толстовского непротивления злу силой — позиции, которую большинство мыслителей считали неприемлемой и даже безнравственной в условиях столкновения с тотальным злом, каковым они полагали не только нацизм, но и большевизм. Все они, в конечном итоге, искали третий путь, пролегающий вне пацифизма, ведущего к капитуляции перед злом, и вне циничного макиавеллизма, пренебрегающего моралью и движимого эмоциональной холодностью и расчетом, когда «цель оправдывает средства».

Говоря о степени разработанности проблемы, следует начать с тематики истории русской философии и философии войны — с работ В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского, Р. А. Гальцевой, И. И. Евлампиева, В. В. Сербиненко, Г. С. Кузьминой, А. В. Белова. Проблеме насилия, этике сопротивления злу силой, рассмотренных в ведущих трудах И. А. Ильина, посвящены работы Н. П. Полторацкого, Ю. Т. Лисицы, А. С. Цыганкова, Г. К. Гульбина. Авторитетом в изучении историософии войны и персонализма является Н. А. Бердяев, продолжили изучение вопросов этого направления науки Я. В. Бондарева, М. А. Колеров. Задачи социальной философии и христианского реализма в рамках этики С. Л. Франка, его полемики с Л. Н. Толстым и И. А. Ильиным представлены в трудах Г. Е. Аляева, Т. Н. Резвых, И. В. Цвык. Центральной фигурой науч-

ного сообщества, исследующего проблемы историософии и церковно-государственных отношений, признан А. В. Карташёв, проблемам его научной сферы посвящены исследования современных ученых М. В. Назарова, М. В. Шкаровского.

Анализ литературы показывает, что тема справедливой войны в философии русского зарубежья разрабатывается фрагментарно. Наиболее полно исследована этическая концепция И. А. Ильина о сопротивлении злу силой, вызвавшая обширную полемику. Историософские аспекты войны, раскрытые в творчестве Н. А. Бердяева, также получили всестороннее развитие в современных исследованиях. Вклад С. Л. Франка в эту проблему, особенно его поздняя этика, становится предметом изучения лишь в последние годы. Вместе с тем воззрения А. В. Карташёва — на войну в контексте церковной истории и национальной идеи — еще ждут системного анализа. Комплексный сравнительный анализ концепций справедливой войны И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и А. В. Карташёва остается актуальной научной задачей.

Ильин: позиция «сопротивление злу силой»

Данная позиция, обоснованная в сочинении И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» (Ильин, 1925), представляет собой краеугольный камень разгоревшейся в эмигрантской среде дискуссии. Следует отметить, что именно И. А. Ильин дал наиболее системное обоснование теме войны и борьбы со злом, суть которого трактовалась им как самостоятельная, активная сила, «духовная зараза», стремящаяся к расширению. Философ занял бескомпромиссную позицию борьбы со злом, в первой четверти XX в. для него зло было воплощено в большевизме.

Оправдывая обязательное применение силы в борьбе со злом, Ильин писал о том, что физическое пресечение и принуждение

представляет собой последнее, трагическое средство, оправданное любовью к добру и жертвой отчизне, спасением многих жизней; воин-борец был переведен на метафизический уровень «орудия Божьего дела на земле»: «Непротивление злу есть поощрение зла; есть попустительство злодею; есть отказ от прекращения злодейства. Непротивление есть погрешение против любви, есть отказ от помощи страждущему и угнетаемому. Непротивление есть одобрение и допущение злодейства» (Ильин, 2017: 67). Но для того чтобы война стала справедливой, необходимо сформулировать для нее правильный мотив, а именно — любовь к добру, а не ненависть к врагу, — встать на путь самопожертвования, а не мести. Кроме того, справедливая война должна обрести духовную правомерность, стать «делом духа», а не инстинкта, оформиться в «духовную очевидность» правоты. Поэтому целью такой войны становится не уничтожение противника, а его духовное перерождение — «развязывание» в нем добра, — при этом победа есть «внутреннее обращение побежденного». Экзистенциальный характер результатов справедливой войны обуславливает у И. А. Ильина и особые ее средства, исключая такие называемые средства зла, а именно — ложь, террор, тотальную жестокость, — поскольку такие средства развращают самого борца, обесмысливая победу: «Меч духовен не сам по себе, а духом, который его избрал, направил и применил. Меч есть только возможность, которая становится духовною действительностью лишь через волю и дело человека» (Ильин, 2017: 43).

Бердяев: трагизм и эсхатология войны

С иных позиций рассматривал проблему справедливой войны Н. А. Бердяев, размышляя о ней через призму экзистенциальной трагедии. В основу его рассуждений заложена антиномия, парадокс, непреодолимое противоречие в трактовке феномена войны:

с одной стороны, война является безусловным злом и грехом, с другой — отказ от сопротивления представляет собой еще большее зло (как, например, в случае с нацизмом) и гораздо больший грех. Такая позиция сильно напоминает утилитаризм Гельвеция, с точки зрения которого нравственным можно считать то, что несет благо для большинства. У Бердяева этот «утилитаризм наоборот» трансформируется в трагический выбор меньшего зла: «...рационалисты и позитивисты бывают в принципе против войны, они обычно склоняются к пацифизму. Люди же религиозные легче принимают войну с ее ужасами и не восстают принципиально против войны, хотя и сознают ее зло» (Бердяев, 1990: 105). Именно поэтому философ не приемлет выражения «священная война», критикуя любые попытки абсолютизировать и «освятить» войну, превратить ее в крестовый поход. Последствия такой тотальной войны гораздо более трагичны, чем сама война, — это фанатизм и дегуманизация. В этой части весьма рельефно проявляется бердяевская эсхатология: война предстает как знак глубокого кризиса человечества, проявление «неокончателности» земной истории. Подлинный мир для Бердяева возможен только в Царстве Божием, в земных же условиях человек обречен на бесконечный мучительный выбор, ввергающий его в тяжелое, трагическое напряжение.

Франк: этика жертвы и «духовная брань»

С этических позиций, в ином ракурсе, рассматривал феномен справедливой войны С. Л. Франк: в ракурсе участника он понимал войну как своеобразное «несение креста», поскольку истинный христианин смиренно видит участие в войне как долг и служение ближним. С точки зрения мыслителя именно духовное ядро («духовная брань») является определяющим элементом войны, гораздо более важным, чем война внешняя: внутренняя борьба с собственным грехом,

с озлоблением, с соблазном превратиться в того, с кем борешься, — и есть главное предназначение любой борьбы. Приоритет духовного начала в такой войне объясняется необходимостью для воина сохранить в себе образ Божий, не стать «зверем». И напротив, победа, купленная ценой утраты человечности, превращается в пиррову победу, в иллюзию победы. Здесь важно подчеркнуть парадоксальность позиции С. Л. Франка, которая заключалась в двойственном подходе к феномену войны: с одной стороны, война есть трагедия и зло, но с другой, иногда участие в ней может быть духовным долгом, — долгом защиты высших ценностей. Это ключевой момент, который отличает С. Л. Франка от пацифистов или милитаристов (Франк, 1992, 2003).

Карташёв: война как необходимое зло

Тема справедливой войны ярко выделяется в фокусе исследований представителя русской эмигрантской мысли Антона Владимировича Карташёва (1875—1960), несправедливо обделенного вниманием современных исследователей истории философии. Сразу уточним, что А. В. Карташёв более историк церкви и богослов, чем философ, он не разрабатывал отдельную теорию «справедливой войны». Несмотря на это, его взгляды на войну и справедливость тем не менее можно реконструировать через его богословские работы и общественную позицию и выделить четыре основополагающих позиции.

1. *Война как трагическое, но иногда необходимое зло.* Как христианский мыслитель Карташёв исходил из того, что война — следствие греховности мира: да, идеалом, безусловно, является мирное состояние, но в «падшем материальном бытии» иногда приходится прибегать к силе для защиты высших ценностей.
2. *Защита Отечества и веры как главный критерий справедливости.* Для Карташёва, глубоко укорененного в русской право-

славной традиции, справедливой является прежде всего оборонительная война, направленная на защиту: Родины (как исторической и культурной ценности, «священной земли»), веры и Церкви (от поругания и уничтожения), невинных людей (от насилия и порабощения), культурных и духовных основ национальной жизни. Мыслитель проводил прямую параллель между защитой государства и защитой веры, что было характерно для русской концепции «Святой Руси». Участие России в Первой мировой войне Карташёв активно поддерживал, так как полагал Первую мировую как справедливую оборонительную войну против германской агрессии, принимая во внимание исторические факторы. Не последним для него был фактор «защиты славянских братьев» (сербов), а также фактор духовной битвы за сохранение христианских цивилизационных начал перед лицом немецкого «милитаризма» и «материализма». В статьях 1914—1917 гг. (Карташёв, 1915, 1916а, 1916б, 1922, 1923, 1926) мыслитель использовал риторику «войны за право и справедливость», видя в России носительницу высших духовных идеалов.

3. *Война как искупление и духовное испытание.* А. В. Карташёв рассматривал страдания войны не только как наказание, но и как очистительное испытание, способное пробудить в народе духовные силы, чувство жертвенности и единства. В этом проявляется его богословский взгляд на историю как на путь Промысла Божьего, даже через тяжкие испытания.
4. *Резкое неприятие войны гражданской и идеологической.* Если война с внешним врагом могла быть оправдана, то Гражданская война (последовавшая за событиями 1917 г.) и войны, ведущиеся ради утопических или богоборческих идеологий (как большевизм), для Карташёва являются величайшей трагедией

и злом: такие войны способны разрушить не только государство, но и душу народа (культуру).

В эмигрантский период в публикациях Карташёва четко звучала нота защиты ценности национального бытия: после революции, в эмиграции, автор развивал мысль о праве нации на самоопределение и защиту своего исторического лица. В условиях Второй мировой войны эта позиция привела его (как и многих других эмигрантов) к сложной дилемме: как относиться к СССР, который явился не только заменой (для многих нежеланной) старой Руси, но и жертвой, и защитником русского народа? Карташёв, оставаясь непримиримым антикоммунистом, видел в войне нацистской Германии против СССР прежде всего войну на уничтожение России как таковой. Именно поэтому мыслитель, не оправдывая советского режима, считал сопротивление агрессору делом в высшей степени справедливым и патриотическим.

В чем же заключается отличие позиции А. В. Карташёва от классической теории «справедливой войны»? Возможно, в формуле «меньше юридизма, больше духовности». Это не столько формальные критерии (законная власть, правое намерение, последнее средство), сколько оценка войны с точки зрения ее духовного смысла и последствий для религиозно-национального организма. Мыслитель делает акцент на соборности и жертвенности, поскольку справедливая война является общим делом всего народа («соборный подвиг»), а не исключительно прерогативой государственной власти. Кроме того, Карташёв последовательно придерживается историософского подхода, т. е. рассматривает войну в широком контексте Божьего замысла о народе и его историческом пути.

Таким образом, для А. В. Карташёва война могла быть справедливой, если она имела оборонительный характер, велась за сохранение веры, национально-

культурной идентичности и жизни невинных людей и если в ней рельефно проявлялся дух христианской жертвенности и соборности. Его взгляд — это православно-патриотическая интерпретация проблемы войны и мира, где справедливость измеряется не столько юридическими, сколько духовно-нравственными и историческими категориями. Россия, писал мыслитель, всегда выходила на свои войны как на тяжкий крестный подвиг, наваливавшийся на нее Промыслом Божиим; она шла не завоевывать, а защищать или освобождать (Карташёв, 1953: 181–210).

Общие принципы «справедливой войны» в понимании русской эмиграции

Таким образом, в первой половине XX в. в среде философствующих эмигрантов, оказавшихся в эпицентре геополитических драм (революция, мировая война), феномен справедливой войны стал точкой пересечения противоположных взглядов и объединяющей духовной платформой, поскольку обнаружил несколько фундаментальных принципов «справедливой войны», общих для всей эмигрантской научной интеллигенции.

Становится очевидным, что первым и главным объединяющим принципом является принцип *справедливой причины*, согласно которому война оправдана исключительно сопротивлением очевидному, тотальному, некомпенсируемому злу (например, геноциду, уничтожению основ человеческого достоинства, веры, культуры). Для многих эмигрантов это война против нацистской Германии, а позже — гипотетическое освобождение России от большевизма, в котором многие из них усматривали разрушительное, антихристианское начало, противопоставляя его духовности: «Совершенно духовный человек есть совсем не „безоружный“ человек, а человек, у которого все оружие — духовно, начиная от взора и слова и кончая последними средствами» (Ильин, 2017: 36).

Вторым общим принципом можно считать принцип *правого намерения*, лежащий в основе главного целеполагания, а именно — восстановление права, порядка и возможности духовной жизни, но никак не места, экспансии или тотального уничтожения. «Путь меча есть трагический путь; но иной путь в условиях земного бытия есть путь измены, предательства и лжи», — писал И. А. Ильин (Ильин, 2017: 104).

Третий принцип формулировался как *власть, имеющая право объявлять войну*. Впрочем, с реализацией этого принципа наблюдались определенные сложности, поскольку эмигранты не обладали легитимной властью, что подвигало эмигрантскую общественность сместить акцент на моральный авторитет и ответственность каждого человека перед Богом и совестью.

Четвертый принцип — *пропорциональность и различие* — содержательно пересекается с первым: в справедливой войне средства должны быть адекватны цели, что, в свою очередь, налагает запрет на террор против мирных граждан, пытки, идеологизацию ненависти. Так, в борьбе с большевизмом предлагалось различать «режим» и «народ», поскольку объектом борьбы является идеология и система, а не соотечественники, ставшие ее заложниками: «Дело не в том, чтобы „не противиться“, а в том, чтобы противиться правильно: без злобы, без ненависти, без исступления, без сладострастия, но с духовной силой, с чувством ответственности, с ясностью цели, с внутренней чистотой и с любовью к человеку, в котором надо победить зло» (Ильин, 2017: 10).

Безусловно, в трудах русской эмиграции были и *контекстуальные особенности*, например, в контексте отношения к роли СССР во Второй мировой войне. Отношение к своей бывшей Родине стало поистине грандиозной драмой, самым болезненным вопросом для многих эмигрантов. И. А. Ильин, А. В. Кар-

ташёв усматривали в войне шанс на освобождение России с помощью внешней силы и считали ее справедливой войной против тоталитаризма — как гитлеровского, так и сталинского. Другие (в частности Г. П. Федотов) были уверены, что, сражаясь с гитлеровской Германией, русский народ защищает родную землю и потому его патриотический порыв, вне всякого отождествления с «режимом», заслуживает всемерной поддержки. Наконец, в рассуждениях о войне и ее результативной в эмигрантской среде рельефно проявлялись *эсхатологические настроения*, поскольку война и революция для этих мыслителей представляли собой визуализированный образ Армагеддона, предвестие конца истории, что, в свою очередь, придавало их размышлениям особую остроту.

Заключение

Выделены общие принципы в подходах к пониманию справедливой войны философами русского зарубежья: у Ильина это системное обоснование силы как духовного акта, у Бердяева — трагический парадокс войны, у Франка — акцент на внутренней «духовной брани», у Карташёва — православно-патриотическая интерпретация оборонительной войны. Таким образом, философы-эмигранты не просто творчески освоили западную теорию «справедливой войны», но, осмыслив ее, углубили до онтологического и религиозно-этического уровня. Для них война явилась не политическим, а духовно-нравственным актом, трагической необходимостью в «падшем мире», которая требует от человека духовной чистоты, жертвенности и постоянного «внутреннего трезвения», чтобы самому не стать частью того зла, с которым приходится бороться. В интеллектуальном наследии русской эмиграции центральной идеей является оправдание военной силы лишь как крайнего средства, коррелированного с любовью и жертвой, а не с правом или ненавистью.

Список литературы и источников / References

- Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М.: ИМА-Пресс, 1990. 286 с.
 Berdyayev N. *The Philosophy of Inequality: Letters to my Contemners, Concerning Social Philosophy*. Transl. Fr. S. Janos. Mohrsville, PA: Frsj Publ., 2015. 406 p.
- Ильинъ И. *О сопротивленіи злу силою*. Берлинъ: Тип. Об-ва «Presse», 1925. 224 с.
 Ilyin I. *On Resistance to Evil by Force*. Berlin: Tip. Ob-va "Presse", 1925. 224 p. (In Russian).
- Ильин И. А. *О сопротивлении злу силой*. Изд. 6-е. М.: Даръ, 2017. 480 с. Б-ка паломника.
 Ilyin I. A. *On Resistance to Evil by Force*. Transl. K. Benois. N. p.: CreateSpace Independent Publ., 2018. 242 p.
- Карташёв А. В. «Большое начинание». *Русское слово* 54 (1915): 2.
 Kartashev A. V. "Grand Beginning". *Russkoye slovo* 54 (1915): 2. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Не молчание». *Церковь и жизнь* 1 (1916b).
 Kartashev A. V. "Not Staying Silent". *Tserkov' i zhizn'* 1 (1916b). (In Russian).
- Карташёв А. «Политика и Церковь». *Русская мысль*: ежемес. лит.-полит. изд. I/II (1922): 286–296.
 Kartashev A. "Politics and Church". *Russkaya mysl': ezhemes. lit.-polit. izd.* = *Russian Thought* I/II (1922): 286–296. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Почему нам дорога Великая Россія?» *Борьба за Россію* 1 (1926): 8–11.
 Kartashev A. V. "Why Is Great Russia Precious to Us?" *Bor'ba za Rossiю = Lutte pour la Russie* 1 (1926): 8–11. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Православие и Россия». *Православие в жизни*: сб. статей. Под ред. С. Верховского. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 181–210.
 Kartashev A. V. "Orthodoxy and Russia". *Pravoslaviye v zhizni*: collection. Ed. by S. Verkhovski. New York: Chekhov Publ. House, 1953. 181–210. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Пути единения». *Россия и латинство*: сб. статей. Berlin, 1923. 141–151.
 Kartashev A. V. "Ways of Solidarity". *Rossiia i latinstvo*: collection. Berlin, 1923. 141–151. (In Russian).
- Карташёв А. В. «Церковная политика». *Русское слово* 20 (1916a): 1.
 Kartashev A. V. "Church Policy". *Russkoye slovo* 20 (1916a): 1. (In Russian).
- Франк С. Л. *Духовные основы общества*: сб. М.: Республика, 1992. 511 с. Мыслители XX века.
 Frank S. L. *Spiritual Foundations of Society*: collection. Moscow: Respublika, 1992. 511 p. (In Russian). Mysliteli XX veka.
- Франк С. Л. *С нами Бог*. М.: АСТ, 2003. 751 с. Philosophy.
 Frank S. L. *God Is With Us*. Moscow: AST, 2003. 751 p. (In Russian).

Информация об авторах

Бондарев Василий Леонидович — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0000-7573-3418.

Леонов Алексей Владимирович — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А), leonoff@rambler.ru, ORCID: 0009-0004-8909-0985.

Авторский вклад

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Information about the authors

Vasily L. Bondarev — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A), kaf-filosof@guppros.ru, ORCID: 0009-0000-7573-3418.

Aleksey V. Leonov — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A), leonoff@rambler.ru, ORCID: 0009-0004-8909-0985.

Author Contributions

The authors have made equivalent contributions to the preparation of article.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025, одобрена после рецензирования 21.03.2026.
 The article was submitted 24.12.2025, approved after reviewing 21.03.2026.

Теоретико-методологические основы исследования инвалидности как социального явления (российский опыт)

А. С. Тарабрина

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

anzelika258@yandex.ru

Аннотация. В исследовании рассматриваются философские аспекты инвалидности и общественного восприятия людей с особыми потребностями в обществе. *Научная новизна:* автором предпринята комплексная реконструкция российских подходов к изучению инвалидности. *Цель исследования:* выявить особенности инвалидности в российском историко-культурном пространстве и охарактеризовать различные периоды взаимоотношений общества с инвалидами. *Процедура и методы:* анализ проводился на основе системного и междисциплинарного подходов; в рамках этих подходов учитывалась социально-философская перспектива. Особое внимание уделено эволюции понимания инвалидности как социального явления в российском контексте. *Результаты:* проведенный анализ позволил сделать вывод о проблематичности многих вопросов, связанных с инвалидностью. По итогам исследования можно заключить: инвалидность остается актуальной проблемой российского общества. *Теоретическая значимость:* в данной работе проводится философско-историческая ретроспектива трансформации онтологических и гуманистических концепций инвалидности. Исследование раскрывает динамику философских представлений о природе инвалидности и ее осмыслении в контексте человеческого бытия, прослеживая эволюцию этих воззрений в различные исторические эпохи.

Ключевые слова: инвалидность, лицо с ограниченными возможностями здоровья, социальная политика в отношении инвалидности, явление инвалидности

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Тарабрина А. С. «Теоретико-методологические основы исследования инвалидности как социального явления (российский опыт)». *Экономические и социально-гуманитарные исследования* 13.2 (2026): m12s04a20. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a20.ihwdcc> EDN: IHWDCC.

Original article

Theoretical and methodological basis for researching disability as a social phenomenon (Russian experience)

A. S. Tarabrina

State University of Education, Moscow, Russia

anzelika258@yandex.ru

Abstract. In this work, the author examines the philosophical aspects of disability and the perception of people with special needs within society. *Academic novelty:* the author has made complex reconstruction of Russian approaches to studying disability. *Objective:* to identify the characteristics of disability within the Russian historical and cultural context and to provide a description of the different periods in society's relationship with people with disabilities. *Procedure and methods:* the analysis was conducted using systematic and interdisciplinary approaches, encompassing a socio-philosophical perspective. Particular attention was paid to the evolution of the understanding of disability as a social phenomenon in the Russian context. *Results:* the analysis conducted has led to the conclusion that many issues related to disability are problematic. The study concluded that disability remains a pressing issue in Russian society. *Theoretical significance:* this work provides a philosophical and historical retrospective of the transformation of ontological and humanistic concepts of disability. The study reveals the dynamics of philosophical conceptions regarding the nature of disability and its interpretation within the context of human existence, tracing the evolution of these views across various historical eras.

Keywords: disability, person with disabilities, social policy on disability, disability phenomenon

Funding: this study was not supported by any external sources of funding.

For citation: Tarabrina A. S. "Theoretical and Methodological Basis for Researching Disability as a Social Phenomenon (Russian Experience)". *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* = *Economic and Social Research* 13.2 (2026): m12s04a20. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-2-m12s04a20.ihwdcc>

Введение

В процессе антропогенеза и социальной эволюции человечества сформировалась особая группа людей с врожденными и приобретенными нарушениями развития. Как отмечал Э. Дюркгейм: «Если указанный синтез *suī generis*, образующий всякое общество, порождает новые явления, <...> эти специфические факты заключаются в том самом обществе, которое их создает, а не в его частях, т. е. в его членах» (Дюркгейм, 1991: 399). Этот феномен, будучи универсальным для всех обществ, тем не менее получает принципиально разные интерпретации в за-

висимости от культурного кода и уровня развития социума.

По данным ВОЗ на 2023 г.¹, около 15 % мирового населения — люди с той или иной формой инвалидности, причем в развитых странах этот показатель выше из-за лучшей диагностики и увеличения продолжительности жизни. Например, в странах Европейского союза 27 % граждан имеют хронические заболевания или ограничение здоровья, а в США 26 % взрослых живут с инвалидностью.

Если же говорить конкретно о России, то ситуация здесь требует особого внимания.

© Тарабрина А. С.

¹ "Disability". *World Health Organization (WHO): [site]*. 7 March 2023. Web. 28 Apr. 2026. <<https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health/>>.

Согласно официальным данным Росстата, по состоянию на начало 2024 г. в Российской Федерации зарегистрировано почти 11 млн людей с инвалидностью. Это составляет примерно 7,5 % от общего населения страны². Как отмечал С. А. Ананьин, «измерение инвалидности базируется на статистике обращаемости. Число обратившихся за официальным статусом далеко не полностью пересекается с реальным контингентом инвалидов» (Ананьин, 2018: 17).

Даже комплексный подход к социально-политическим вопросам не всегда гарантирует эффективное улучшение качества жизни таких людей. Чаще всего решаются лишь поверхностные проблемы или выбираются приоритетные направления, актуальные для конкретного общества. Поэтому в качестве предметного поля исследования было выбрано российское общество с его спецификой.

Несмотря на то, что систематический теоретический подход к проблеме инвалидности возник относительно недавно, в научной литературе уже набралось значительное количество исследований по этой проблеме. Тема инвалидности в обществе интенсивно изучалась в таких областях, как медицина, социология, психология, педагогика и социальная работа. В западной академической традиции сформировалась междисциплинарная область исследований *disability studies*, объединившая представителей различных областей знания. Среди ключевых исследователей данного направления — авторы Дж. И. Чарльтон (Charlton, 1998), Л. Дж. Дэвис (Davis, 2013), Р. Гарланд-Томсон (Garland-Thomson, 2012), М. Оливер (Oliver, 2013), Р. МакРуэр (McRuer, 2006), И. К. Зола (Zola, 1989), М. Коркер и Т. Шекспир, редакторы книги «Инвалидность / Постмодернизм» (Corker, Shakespeare, eds, 2002; Shakespeare, 2018), П. К. Лонгмор (Longmore, 1987) и другие.

Несмотря на значительное количество и разнообразие исследований, социально-философский анализ инвалидности по-прежнему представлен относительно ограниченно. Это во многом связано с тем, что философская рефлексия данной проблематики начала активно развиваться относительно недавно. В этом контексте особое внимание было уделено феномену нетипичной телесности. Среди авторов, рассматривающих инвалидность с точки зрения субъективного опыта телесности и телесного восприятия, можно выделить следующих: М. Мерло-Понти (Мерло-Понти, 1999), Ж.-Л. Нанси (Нанси, 1999), В. А. Подорогу (Подорога, 1995), Э. Левинаса (Левинас, 2000), Х. Плеснера (Плеснер, 2004), Р. Гарланд-Томсон (Garland-Thomson, 2012), И. К. Золу (Zola, 1989), А. А. Русанову (Русанова, 2020).

В российской социально-философской литературе проблематику инвалидности разрабатывает узкий круг исследователей. В частности, в диссертации Г. В. Бариновой инвалидность анализируется как социальный феномен современного российского общества (Баринова, 2015). В работе А. И. Шевченко рассматривается положение человека с ограниченными возможностями в современном социуме и предлагаются теоретические основания и практические пути его интеграции (Шевченко, 2014). В диссертации А. А. Русановой используется социально-конструкционистский подход к анализу нетипичной телесности и подробно раскрываются механизмы ее конструирования (Русанова, 2020). В исследовании Л. А. Торлоповой «Генеалогия понятия инвалидности» прослеживается становление данного понятия, выявляются изменения его трактовки и трансформация статуса инвалидности в различные исторические периоды (Торлопова, 2017). Работа А. В. Голдовской посвящена выявлению

² «Положение инвалидов». 2024. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 21.05.2026. <<https://rosstat.gov.ru/folder/13964>>.

актуальных проблем и перспективных стратегий концептуализации инвалидности (Голдовская, 2021).

Таким образом, анализ отечественных исследований показывает, что проблематика инвалидности в современной и традиционной российской науке представлена преимущественно в рамках социологического и прикладного дискурса, тогда как ее историко-культурные и социально-философские основания остаются недостаточно систематизированными. Это обуславливает необходимость целостного анализа и концептуального уточнения подходов к исследованию инвалидности в России. Научная новизна работы заключается в комплексной реконструкции российских подходов к изучению инвалидности, в выявлении их методологических ограничений и в определении перспектив дальнейшего теоретического и практического развития.

Данная проблема инвалидности в социально-философской перспективе демонстрирует противоречие между: формальным закреплением права и сохраняющейся стигматизацией как формой биовласти. Этот конфликт иллюстрирует переход от патерналистской модели к инклюзивному подходу, где инвалидность конструируется через призму социальных барьеров, а не медицинских диагнозов. Как отмечал Ю. Хабермас, полноценная инклюзия требует сочетания двух уровней: функционального (изменение системы и законов) и социального (трансформации жизненного мира и сознания) (Хабермас, 2022: 663—665).

Инвалидность в России конструировалась через противоречие между стигматизацией и попытками интеграции, что требует анализа культурных и политических факто-

ров. Здесь уместно напомнить: польско-британский социолог З. Бауман указывал, что «для жителей современного общества в его твердой и управляемой стадии основное противоречие отмечалось между подчинением нормам и отклонением от них; основное противоречие в нашем обществе в его современной расплавленной и децентрализованной стадии, которое мы должны быть готовы встретить, чтобы проложить путь к действительно независимому обществу, — это противоречие между способностью принять на себя ответственность и стремлением найти убежище, где не нужно отвечать за собственные действия» (Бауман, 2008: 228).

Культурно-историческая динамика восприятия инвалидности в России

Современная государственная политика основана на комплексном подходе, охватывающем здравоохранение, образование, урбанистику, культуру, теоретические научные исследования. Несмотря на все применяемые меры, положение человека с инвалидностью остается достаточно сложным. Основные трудности связаны не столько с отсутствием законодательной базы, сколько с необходимостью изменения общественного сознания и преодоления устойчивых стереотипов.

Чтобы лучше понять современное состояние вопроса, необходимо обратиться к исторической ретроспективе. Отечественные исследователи, такие как Х. С. Замский (Замский, 1995); А. Г. Басова и С. Ф. Егоров³; В. А. Феоктистова, составитель хрестоматии⁴; О. И. Кукушкина, Е. Л. Гончарова и Н. Н. Малофеев⁵, изучали эволюцию отношения общества к людям с той или иной инвалидностью.

³ Басова А. Г., Егоров С. Ф. *История сурдопедагогики*: учеб. пособие для студентов дефектол. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1984. 295 с., ил.

⁴ Феоктистова В. А., сост. *Хрестоматия по истории тифлопедагогики*: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Дефектология». 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1987. 192 с.

⁵ Кукушкина О. И., Гончарова Е. Л., Малофеев Н. Н. *Специальная психология и коррекционная педагогика: эволюция терминов*: учеб. пособие. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. 125 с., ил.

Особый интерес представляет периодизация, предложенная Г. Н. Бариновой, которая выделяет три ключевых этапа, отражающих трансформацию социокультурных, религиозных и институциональных механизмов, с помощью которых конструировался и конструируется статус людей с ограниченными возможностями (Баринова, 2011: 3 (5): 187—188). Данная периодизация позволяет проследить динамику перехода от архаичных форм дискриминации и отчуждения к формированию систем социального попечения и дальнейшей институционализации инвалидности.

1. Эпоха стихийно-общественного призрения (до X в.). В условиях родового строя физическая дееспособность выступала необходимым условием выживания общины, что определяло маргинальный статус людей с ограничениями. Социальная эксклюзия данной группы закреплялась через фольклорные нарративы и ритуально-магические практики. Показателен архетипический образ кукушки, символизирующей «изгойство», который транслировал идею «чуждости» по трем линиям: территориальной (бездомность), генеалогической (отчуждение от рода, лишаящее человека защиты) и функциональной (паразитарная модель выживания в чужой среде), что делало фигуру «инога» деструктивной в глазах общины. С точки зрения социальной философии, данный период характеризуется формированием противопоставления «полноценный / неполноценный», которое, укоренившись в коллективном бессознательном, продолжает влиять на современные обсуждения инвалидности. Практики изгнания обладателя «инога» тела или, наоборот, сакрализация такого тела и такого человека отображают двойственность восприятия — страх перед отклонениями от нормы и попытку ее символического освоения.

2. Период церковного попечения (X — XVI вв.). С принятием христианства на Руси

социальный статус людей с инвалидностью трансформируется через введение категории «юродивых» — индивидов, чьи физические или психические особенности интерпретировались как знак божественной избранности. Так, Е. Р. Ярская-Смирнова подчеркивает, как важны такие «традиционные ценности русской культуры, как сострадание и терпение в качестве подтверждения нравственного выбора следования заветам („Господь терпел и нам велел“) или подтверждения божественного промысла» (Ярская-Смирнова, 1997: 145); сходные мысли высказывают и другие исследователи (Mikoshiba, Bondareva, 2021; Мирзаева, 2024).

Монастыри превращаются в очаги социального призрения, в то время как князь Владимир, адаптируя византийский опыт, закладывает основы для институциональной поддержки уязвимых групп населения. Эта фаза отражает переход от архаичной стигматизации к частной интеграции в рамках религиозного дискурса, причем в этом переходе сохраняются, однако, элементы исключения. Период можно интерпретировать как этап на пути к медиализации инвалидности, в ходе которого физическое «несовершенство» рассматривается через призму богооправдания.

3. Этап государственного регулирования (XVI — XXI вв.). Правление династии Романовых отличалось вниманием к потребностям людей с ограниченными возможностями; однако значительный прогресс в социальной политике в отношении инвалидов был достигнут только благодаря реформам Петра I. Стремление царя укрепить армию потребовало системного подхода к реабилитации солдат, что привело к созданию специальных приютов для людей с инвалидностью. Эта мера была направлена на решение проблемы растущего числа раненых и инвалидов, которые получали травмы и (или) по иной причине теряли здоровье в результате многочисленных военных походов.

В культурной сфере XIX в. инвалидность была представлена противоречиво. Например, в литературе, в произведениях «Мертвые души» Н. В. Гоголя⁶ и «Идиот» Ф. М. Достоевского⁷, люди с физическими и умственными особенностями изображались либо как объекты сострадания, либо как люди с чистой душой. В изобразительном искусстве (в частности, в работе В. Г. Перова «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы»⁸) акцент делался на социальной исключенности инвалидов. Таким образом, в данный период инвалидность осмыслялась как в рамках государственной политики, так и через призму культурных репрезентаций.

Советский период в отношении инвалидов сочетал противоречивые подходы: с одной стороны, пропагандировался культ «героев-инвалидов», а с другой — рядовых граждан с ограниченными возможностями системно исключали из общественной жизни. Этот дуализм отражал утилитарное отношение государства, где ценность человека определялась его трудовым вкладом или идеологической полезностью. Инвалидность не вписывалась в миф о «здоровом социалистическом обществе». В киноискусстве (например, в фильме «Миллион двести тысяч» 1931 г.)⁹ акцент был сделан на физическом несовершенстве инвалидов Первой мировой войны и их трудоустройстве в молодом советском государстве, а реальные проблемы инвалидности замалчивались.

В постсоветский период система социальной защиты инвалидов столкнулась с глубоким кризисом: его обусловил комплекс деструктивных факторов. Экономический коллапс 1990-х гг. привел к свертыванию со-

циальных программ, к резкому сокращению финансирования и закрытию специализированных предприятий, обеспечивающих занятость людей с инвалидностью. Многие льготы либо были отменены, либо не выполнялись из-за гиперинфляции и бюджетного дефицита. Дополнительными факторами ухудшения ситуации стали демографические и медико-социальные последствия антропогенных катастроф (авария на Чернобыльской АЭС), военных конфликтов (чеченские войны) и деградации системы здравоохранения.

Несмотря на системные трудности, в этот период были заложены основы современной социальной политики в отношении инвалидов. В 1995 г. был принят Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹⁰, который закрепил ключевые принципы поддержки данной категории граждан. В частности, в законодательстве появилось понятие индивидуальной программы реабилитации, а также людям с инвалидностью *теоретически* были гарантированы права на образование, трудоустройство и доступную среду. Однако на практике реализация этих норм оставалась слабой из-за недостаточного финансирования, бюрократических барьеров и отсутствия эффективных механизмов контроля.

Современные вызовы и перспективы

С начала 2000-х гг. на фоне стабилизации социально-экономической ситуации в России начался процесс реформирования поддержки лиц с инвалидностью. Однако проведенные реформы носили противоречивый характер и сочетали в себе положительные изменения с сохраняющимися системными

⁶ Гоголь Н. В. *Мертвые души: поэма*. М.: Худож. лит., 1985. 45. Классики и современники.

⁷ Достоевский Ф. М. *Идиот*. М.: Эксмо, 2021. 800 с.

⁸ Перов В. Г. *Чаепитие в Мытищах, близ Москвы*. 1862. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея, Москва.

⁹ Описание фильма см. в статье (Ярская-Смирнова, Романов, 2009: 296, 300—303).

¹⁰ Российская Федерация. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ. Принят Государственной Думой 20 июля 1995 г.; одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 г.». *Президент России: сайт*. 30.04.2026. <<http://www.kremlin.ru/acts/bank/8523/page/1>>.

проблемами. Важной составляющей реформ стал переход в 2005 г. на денежные выплаты, который предусматривал замену натуральных пособий ежемесячными денежными выплатами. Эта мера, направленная на оптимизацию социальных расходов, вызвала широкие общественные протесты, поскольку многие получатели пособий, в том числе люди с инвалидностью, были вынуждены смириться со снижением уровня поддержки из-за недостаточного размера компенсаций. Еще одной проблемой была коррупция при проведении медико-социальной экспертизы: получение взяток за установление или изменение категории инвалидности стало широко распространенной практикой, что противоречило принципам социальной справедливости и указывало на серьезные недостатки в функционировании этой системы, а также на необходимость контроля.

К позитивным изменениям можно отнести создание таких некоммерческих организаций (НКО), как «Перспектива» и «Всероссийский союз инвалидов», целью которых были содействие трудоустройству и поддержка людей с инвалидностью. Россия пошла вперед к инклюзивному образованию, заявив миру о своей готовности и подписав ратификацию Конвенции ООН о правах инвалидов (2012)¹¹.

Государство поставило перед собой цель интегрировать людей с ограниченными возможностями в общество. В 2011 г. стартовала государственная программа «Доступная среда», основной акцент в которой был сделан на архитектурной и градостроительной модернизации городского пространства. Программа предусматривала адаптацию жилых домов, общественных зданий и части транспортной инфраструктуры; для этого

предполагалось внедрить универсальные решения, такие как пандусы, лифты и специальные транспортные средства. Несмотря на поставленные цели и средства, выделенные государственным органам, программа «Доступная среда» зачастую была реализована лишь формально и символически. На практике это выражалось в *символическом* соблюдении требований, когда установленные элементы, в частности такие, как пандусы, не соответствовали нормативным требованиям (например, в них был увеличен угол наклона), что делало их функционально непригодными.

В 2012 г. после ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов в России был издан Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹², где была прописана новая терминология, виды обучения, права и обязанности лиц с инвалидностью. В 2014 г. власти приняли решение перейти от термина «инвалид» к термину «человек с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)» как менее дискредитирующему.

Государство, внедрив нововведения в образование, столкнулось с новой проблемой, которую создал и усугубил COVID-19. Пандемия ухудшила положение людей с уже имеющейся инвалидностью и вызвала когнитивный диссонанс у тех, кому нужно было ее оформить. Трудности со штатной медицинской помощью и изоляция отразились на психологическом и психическом состоянии людей. Осложнения, возникшие в результате перенесенного заболевания, привели к росту числа людей с инвалидностью.

После начала специальной военной операции (СВО) в 2022 г. был отмечен значительный рост количества военнослужащих, получивших инвалидность в ходе боевых

¹¹ Российская Федерация. «О ратификации Конвенции о правах инвалидов: Федеральный закон от 03 мая 2012 г. № 46-ФЗ. Принят Государственной Думой 25 апреля 2012 г.; одобрен Советом Федерации 27 апреля 2012 г.». *Президент России: сайт*. 30.04.2026. <<http://www.kremlin.ru/acts/bank/35237>>.

¹² Российская Федерация. «Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г.; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г.». *Президент России: сайт*. 30.04.2026. <<http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698/page/1>>.

действий. Основными причинами стали боевые травмы, посттравматические расстройства и обострение хронических заболеваний, что потребовало расширения программ реабилитации для ветеранов. Как отмечают Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова и Е. А. Певцова, «необходимым условием качественной реабилитации военнослужащих инвалидов является разработка и законодательное закрепление единых стандартов реабилитации комплексного характера» (Ростовская, Князькова, Певцова, 2025: 381).

После благополучной реабилитации военнослужащих-инвалидов, которые не смогут вести деятельность в рамках защиты государства, государству необходимо было «решить проблему повышения мотивации работодателей по приему на работу инвалидов; организации в регионах комплексных профессионально-реабилитационных центров» с целью подготовить инвалидов к трудоустройству, как подчеркивает Л. А. Карасаева (Карасаева, 2021: 76).

Реформа медико-социальной экспертизы в России, активно проводимая с 2020 г., была направлена на изменение критериев установления инвалидности, процедуры освидетельствования и интеграции людей с ограниченными возможностями в общество. Она сократила *формальную* численность инвалидов, но не решила проблему доступности услуг. Ключевой вопрос о балансе между оптимизацией системы и реальной помощью уязвимым группам остается открытым.

Данная реформа подчеркнула нелиберальный тренд в управлении инвалидностью: сокращение числа «официальных» инвалидов при сохранении таких рыночных механизмов, как, например, квотируемые рабочие места. Это соответствует глобальной практике оптимизации социальных расходов, но противоречит провозглашенным принципам социальной справедливости.

За 30 лет система прошла путь от полного упадка в 1990-х гг. до постепенной гуманизации, которую можно наблюдать сегодня, но в ней до сих пор остаются нерешенными ключевые проблемы: бюрократия и коррупция в медико-социальной экспертизе; недоступная среда в большинстве городов; социальное неравенство. Сегодня инвалиды в России имеют больше прав, чем в 1990-х гг., но до полной инклюзии еще далеко.

Заключение

Сравнение российских и западных подходов в изучении инвалидности показывает, что они движутся в разных методологических плоскостях. В России исследования сосредоточены на социологии и решении прикладных задач. Западная традиция давно работает как междисциплинарная, где инвалидность анализируется как социальная конструкция, а главными вопросами становятся среда, барьеры и дискриминация. Для России это означало бы шаг к более честной и инклюзивной модели, где инвалидность — не только медицинский диагноз, но еще и социальный, и культурный феномен.

Анализ историко-культурной и социально-политической динамики инвалидности в России показывает, что восприятие людей с ограниченными возможностями всегда было противоречивым. Представленная периодизация в исследовании наглядно показывает переходы от архаичных форм дискриминации к формированию социального попечения и дальнейшей институционализации инвалидности.

В настоящее время остаются актуальными такие проблемы, как избыточное бюрократическое давление, недоступная среда, социальное неравенство, ограниченность комплексной реабилитации и сложность при трудоустройстве. Решения данных вопросов будут ключевыми направлениями в освоении инвалидности современным российским обществом.

Таким образом, интеграцию людей с инвалидностью следует рассматривать как системную задачу. Ее основу составляют законодательные, институциональные и культурно-педагогические механизмы. В свою очередь, осмысление инвалидности не может ограничиваться одной дисциплиной — необходим междисциплинарный подход с акцентом в первую очередь на социально-философском контексте.

Список литературы и источников / References

- Ананьин С. А. «Современные проблемы статистической регистрации инвалидности в России». *Инвалиды — инвалидность — инвалидизация: Междунар. науч.-практ. конф.* (Нижний Новгород, 27–28 сентября 2018 г.). Н. Новгород: НИСОЦ, 2018. 16–21. EDN: VQPFPU.
- Ananyin S. A. “Modern Problems of Statistical Registration Disability in Russia”. *Invalidity — invalidnost' — invalidizatsiya: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* (Nizhniy Novgorod, 27–28 sentyabrya 2018 g.). Nizhniy Novgorod: NISOTS, 2018. 16–21. (In Russian).
- Баринова Г. В. *Инвалидность как социальный феномен современного российского общества (социально-философский анализ)*: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2015. 488 с. EDN: FHXVRC.
- Barinova G. V. *Disability as a Social Phenomenon of Modern Russian Society (Social and Philosophical Analysis)*. Dis. ... Dr. Sci. (Philos.). Moscow, 2015. 488 p. (In Russian).
- Баринова Г. В. «Феномен инвалидности: философско-историческая рефлексия». *Симбирский научный вестник* 3 (5) (2011): 186–193. EDN: OWJJAZ.
- Barinova G. V. “The Phenomenon of Disability: Philosophical and Historical Reflection”. *Simbirskiy nauchnyy vestnik = Simbirsk Scientific Journal Vestnik* 3 (5) (2011): 186–193. (In Russian).
- Бауман З. *Текучая современность*. Пер. с англ., ред. Ю. В. Асочаков. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. 240 p.
- Голдовская А. В. *Стратегии концептуализации проблематики инвалидности: социально-философский анализ*: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2021. 123 с. EDN: JHGGKP.
- Goldovskaya A. V. *Strategies for Conceptualizing Disability Issues: Social and Philosophical Analysis*: Dis. ... Cand. Sci. (Philos.). Tomsk, 2021. 123 p. (In Russian).
- Дюркгейм Э. «О разделении общественного труда». *О разделении общественного труда. Метод социологии*. Э. Дюркгейм; изд. подгот. А. Б. Гофман; [примеч.: В. В. Сапов]. М.: Наука, 1991. 391–532. Социологическое наследие. СН.
- Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. Ed. with an introd. by S. Lukes. Transl. by W. D. Halls. New York: The Free Press, 1982. 264 p.
- Замский Х. С. *Умственно отсталые дети: история их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX в.* Прилож.: дневник Е. К. Грачевой. М.: НПО «Образование», 1995. 400 с.: ил.
- Zamskiy Kh. S. *Mentally Retarded Children: The History of Their Study, Upbringing and Education from Ancient Times to the Mid-20th Century*. Appendix: *Diary of E. K. Gracheva*. Moscow: NPO “Obrazovaniye”, 1995. 400 p.: ill. (In Russian).
- Карасаева Л. А. «Организационные и правовые проблемы в системе профессиональной реабилитации инвалидов. Поиск путей их решения». *Реабилитация — XXI век: Традиции и инновации: сб. статей IV Нац. конгресса с междунар. участием* (Санкт-Петербург, 08–09 сентября 2021 г.). СПб.: ЦИАЦАН, 2021. 72–77. EDN: GMAAXC.
- Karasaeva L. A. “Organizational and Legal Problems in the System of Vocational Rehabilitation of Disabled People. Finding Ways to Solve Them”. *Reabilitatsiya — XXI vek: Traditsii i innovatsii: sb. statey IV Nats. kongressa s mezhdunar. uchastiyem* (Sankt-Peterburg, 08–09 sentyabrya 2021 g.). St. Petersburg: TSIATSAN, 2021. 72–77. (In Russian).

- Левинас Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с. Книга света.
Lévinas E. *Totality and Infinity: An Essay on Exteriority*. Transl. by A. Lingis. Pittsburgh: Duquesne Up, 1969. 307 p.
- Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. Пер. с фр., ред.: И. С. Вдовина, С. Л. Фокин. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 608 с.
Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. Transl. by D. A. Landes. Abingdon: Routledge, 2012. lxxxvi, 610 p.
- Мирзаева Р. Е. *Социальные эффекты и риски инклюзивного высшего образования в современном российском обществе*: автореф. дис. ... канд. социол. н. Белгород, 2024. 24 с.
Mirzayeva R. E. *Social Effects and Risks of Inclusive Higher Education in Modern Russian Society*. Diss. abstract. Cand. Sci. (Sociol.). Belgorod, 2024. 24 p. (In Russian).
- Нанси Ж.-Л. *Corpus*. Сост., общ. ред. и вступ. ст.: Е. Петровская. М.: Ad Marginem, 1999. 256 с.
Nancy J.-L. *Corpus*. Transl. by R. A. Rand. New York: Fordham Up, 2008. 178 p. Perspectives in Continental Philosophy.
- Плеснер Х. *Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию*: пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с. Книга света.
Plessner H. *Levels of Organic Life and the Human: An Introduction to Philosophical Anthropology (Forms of Living)*. Transl. by M. Hyatt. Introd. by J. M. Bernstein. New York: Fordham Up, 2019. 448 p.
- Подорога В. А. *Феноменология тела: Введение в философскую антропологию*: материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с. Философия по краям.
Podoroga V. A. *Phenomenology of the Body: Introduction to Philosophical Anthropology: materials of lecture courses from 1992 to 1994*. Moscow: Ad Marginem, 1995. 340 p. (In Russian). Filosofiya po krajam.
- Ростовская Т. К., Князькова Е. А., Певцова Е. А. «К вопросу инвалидизации мужчин в современном российском обществе». *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины* 33.3 (2025): 378–382. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-3-378-382>. EDN: TZTKWA.
Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A., Pevtsova E. A. “On the Issue of Disability of Males in Modern Russian Society”. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine* 33.3 (2025): 378–382. (In Russian).
<https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-3-378-382>
- Русанова А. А. *Конструирование нетипичной телесности: социально-философский анализ*: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2020. 124 с. EDN: FEBPUI.
Rusanova A. A. *Construction of Atypical Corporeality: Socio-Philosophical Analysis*: Dis. ... Cand. Sci. (Philos.). Tomsk, 2020. 124 p. (In Russian).
- Торлопова Л. А. «Генеалогия понятия инвалидности». *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 37 (2017): 92–102. <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/10>. EDN: VZQRYS.
Torloпова L. A. “The Genealogy of the Term ‘Disability’ ”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science* 37 (2017): 92–102. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/10>
- Хабермас Ю. «Т. 2. К критике функционалистского разума». *Теория коммуникативной деятельности*. Ю. Хабермас. Пер. с нем.: А. К. Судаков. М.: Весь мир, 2022. 411–880.
Habermas J. *Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press, 1985. 457 p. Vol. 2 of *The Theory of Communicative Action*. Transl. Th. McCarthy. 2 vols.
- Шевченко А. И. *Человек с ограниченными возможностями в современном обществе (социально-философский анализ)*: дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2014. 267 с. EDN: MHXZDV.
Shevchenko A. I. *A Person with Disabilities in Modern Society (Social and Philosophical Analysis)*: Dis. ... Dr. Sci. (Philos.). Krasnodar, 2014. 267 p. (In Russian).

- Ярская-Смирнова Е. Р. *Социокультурный анализ нетипичности*. Саратов: Сарат. гос. тех. ун-т, 1997. 272 с.
- Yarskaya-Smirnova E. R. *Sociocultural Analysis of Otherness*. Saratov: Yuri Gagarin State Tech. U of Saratov, 1997. 272 p. (In Russian).
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. «Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе». *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. 289–331.
- Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov V. P. “Heroes and Do-Nothings: The Iconography of Disability in Soviet Visual Discourse”. *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme*. Ed. by E. Yarskaya-Smirnova, V. Romanov. Moscow: Variant, TSSPGI, 2009. 289–331. (In Russian).
- Charlton J. I. *Nothing about Us without Us: Disability Oppression and Empowerment*. Berkeley, CA: U of California Press, 1998. 213 p.
- Corker M., Shakespeare T., eds. *Disability / Postmodernity: Embodying Disability Theory*. London: Continuum, 2002. 264 p.
- Davis L. J. “Chapter 20. The End of Identity Politics: On Disability as an Unstable Category”. *The Disability Studies Reader*. Ed. by L. J. Davis. 4th ed. New York: Routledge, 2013. 263–277.
- Garland-Thomson R. “New Conversations in Disability Studies”. *Disability Studies Quarterly* 32.4 (2012). <https://doi.org/10.18061/dsq.v32i4.3362>
- Longmore P. K. “Uncovering the Hidden History of People with Disabilities”. Rev. of *FDR's Splendid Deception* Hugh, by G. Gallagher, and *When the Mind Hears: A History of the Deaf*, by H. Lane, and *Caring for the Retarded in America: A History*, by P. L. Tyor, L. V. Bell. *Reviews in American History* 15.3 (1987): 355–364. <https://www.jstor.org/stable/2702029>
- McRuer R. *Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability*. New York: NYU Press, 2006. 304 p.
- Mikoshiba M., Bondareva Ya. V. “Russian Religious Philosophy: Faith vs Intellect”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta ser. Filosofskiye nauki = Bulletin of Moscow Region State University ser. Philosophy* 4 (2021): 117–124. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-4-117-124>. EDN: UWSUQU.
- Oliver M. “The Social Model of Disability: Thirty Years On”. *Disability & Society* 28.7 (2013): 1024–1026. <https://doi.org/10.1080/09687599.2013.818773>
- Shakespeare T. “Chapter 5. Can Disabled People Be Healthy?”. *From Disability Theory to Practice: Essays in Honor of Jerome E. Bickenbach*. Ed. by Ch. A. Riddle. Lanham, MD: Lexington, 2018. 61–74. <https://doi.org/10.5771/97807391894670-61>
- Zola I. K. “Toward the Necessary Universalizing of a Disability Policy”. *The Milbank Quarterly* 67.2–2 (1989): 401–428.

Информация об авторе

Тарабрина Анжелика Сергеевна — аспирантка кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2), anzelika258@yandex.ru, SPIN-код: 9930-7060.

Information about the author

Angelika S. Tarabrina — Postgraduate Student of the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A, bld. 2), anzelika258@yandex.ru, SPIN code: 9930-7060.

Статья поступила в редакцию 30.12.2025, одобрена после рецензирования 28.03.2026.
The article was submitted 30.12.2025, approved after reviewing 28.03.2026.

ИНФОРМАЦИЯ

INFORMATION

Памяти Нины Константиновны Моисеевой (1938–2026)

In Memoriam: Nina Konstantinovna Moiseeva (1938–2026)

15 мая 2026 г. ушла из жизни основатель кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), профессор, доктор экономических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области образования, действительный член Международной академии менеджмента, действительный член и член президиума Международной академии науки и практики организации производства Моисеева Нина Константиновна.

Нина Константиновна Моисеева входила в состав редколлегии журнала МИЭТ «Экономические и социально-гуманитарные исследования» с 2014 по 2023 г. За период работы в Московском государственном институте электронной техники Нина Константиновна прошла путь от кандидата наук (1970 г.), доцента (1972 г.) до доктора экономических наук (1980 г.), профессора (1982 г.). Нина Константиновна основала научную школу функционально-стоимостного анализа на кафедре экономики и организации производства МИЭТ (сегодня — кафедра маркетинга и управления проектами), в 1987 г. в московском издательстве «Машиностроение» издана ее книга «Функциональ-

но-стоимостной анализ в машиностроении». Научные интересы Нины Константиновны в области маркетинговой активности компаний на внутреннем и внешнем рынках, корпоративной логистики, открытых инноваций в бизнесе представляют более 300 научных работ, более 12 монографий. Более 30 справочников и учебников, учебных пособий опубликованы в крупных отечественных издательствах: «Машиностроение», «Высшая школа», «Финансы и статистика», «Экономика», «Инфра-М» и др. Под научным руководством Н. К. Моисеевой подготовлено пять диссертаций докторов экономических наук и более 45 диссертаций кандидатов экономических наук.

За годы работы в университете Нина Константиновна внесла существенный вклад в разработку программ и методик преподавания основополагающих курсов подготовки бакалавров, магистров и аспирантов в области менеджмента и маркетинга. Авторитетный ученый, она посвятила жизнь развитию образования и науки не только в родном вузе. Профессор Н. К. Моисеева пользовалась признанием среди научной общественности страны и за рубежом, неоднократно выступала с докладами на международных и российских конференциях, осуществляла активную деятельность в рамках международных проектов с иностранными партнерами университета. За успешную научно-педагогическую деятельность Н. К. Моисеева награждена орденом Дружбы и получила звания «Заслуженный деятель науки РФ», а также «Заслуженный профессор МИЭТ». В 2004 г.

Н. К. Моисеева награждена памятной медалью энциклопедии «Лучшие люди России» (№ 770).

Светлая память о Нине Константиновне Моисеевой — учителе, ученом, руководителе и хорошем человеке — навсегда сохранится в сердцах ее многочисленных учеников, друзей и коллег.

Коллектив кафедры маркетинга и управления проектами

IX Российский философский конгресс «Философия в контексте современных вызовов»

18–20 июня 2026 г. на базе Санкт-Петербургского государственного университета прошел один из крупнейших междисциплинарных форумов с международным участием — конгресс Российского философского общества.

9th Russian Philosophical Congress “Philosophy in the Scope of Contemporary Challenges”

On June 18 to 20, 2026, Saint Petersburg State University has hosted one of the largest interdisciplinary forums with international participation: a congress of Russian Philosophical Society.

Президиум Российского философского общества (РФО) в ноябре 2024 г. принял решение о проведении IX Российского философского конгресса на базе Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Глобальные вызовы в условиях новой реальности — направление дискуссий, приуроченное к 95-летию со дня рождения первого президента РФО академика И. Т. Фролова. В работе конгресса приняли участие философы, социологи, политологи и преподаватели, представители учреждений науки, культуры и образования многих городов России, стран СНГ и государств БРИКС.

Торжественное открытие конгресса, пленарное заседание и церемония награждения лауреатов Евразийской философской премии — 2026 состоялись 18 июня в Концертном зале отеля «Санкт-Петербург». С пленарными докладами выступили к. филос. н. доц. А. П. Козырев (МГУ), чл.-корр. РАН д. филос. н. Л. Т. Рыскельдиева (КФУ им. В. И. Вернадского), к. филос. н. В. В. Сидорин (Институт философии РАН), д. филос. н. проф. И. И. Докучаев (СПбГУ) и к. филос. н. доц. А. А. Лазаревич (Институт философии НАН Беларуси). Вопрос о национальной философии, по словам докладчика из Беларуси, состоит не в том, принадлежит страна Восто-

ку или Западу, а в том, может ли она переосмыслить себя как медиатора в налаживании диалога между Западом, Востоком и Россией в условиях крайне неустойчивого многополярного мира. В этих условиях философия ставит вопросы так же глобально, как глобальны современные вызовы, отметил И. И. Докучаев. По его мнению, геополитическая глобализация, понимаемая как стремление к доминированию одной социальной группы над другой, относится к вечным вызовам, поскольку сопровождает человечество на всем протяжении его истории. Аксиологический ресурс России сегодня видится в том, чтобы воспринимать и преподносить русскую идею как идею не замкнутости, но единства мира, справедливого и духовного.

Во второй день работы конгресса, 19 июня, заседания 21 секции и 18 круглых столов проходили на двух площадках: в кампусе Высшей школы менеджмента СПбГУ и в Российской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского. Часть секций и круглых столов посвящалась памяти выдающихся российских философов: секция «Философия истории» — В. М. Межуева (1933–2019), круглый стол «Философские проблемы виртуалистики» — А. Д. Королева (1957–2026), круглый стол «Философия

человека и биоэтика» — Б. Г. Юдина (1943–2017), круглый стол «Философия социально-биосферного развития жизни» — Э. С. Демиденко (1937–2023), секция «Философская антропология» — Б. В. Маркова (1946–2023). Согласно Б. В. Маркову, в конце XX в. наступила постантропологическая эпоха, и этим обусловлена необходимость критической рефлексии философских представлений о человеке. Взаимодополняющие исследовательские программы П. С. Гуревича и Б. В. Маркова в 1988–2005 гг. заложили теоретические основы философской антропологии в России.

Мероприятия заключительного дня работы конгресса принимал у себя факультет международных отношений СПбГУ. «Единство народов России — часть культурного кода. Или нет?» — по такому вопросу предлагалось обменяться мнениями участникам панельной дискуссии, названной также философским баттлом. Итог обсуждению подвел академик РАН д. филос. н. А. В. Смирнов: «Как и любому другому, культурному коду нужен интерпретатор — именно он придает смысл».

Панельная дискуссия «Преподавание философии в Российской Федерации» пролила свет на концепцию гуманитарного ядра высшего образования, обсуждения которой длятся уже год. Участникам конгресса были представлены учебник по философии под

редакцией А. П. Козырева и Т. А. Вархотова и некоторые результаты распространения его пилотного тиража (выход полноценного тиража анонсирован осенью). В завершение заключительного мероприятия конгресса модератор дискуссии Ф. Е. Ажимов предложил панельным докладчикам дать краткий ответ на кантовский вопрос: «На что мы можем надеяться?»

Д. филос. н. Л. Т. Рыскельдиева: «На то, что философия неустранима».

Д. филос. н. В. В. Васильев: «Я вижу восходящий тренд».

Академик РАН д. филос. н. А. В. Смирнов: «Давайте надеяться прежде всего на себя, во вторую очередь на государство».

К. филос. н. Т. А. Вархотов: «Подлинное всё же победит минимальное, а то, что нас губит все эти годы, в итоге нам поможет и откроет людям глаза».

К. филос. н. А. П. Козырев: «Философию часто погребали, а она воскресала — поэтому она будет в любом случае. А сегодня мы имеем основания для сдержанного оптимизма: взаимодействие с государством носит характер диалога».

Д. филос. н. Д. К. Богатырев: «Будем надеяться, что хуже не станет».

Д. филос. н. Ф. Е. Ажимов: «Даже если философия не нужна всем, она как минимум нужна каждому».

Памятные и знаменательные даты

Memorable and remarkable dates

List of landmarks and significant dates in world and Russian history.

В апреле — июне 2026 г.

5 апреля 1656 г. (370 лет назад) родился *Никита Демидов* (настоящее имя Никита Демидович Антуфьев) — русский промышленник, основатель династии Демидовых. В 1690-е гг. он весьма успешно торговал железом и был владельцем железоделательного завода. С 1718 г. стал единственным поставщиком железа, якорей и пушек для русского флота, изготавливал железо и для хозяйственных и бытовых нужд населения. Между заводами Демидова были проложены дороги для транспортировки продукции, расчищен судоходный путь по реке Чусовой, построены сплавные суда, пристани, склады. Успешный промышленник и предприниматель, Никита Демидов проявил себя и как талантливый организатор, лично вникал во все детали заводского хозяйства. Проявляя «ревность к отечеству», поставлял продукцию в казну по более низкой цене, оказывал помощь деньгами и железом в строительстве Петербурга, основал в городе Невьянск цифирную школу (сегодня — Нижнетагильский горно-металлургический колледж им. Черепановых).

26 апреля 121 г. (1905 лет назад) родился *Марк Аврелий Антонин* — римский император, «философ на троне», последователь Эпиктета, последний из так называемых пяти хороших императоров. Время его правления считается в античной исторической традиции золотым веком. Марк Аврелий известен как высоконравственный, гуманный, хорошо образованный человек. По своим философским взглядам был убежденным и непреклонным стоиком, ненавидел насилие и войны, но по иронии судьбы беспре-

рывно воевал. В философском сочинении «Наедине с собой» («К самому себе») выражал стремление к моральному самосовершенствованию и неверие в возможность совершенствования политического строя. Основной предмет философствования Марка Аврелия — практическая этика. Человек слаб, и задача философии — за короткое отпущенное людям время научить их «самолечению» с помощью правильно выбранных принципов, объяснить, как повседневно существовать в этом мире.

29 апреля 1686 г. (340 лет назад) родился *Василий Никитич Татищев* — российский инженер-артиллерист, историк, географ, экономист и государственный деятель. Образование он получил в Европе и отличался широкими интересами в области общественных наук и географии. Всю жизнь Татищев посвятил фундаментальному труду о русской истории, первой книге такого рода в России. В 1719 г. ему было поручено «землемерие всего государства и сочинение обстоятельной географии с ландкартами». В 1720 г., отправившись по поручению Петра I на Урал, Татищев открыл там заводы по переработке металлов. Два из них стали градообразующими, положили начало современным Екатеринбургу и Перми. При обоих заводах были открыты начальные школы — общеобразовательные и специальные, в которых обучали горному делу. На Урале Татищев основал горную канцелярию — управление, занимавшееся добычей и переработкой цветных металлов. По возвращении в столицу руководил Монетной конторой, разработал рекомендации для правительства по стабилизации денежного обращения в стране. Главный

исторический труд Татищева — «История Российская», над которой он работал около 30 лет, довел повествование до 1577 г. и надеялся продолжить его до воцарения Михаила Федоровича Романова, однако завершить книгу не успел. Сохранились лишь подготовительные материалы к рассказу о событиях XVII в. В XX в. вышло академическое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева, а также его избранные труды по географии и этнологии.

14 мая 1771 г. (255 лет назад) родился *Роберт Оуэн* — английский промышленник, социалист-утопист. В 1799 г. в Нью-Ларнаке, на бывшей фабрике отца своей супруги Каролины Дейл, Оуэн начал социальный эксперимент. Он поставил перед собой задачу доказать, что работодатель, заботящийся о наемных рабочих, будет получать значительно больший доход от своего предприятия. Разработал систему «патроната», согласно которой чем достойнее условия, в которых воспитывается и работает человек, тем более совершенной становится его природа. Свою социальную утопию Оуэн стремился обосновать с помощью материалистической философии XVII — XVIII вв. Вслед за французскими материалистами он считал человека продуктом обстоятельств. Оуэн основал ряд коммунистических колоний в США и Великобритании. Проект преобразования общества с помощью трудовых колоний и их федерации был утопическим. Оуэн не понимал роли рабочего класса, считал классовую борьбу бедствием, порожденным несправедливым общественным устройством и тормозящим развитие общества; подчеркивал доминирующую роль воспитания и просвещения в решении социальных проблем. Просветительская и организационная деятельность Оуэна стимулировала развитие профсоюзного и кооперативного движения в Великобритании. В России его влияние испытывали петрашевцы, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и другие революционные демократы.

11 июня 1811 г. (215 лет назад) родился *Виссарион Григорьевич Белинский* — русский писатель, литературный критик, публицист и философ. Юношеские идеалы привели его в философский кружок Н. В. Станкевича при словесном отделении Московского университета. Среди его товарищей по кружку и единомышленников были А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, П. Х. Кетчер, Ф. Е. Корш и мн. др. После отчисления из университета в 1832 г. «по слабому здоровью» Белинский начал сотрудничать с различными московскими журналами и издательствами, публиковал свои стихи, статьи, переводы, рецензии. В 1839 г. переехал в Петербург. Эволюция взглядов Белинского сопровождалась усилением критического отношения к философскому идеализму, религиозные убеждения молодости уступили место атеистическим настроениям. Особый интерес представляют его социально-философские взгляды, учение о человеке, обществе и истории, изложенные в работах 1840-х гг. В них Белинский рассматривал общество как живой социальный организм («идеальную личность»), трактуя его историю в качестве необходимого и закономерного процесса. Мыслитель приходил к выводу, что нормальное становление личности и проявление ее творческого потенциала возможно лишь в обществе, где утвердились принципы социальной справедливости; будущее России и всего человечества он связывал с социализмом. Влияние Белинского на развитие русской социальной и философской мысли подчеркивали Н. Г. Чернышевский, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский и др.

Даты, отмечаемые ежегодно

5 апреля — *Международный день нравственности* (англ. International Day of Conscience). Нравственность, отчасти синонимичная этике и морали, по сути представляет собой разновидность социальных норм,

призванных регулировать отношения между людьми в обществе. Нравственность дает тот внутренний ориентир, в соответствии с которым человек выстраивает свои поступки и оценивает поступки окружающих. Основой нравственных принципов служит «золотое правило», призывающее поступать по отношению к другим так, как хотелось бы, чтобы поступали по отношению к тебе самому. Таким образом, оно базируется на уважении к правам, чувствам, убеждениям других людей, позволяет строить отношения между людьми на основе мира и согласия.

21 апреля — *Всемирный день творчества и инновационной деятельности* (англ. World Creativity and Innovation Day). Генеральная Ассамблея ООН в резолюции A/RES/71/284, согласно которой учрежден этот праздник, подчеркивает возможности творчества и инноваций в различных сферах деятельности человека на пути достижения задач, поставленных Программой устойчивого развития, и указывает на роль творчества и инноваций в деле созидания и сохранения Земли как нашего общего дома. Праздник отмечается более чем в 50 странах мира.

28 апреля — *Всемирный день охраны труда*, или Всемирный день безопасности и здоровья на рабочем месте (англ. World Day for Safety and Health at Work). Международная организация труда учредила этот праздник с целью подчеркнуть: культура охраны труда — это уважение права на безопасные и здоровые условия труда на всех уровнях. Сегодня более чем в ста странах проводятся мероприятия, направленные на привлечение внимания общественности к нерешенным проблемам охраны труда. Организуют мероприятия, как правило, силами местных властей, профсоюзных организаций, организаций работодателей и специалистов в области охраны труда.

24 мая — *День славянской письменности и культуры*. Ежегодно в этот день во всех славянских странах торжественно прославляют создателей славянской письменности свя-

тых Кирилла и Мефодия. Ученые считают, что славянская письменность была создана в IX в. Новый алфавит получил название «кириллица» по имени одного из братьев, Константина, который, приняв монашество, стал Кириллом. Он существенно изменил греческую азбуку, чтобы более точно передавать славянскую звуковую систему. Разработанная братьями письменность оказала огромное влияние на развитие русской книжности и литературы. В сознании многих поколений славян Кирилл и Мефодий стали символами славянского письма и культуры, поэтому праздник важен не только как церковно-государственное торжество, но и как напоминание о значении письменного слова, поскольку объединяет историю, духовность и национальное самосознание. Дню славянской письменности и культуры посвящаются научные форумы, проводятся фестивали, выставки, книжные ярмарки, поэтические чтения, смотры художественной самодеятельности, концерты и другие культурные мероприятия. Традиционно в честь праздника проводится Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие».

Последняя суббота июня — *День молодежи России* (в 2026 г. — 27 июня). С инициативой празднования выступили Комитет РФ по делам молодежи и Национальный совет молодежных объединений. Юность и молодость — не только прекрасные периоды в жизни каждого человека, но и особое состояние души. Это время дерзаний, поисков, открытий и реализации самых смелых надежд. Российская молодежь — это 37 миллионов граждан в возрасте от 14 до 35 лет, что составляет почти четверть населения страны (по данным на 2024 г.). Именно этим людям — сегодняшним школьникам, студентам, молодым рабочим, предпринимателям, ученым — предстоит определить пути развития страны. Поэтому молодежь как будущее нации имеет особую ценность для развития общества и государства.

Книжные новинки

New books

Books on philosophy, psychological and pedagogical sciences, and economics edited recently by leading Russian publishing houses.

Бахтуридзе З. З. Кризис обществ «пост...»: универсалии и уникальность осмысления / З. З. Бахтуридзе, А. И. Извеков. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2026. — 108 с. — ISBN 978-5-7422-9275-3. — EDN XCSJFE.

Авторы книги, политолог и философ, напоминают: к постматериальным (развитым) обществам относят социальные образования, в которых функции производства давно делегированы так называемым развивающимся странам. Кажущийся нерушимым консенсус подобного положения в последние десятилетия обернулся существенными диспропорциями и неизбежными при этом противоречиями. Их разрешение представляется авторам беспрецедентной исторической задачей и с позиции актуальной практики политических решений, и с точки зрения социально-философского осмысле-

ния. Современность, по наблюдению авторов, настолько отличается от предшествующего исторического опыта, что из всего спектра определений: «постматериализм», «постмодернизм», «постструктурализм» и т. п. — остается одно только многозначное «пост...». При написании монографии были использованы материалы, опубликованные З. З. Бахтуридзе и А. И. Извековым за последние 10 лет, часть из них — в соавторстве. Издание адресовано мыслителям и общественным деятелям, в сфере интересов которых находятся пути разрешения цивилизационного кризиса современности.

Майер Р. В. Сложность решения учебной задачи / Р. В. Майер. — Глазов: Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко, 2026. — 171 с. — ISBN 978-5-93008-463-4. — EDN UMMGVY.

Монография посвящена актуальной проблеме дидактики, состоящей в разработке методов оценки дидактической сложности физических и математических задач. Ее решение поможет определить сложность различных теоретических задач и оптимизировать процесс обучения. Приводится понятие дидактической сложности задачи, выявлены факторы, влияющие на ее сложность, рассмотрены методы оценки сложности логических рассуждений, физической, математической и вычислительной составляющих

сложности задачи, основанные на контент-анализе ее условия и решения. Изучена система формульных знаний школьного курса физики, произведена оценка сложности различных понятий и физических формул, а также неопределенности выбора метода решения. Монография предназначена для ученых и работников образования, интересующихся проблемами теории и практики обучения, а также для студентов педагогических вузов.

Уланов В. Л. Энергетические ресурсы в российской и мировой экономиках : от традиционных углеводородов к возобновляемым источникам энергии / В. Л. Уланов. — Москва : ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2026. — 192 с. — ISBN 978-5-16-020725-4. — DOI: [10.12737/2189090](https://doi.org/10.12737/2189090). — EDN PYJANH.

Автор раскрывает основные аспекты производственных процессов добычи и переработки углеводородного сырья. Рассмотрены как устоявшиеся категории и понятия, так и относительно новые, важные для понимания экономического развития, но не всегда находящие признание на практике, например анализ бизнеса с использованием ESG-оценок. Подчеркнута ориентированность российской экономики на добычу и переработку ресурсов. В виде обзора даны основные вопросы зеленой энергетики, углеродной нейтральности, межтопливной конкуренции. Энергетическая трилемма показана на основе баланса между тремя

проблемами использования энергии: энергетической безопасностью, доступной ценой и экологичностью. Недропользование рассмотрено как система прав и процедур, регулирующих и ограничивающих использование недр. Для иллюстрации положений приведены статистические данные по развитию топливно-энергетического комплекса. В качестве обзорной литературы книга может быть полезна начинающим изучать сложившиеся в бизнес-сообществе представления о развитии топливно-энергетического комплекса России и мира; рассчитана также на аналитиков, дает возможность структурировать знания об исследуемом предмете.

Шараков С. Л. Духовный символизм Ф. М. Достоевского / С. Л. Шараков. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2026. — 280 с. — ISBN 978-5-392-45380-1. — EDN SWQSTQ.

В центре внимания автора книги — символическое мирозерцание Ф. М. Достоевского. Обосновывается новая для достоевсковедения культурно-историческая типология символа, которая существенно восполняет преобладающий в литературоведении подход к символу как к универсальной категории. Различия культурно-исторических типов и стилей символики от Античности до

эпохи Нового времени автор рассматривает как точки вхождения в специфику символического мышления, эпохальную и индивидуальную. Издание рекомендовано для студентов филологических и философских факультетов, преподавателей и всех интересующихся творчеством и мирозерцанием Ф. М. Достоевского, а также вопросами развития философии.

К сведению авторов

For the Authors

Правила оформления рукописей (действуют с 1 октября 2025 г.)

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 номера журнала. Онлайн-подписка оформляется по каталогу «Пресса России». Подписной индекс: **80114**. Ссылка на каталог: https://www.akc.ru/itm/y_ekonomicheskoe_i_sotsialno-gumanitarnye_issledovaniya

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Основные рубрики:

- экономика инновационного развития: теория и практика;
- философия: мир в человеке и человек в мире;
- педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека;
- молодой ученый.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи (подписанный всеми авторами, допускается электронная подпись в формате pdf), включая список авторов, название, аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список;
- 2) анкеты авторов (образец анкеты можно получить в редакции);
- 3) рекомендации кафедры; сопроводительное письмо на официальном бланке (для аспирантов из сторонних организаций).

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 8—10 страниц текста (от 20 000 до 40 000 знаков); материалы объемом менее 6 страниц текста (12 000 знаков) рассматриваются как краткие сообщения. Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Внимание! Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат». Оригинальность текста: не менее 78%; самоцитирование не более 10%; цитирование не более 20%.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Авторам настоятельно рекомендуется структурировать текст статьи: выделить вводную часть, описание материалов и методов исследования (изложение теоретических основ, обзор основных теорий), результаты и их обсуждение, сделать выводы.

Аннотация (описательная) предоставляется на русском и английском языках, должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов: предмет, основные гипотезы, результаты и выводы. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др. Объем аннотации — до 150 слов.

Ключевые слова или словосочетания должны отвечать тематике исследования, соответствовать тематике статьи. Приводятся на русском и английском языках, отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Рисунки дополнительно предоставляются в отдельных файлах; они должны быть черно-белыми или в градациях серого. Векторные рисунки предоставляются в любом из форматов pdf; eps; ai. Растровые рисунки (фотографии) — в любом из форматов jpeg; tiff; png; psd. Разрешение 300 точек на дюйм, ширина рисунка ≤ 160 мм.

При выборе единиц измерения следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в круглых скобках по образцу: (Автор, год: страницы), например: (Kotler, 2023: 41—58). Список литературы и источников не нумерованный, оформляется в порядке алфавита фамилий авторов и (или) первых слов названий (слово за словом). Источники на иностранных языках располагаются в конце списка и выстраиваются в соответствии с латинским алфавитом. Рекомендуются использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников для оригинальной статьи, не менее 30 источников для обзорной статьи. При необходимости число ссылок в конкретной рукописи может быть скорректировано по согласованию с редакцией.

Библиографическое описание оформляется по 7-му изданию стандарта MLA (<https://libguides.heidelberg.edu/mla7/home>) при помощи любого удобного библиоменеджера или функционала, встроенного в Microsoft Office (вкладка «Ссылки» — кнопка «Вставить ссылку»). Необходимо указать:

- для книг: фамилию и инициалы авторов (всех или 6—7 первых), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;
- для периодических изданий: фамилию и инициалы авторов (всех или 6—7 первых), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации или ее идентификатор;
- для материалов конференций, школ, семинаров: фамилию и инициалы докладчиков, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации или ее идентификатор;
- для электронных ресурсов: сведения об

авторстве (если есть), название, год, номер (если есть), URL, дату обращения. **Список авторов и сведений о них** должен содержать:

- информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, идентификаторы (SPIN, ORCID и т. п.), если есть;
- e-mail для публикации в интернете. Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты.

В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя. Все сведения должны соответствовать указанному в авторской анкете.

Требования к оформлению текста: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный, выравнивание по ширине, поля 2 см, отступ 1,25. Для форматирования текста не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—). Нумерация рисунков и таблиц сквозная. Единственная таблица, единственный рисунок не нумеруются. Мелкие формулы выполняются в текстовом редакторе, а крупные в редакторе формул. Использование аббревиатур предполагает расшифровку.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: **124498, Москва, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».**
E-mail: esgi.miet@yandex.ru
Веб-сайт: <https://esgi-journal.ru>